

И. П. ТОЛМАЧЕВЪ.

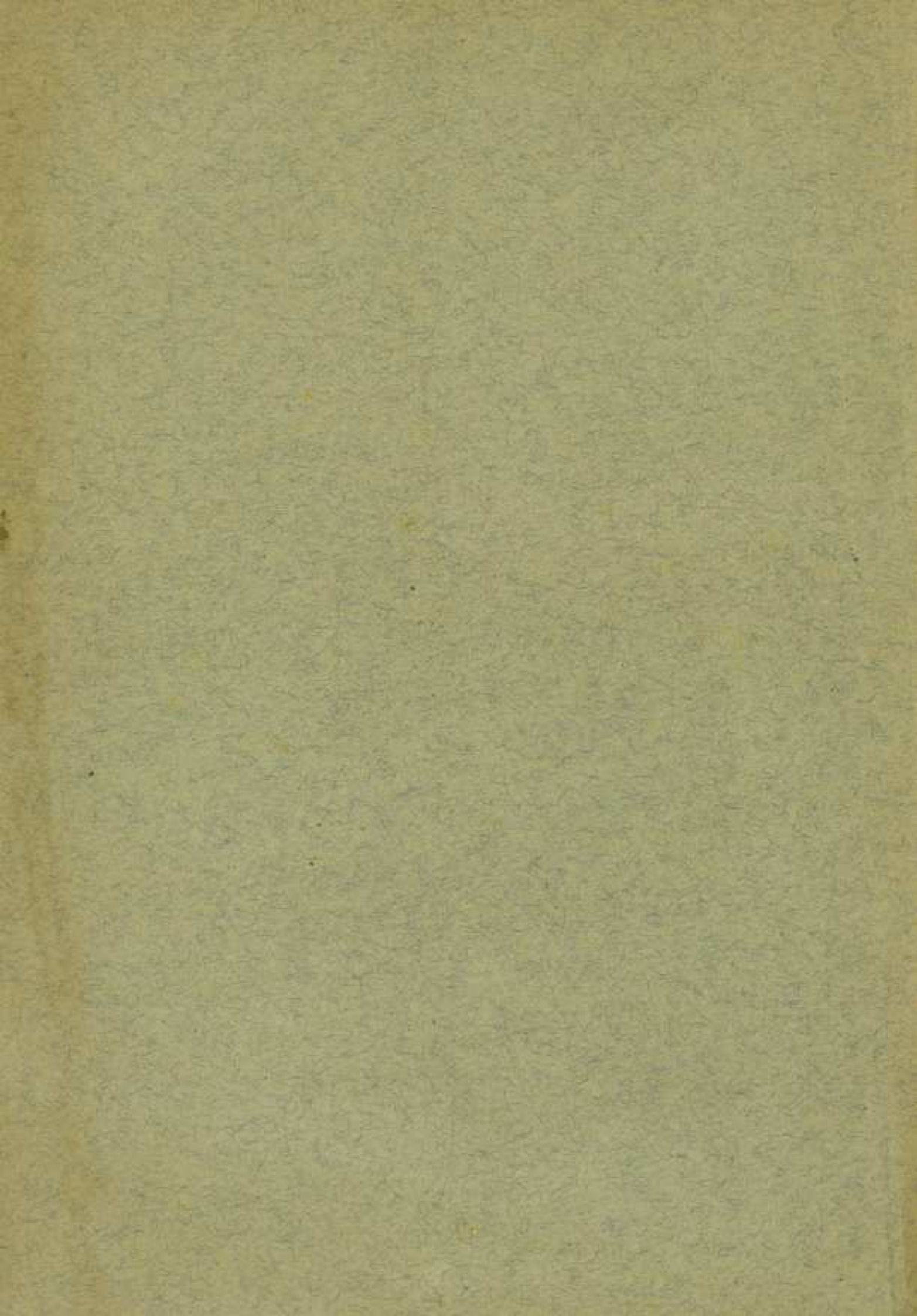
ПО

ЧУКОТСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ЛЕДОВИТАГО ОКЕАНА.

Предварительный отчетъ начальника экспедиціи по изслѣ-
дованію побережья Ледовитаго океана отъ устья Колымы
до Берингова пролива, снаряженной въ 1909 году Отдѣ-
ломъ Торговаго Мореплаванія Министерства Торговли и
Промышленности.

(Съ отдѣльною картою, 11 таблицами и 1 картою въ текотѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Экономическая Типо-Литографія, Вас. Остр. 14 л. д. 5.
1911.

38.12.9.37a

И. П. ТОЛМАЧЕВЪ.

38.12.9.37a

ПО
ЧУКОТСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ
ЛЕДОВИТАГО ОКЕАНА.

Предварительный отчетъ начальника экспедиціи по изслѣ-
дованію побережья Ледовитаго океана отъ устья Колымы
до Берингова пролива, снаряженной въ 1909 году Отдѣ-
ломъ Торговаго Мореплаванія Министерства Торговли и
Промышленности.

(Съ отдѣльною картою, 11 таблицами и 1 картою въ текстѣ).

Копія, 22/12/11.

1. Экспедиція на р. Медвѣжьей.
(Толмачевъ, Кожевниковъ, Веберъ.)

Фот. Толмачевъ.

2. Экспедиція на посту Дежнева.
(Руняйцевъ, Толмачевъ, Веберъ, Бережновъ.)

Фот. Толмачевъ.

По Чукотскому побережью Ледовитаго океана.

(Предварительный отчетъ).

И. П. Толмачевъ.

Экспедиція, краткому изложенію работъ которой и ея результатовъ посвящается эта статья, возникла путемъ, не совсѣмъ обычнымъ для научныхъ экспедицій. Экспедиція была выдвинута, можно сказать, самой жизнью, интересомъ, пробудившимся къ нашимъ полузабытымъ окраинамъ, въ частности къ Сѣверу, сознаніемъ слабой связи окраинъ съ метрополіей и необходимости усилить такъ или иначе эту связь. Въ числѣ первыхъ мѣропріятій въ этомъ направленіи было намѣчено улучшеніе путей сообщенія въ Сибири. Обсуждая этотъ вопросъ, Совѣтъ Министровъ касается необходимыхъ мѣръ для содѣйствія мореплаванію вдоль сѣвернаго побережья Сибири—въ его восточной части. По порученію Совѣта Министровъ, Иркутскій Генералъ-Губернаторъ устраиваетъ въ Якутскѣ особую комиссію, въ которую были приглашены мѣстные и заѣзжіе знатоки сѣвера Сибири, для предварительнаго обсужденія условій плаванія въ этихъ водахъ, а также и тѣхъ мѣропріятій, которыя могли бы облегчить такое плаваніе или, вообще, сдѣлать его возможнымъ. Какъ первую необходимую мѣру, комиссія признала желательнымъ устройство по всему сѣверному побережью Восточной

Сибири ряда опорныхъ пунктовъ или станцій, а затѣмъ, въ виду малой извѣстности этого побережья, благодаря чему даже выборъ мѣста для такихъ станцій былъ чисто гадательнымъ, признала необходимымъ немедленное снаряженіе мѣстными силами двухъ сухопутныхъ рекогносцировочныхъ экспедицій по побережью: одну для Верхоянскаго и другую для Колымскаго округа. Временемъ для этихъ экспедицій были назначены первые мѣсяцы 1909 г. Одновременно былъ поднятъ вопросъ и объ устройствѣ пароходнаго сообщенія съ устьями восточно-сибирскихъ рѣкъ—Колымы и Лены—черезъ Беринговъ проливъ. По почину Совѣта же Министровъ проектъ этихъ экспедицій, а равно и пароходныхъ рейсовъ, обсуждался въ особомъ совѣщаніи при Отдѣлѣ Торговаго Мореплаванія Министерства Торговли и Промышленности, которое и признало немедленное устройство коммерческаго пароходства въ этихъ неизслѣдованныхъ моряхъ преждевременнымъ и рискованнымъ, а рѣшило устроить въ 1909 г. только сухопутную экспедицію, общая организація которой была поручена пишущему эти строки. Такимъ образомъ, идея экспедиціи, а отчасти и ея планъ родились въ административныхъ кругахъ, тогда какъ обычно въ такихъ случаяхъ инициатива принадлежитъ самому изслѣдователю. Первоначально мнѣ было предложено изслѣдованіе побережья отъ устья Лены до Берингова пролива, на что я счелъ возможнымъ согласиться, при условіи хорошаго снабженія экспедиціи перевозочными средствами и начала работъ съ февраля мѣсяца. Имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе трехъ мѣсяцевъ санной дороги, я могъ разсчитывать пройти за это время отъ Лены до Колымы, а Чукотское побережье изслѣдовать уже въ лѣтніе мѣсяцы. Планъ этотъ, однако, вскорѣ оказался неосуществимымъ, въ виду того, что снаряженіе экспедиціи или, вѣрнѣе, выясненіе вопроса объ ея осуществленіи взяло несравненно болѣе времени, чѣмъ предполагалось. Первое засѣ-

даніе совѣщанія по организаціи экспедиціи состоялось 20 декабря 1908 г., тогда какъ на одинъ проѣздъ изъ Петербурга до ближайшаго пункта на подлежащемъ изслѣдованію побережьи нужно около двухъ мѣсяцевъ времени. Уже въ силу этого маршрутъ предстоящей экспедиціи оказалось необходимымъ сократить наполовину, и мнѣ было поставлено задачей изученіе побережья отъ устья Колымы до Берингова пролива. Экспедиція была рѣшена въ принципѣ, и было постановлено исходатайствовать для нея необходимыя суммы. Тогда же я указалъ, что, для того, чтобы быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, экспедицію необходимо отправить изъ Петербурга не позже середины февраля, съ чѣмъ совѣщаніе вполнѣ согласилось. Второе засѣданіе того же совѣщанія состоялось 30 января 1909 г., и на немъ прежде всего выяснилось, что получить потребную для экспедиціи сумму изъ десятимилліоннаго фонда невозможно, и что такимъ образомъ самая экспедиція является неосуществимой—по крайней мѣрѣ въ начавшемся году. Въ силу, однако, соображеній, что экспедиція желательна въ этомъ году, совѣщаніе снова рѣшило возбудить ходатайство объ отпускѣ суммъ на посылку экспедиціи для изслѣдованія всего побережья отъ устья Лены до Берингова пролива, раздѣливъ, однако, эту работу между двумя партіями. Вопросъ о средствахъ для экспедиціи былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ къ 5 февраля, дню засѣданія особой подкомиссіи при томъ же совѣщаніи, образованной для разсмотрѣнія уже деталей предстоящей экспедиціи, выясненію ея состава и т. п. День этотъ являлся почти послѣднимъ, назначеннымъ мною для отъѣзда экспедиціи изъ Петербурга. Между тѣмъ, фактическій отпускъ средствъ для экспедиціи явился возможнымъ только 28 февраля. До этого момента экспедиція не могла считаться еще вполнѣ рѣшенной и, строго говоря, не было даже возможности производить необходимыя заказы и покупки безъ извѣстнаго риска.

Въ силу тѣхъ же причинъ, до 28 февраля не было возможности сдѣлать какія-либо распоряженія или заказы на мѣстахъ въ Якутской области. Между тѣмъ, Якутскъ является послѣднимъ пунктомъ, съ которымъ есть еще телеграфное сообщеніе, а отсюда до с. Булуна на Ленѣ считается 1790 верстъ, до с. Казачьяго 1770 и до г. Средне-Колымска 2285.

Вопросъ о томъ, возможно ли при такихъ условіяхъ всетаки начать экспедицію, поднимался, конечно, не разъ. Предполагая, однако, что Якутская администрація, въ средѣ которой проектъ экспедиціи обсуждался, достаточно освѣдомлена объ условіяхъ сообщеній въ краѣ и позаботится о безпрепятственномъ проѣздѣ экспедиціи изъ Якутска до начальныхъ пунктовъ работъ на сѣверномъ побережьи Сибири, въ чемъ были даны прямыя завѣренія, мы надѣялись, что называется, проскочить на сѣверъ еще по зимнему пути, даже выѣхавъ изъ Петербурга въ началѣ марта. Что касается снаряженія экспедиціи, по необходимости чрезвычайно спѣшнаго, то оно было выполнено лишь благодаря содѣйствію различныхъ лицъ и учреждений. Сердечной благодарностью экспедиція обязана прежде всего Начальнику Главнаго Гидрографическаго Управленія А. И. Вилькицкому, снабдившему объ партіи экспедиціи картами, книгами и большею частью всѣхъ бывшихъ у насъ инструментовъ, причемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ были спѣшно въ нѣсколько дней передѣланы въ мастерской Управленія, на что при обычныхъ условіяхъ потребовалось бы нѣсколько недѣль. А. И. Вилькицкій, кромѣ того, принялъ и личное участіе въ подготовкѣ экспедиціи, обучивъ пишущаго эти строки производству астрономическихъ наблюденій. Вычисленіе астрономическихъ пунктовъ экспедиціи ведется въ настоящее время въ Главномъ Гидрографическомъ Управленіи, которое взяло на себя и изданіе подробной карты экспедиціи. Геодезическое Отдѣленіе Военно-Топографическаго

Управленія снабдило экспедицію инструментами для съемки, двумя теодолитами и нѣсколькими хронометрами, въ чемъ мы обязаны содѣйствію бывшаго завѣдующаго Отдѣленіемъ Н. О. Щеткина.

Личный составъ экспедиціи сформировался окончательно также только во второй половинѣ февраля. Общее завѣдываніе экспедиціею и ея организація были поручены мнѣ. На меня же возлагалось и ближайшее руководство работами восточной партіи экспедиціи—отъ устья Колымы до Берингова пролива, т. е. Чукотской Экспедиціей. Въ качествѣ руководителя западной партіи, работавшей между устьями р. р. Колымы и Лены, былъ приглашенъ К. А. Воллосовичъ. Моими ближайшими помощниками явились капитанъ корпуса военныхъ топографовъ М. Я. Кожевниковъ и геодезистъ Э. Ф. Веберъ (таблица 1, рис. 1), К. А. Воллосовича—штабсъ-капитанъ корпуса военныхъ топографовъ Н. А. Юдинъ и астрономъ Е. Ф. Скворцовъ.

1-го марта Якутскимъ губернаторомъ И. И. Крафтомъ, бывшимъ тогда въ Петербургѣ, была послана въ Якутскъ телеграмма, которая заключала его распоряженія Колымскому исправнику о заготовкѣ для насъ различныхъ припасовъ, закупкѣ товаровъ, наймѣ оленей, проводниковъ и объ устройствѣ склада на устьѣ р. Чауна. Такая же телеграмма была послана Верхоянскому исправнику по отношенію къ западной партіи. Какъ мы узнали позднѣе, Колымскій исправникъ получилъ это распоряженіе губернатора въ Средне-Колымскѣ 20 марта съ нарочнымъ. Этой телеграммой исчерпывались всѣ распоряженія по поводу снаряженія такой отдаленной и сложной экспедиціи, какой явилась Чукотская, работавшая въ мѣстности, съ которой даже мѣстное населеніе и администрація знакомы очень мало, и гдѣ русское вліяніе равняется почти нулю.

Телеграммы, отправленныя губернаторомъ, были составлены при ближайшемъ моемъ и К. А. Воллосовича участіи. Всѣ трое мы знали тѣ условія, съ которыми намъ

придется считаться, знали, что условіемъ успѣха, а даже, можетъ быть, и самаго осуществленія экспедиціи является ея возможно скорый проѣздъ отъ Якутска до океана, много разъ говорили объ этомъ, и всетаки въ телеграммахъ, составленныхъ нами сообща, нѣтъ ни одного слова о томъ, чтобы мѣстная администрація позаботилась объ этомъ проѣздѣ. Важность этого условія настолько казалась намъ очевидной, настолько мы считали ее ясной и для тѣхъ, въ руки кого прежде всего должны были попасть эти распоряженія, что какъ бы согласились молчаливо считать упоминаніе о подготовкѣ проѣзда экспедиціи совершенно ненужнымъ, будучи убѣждены, что это первое, о чемъ сами собою позаботятся на мѣстѣ. Тяжелой цѣной пришлось намъ въ послѣдствіи заплатить за эту увѣренность!

3-го марта наша партія и Е. Ф. Скворцовъ изъ западной партіи выѣхали черезъ Москву въ Иркутскъ. Вмѣстѣ съ нами ѣхалъ штабсъ-капитанъ Г. Я. Сѣдовъ, командированный Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ для изслѣдованія устья р. Колымы. К. А. Воллосовичъ могъ выѣхать съ Н. А. Юдинымъ только 7-го марта. Въ ожиданіи ихъ, Э. Ф. Веберъ и Е. Ф. Скворцовъ должны были успѣть произвести астрономическія наблюденія въ Иркутскѣ, откуда далѣе намъ приходилось ѣхать на лошадяхъ.

Въ Москвѣ, при пересадкѣ въ сибирскій поѣздъ, намъ пришлось выдержать цѣлую бурю изъ за хронометрическихъ ящиковъ, которые помощникъ начальника станціи непременно хотѣлъ убрать изъ нашего купѣ въ багажъ, сколько мы ни объясняли ему, что это совершенно невозможно. Только мой категорическій отказъ подчиниться этимъ требованіямъ и предложеніе употребить противъ насъ силу заставили махнуть на насъ рукою.

11-го марта мы прибыли въ Иркутскъ. Погода стояла благопріятная, и наши астрономы съ той же ночи могли начать свои работы.

Въ Иркутскѣ, по телеграммѣ моего родственника С. Н. Родионова, были заготовлены для экспедиціи теплая одѣяла, съѣстные припасы и большія кошевы. Мы рассчитывали ѣхать по двое въ одной кошевѣ, а одну кошеву на двухъ имѣть подъ довольно объемистымъ багажемъ. Дорога до первой станціи по Якутскому тракту уже испортилась настолько, что я былъ вынужденъ всѣ наши зимніе экипажи отправить на первую станцію почти пустыми, а сами мы переѣхали на колесныхъ экипажахъ.

14-го марта пріѣхали К. А. Воллоссовичъ и Н. А. Іюдинъ. За это время астрономы настолько подвинули свои работы, что выѣздъ экспедиціи могъ быть назначенъ на завтра. Раньше всего, 15-го, двинулся К. А. Воллосовичъ съ Н. А. Іюдинымъ, потомъ Г. Я. Сѣдовъ съ своимъ помощникомъ боцманматомъ Жуковымъ и, наконецъ, вечеромъ Э. Ф. Веберъ и Е. Ф. Скворцовъ. Я съ М. Я. Кожевниковымъ, покончивъ всѣ дѣла, выѣхалъ 16-го къ вечеру. Послѣ нѣкоторыхъ неполадокъ съ лошадьми на первыхъ станціяхъ, вскорѣ все наладилось и, начиная съ третьей станціи отъ Иркутска, мы поѣхали прекрасно. Пользуясь земскими лошадьми, мы съ М. Я. Кожевниковымъ догнали и перегнали почту, вышедшую изъ Иркутска также 16-го, и теперь безпрепятственно двигались впередъ. Плохая дорога осталась у Иркутска, а здѣсь на приближеніе весны указывала только мѣстами грязь у подъѣздовъ станцій, да яркое и теплое полуденное солнце, хотя утренники послѣ ясныхъ ночей все еще доходили до сорока градусовъ! Содержатели станцій получили всюду циркулярныя предписанія изъ Иркутска о нашемъ проѣздѣ. Лошади были вездѣ готовы, запрягали ихъ быстро, такъ что мѣстами мы едва успѣвали напиться чаю. Не было никакихъ придиорокъ и споровъ, по этому тракту обычно весьма нерѣдкихъ. Задерживали насъ мѣстами лишь наледи, да свѣжевыпадавшій снѣгъ, по которому иногда приходилось тащиться чуть

не шагомъ. О Ленскомъ трактѣ нѣкоторое представленіе даютъ рисунки на таблицѣ 2. Въ Киренскѣ 23 марта мы съ М. Я. Кожевниковымъ догнали и перегнали нашихъ астрономовъ и Г. Я. Сѣдова съ его помощникомъ, которыхъ, вообще, нѣсколько задерживала ежедневная заводка хронометровъ. Кромѣ того наши астрономы въ Киренскѣ должны были наблюдать (таблица 3, рис. 1).

Мы двсе прѣхали въ Якутскъ 31 марта. К. А. Волловичъ и Н. А. Юдинъ были здѣсь уже 30-го. Наши астрономы и Г. Я. Сѣдовъ со своимъ помощникомъ прѣхали 2-го апрѣля. Въ Якутскѣ намъ опять пришлось прожить нѣсколько дней, какъ для производства астрономическихъ наблюденій, въ этомъ послѣднемъ на нашемъ пути пунктѣ, географическое положеніе котораго определено по телеграфу, такъ и для окончательнаго снаряженія экспедиціи. Много пришлось хлопотать о закупкѣ разныхъ припасовъ и товаровъ, объ упаковкѣ, укладкѣ и отправкѣ всего багажа экспедиціи. Время было мало благопріятное, такъ какъ въ Якутскѣ мы прѣхали какъ разъ на Пасхѣ. Однако, благодаря содѣйствію мѣстной администраціи, а равно и тѣхъ частныхъ лицъ, съ которыми приходилось сталкиваться, намъ это помѣшало мало. Торговый домъ «Коковинъ и Басовъ», напримѣръ, въ два дня приготовилъ намъ большую партію товаровъ, доставивъ ихъ въ готовой къ перевозу формѣ—упакованными въ ящики. Количество закупокъ пришлось неожиданно сильно увеличить, такъ какъ никто въ Якутскѣ не могъ мнѣ гарантировать, что я получу въ Средне-Колымскѣ всѣ заказанные мною тамъ изъ Петербурга товары. Новые запасы товаровъ должны были, по всѣмъ предположеніямъ, уже прійти туда, но пришли ли фактически—было неизвѣстно. Рисковать остаться совсѣмъ безъ товаровъ я не могъ, такъ какъ къ чукчамъ съ однѣми деньгами ѣхать нельзя. Пришлось поэтому взять отсюда три мѣста чаю и пудъ черкаскаго табаку, что вмѣстѣ

съ другими закусками увеличило нашъ багажъ въ Якутскѣ на шесть нартъ, да столько же нартъ мы, примѣрно, привезли изъ Иркутска. Къ этому необходимо прибавить три нашихъ нарты, двѣ нарты казаковъ и нарты трехъ ямщиковъ, такъ что всего наша экспедиція задолжала болѣе двадцати нартъ. Въ общемъ же вся экспедиція (считая и партію К. А. Воллосовича) вмѣстѣ съ Г. Я. Съдовымъ занимала до сорока нартъ, по крайней мѣрѣ, на пути до Верхоянска, откуда партія К. А. Воллосовича должна была двинуться прямо на сѣверъ—на Казачье. Мы хорошо понимали трудность передвиженія такой массы подводъ, но, въ виду увѣреній, сдѣланныхъ намъ въ Петербургѣ, мы надѣялись, что и впереди сдѣлано все возможное, тѣмъ болѣе, что аналогичныя распоряженія были сдѣланы по тракту отъ Иркутска. Представители Якутской администраціи не разъ завѣряли насъ во время нашего житія въ Якутскѣ, что для насъ имѣется впереди по тракту достаточно спеціально заготовленныхъ лошадей и оленей. Съ другой стороны, пріѣхавшіе съ сѣвера сообщали, что проѣздъ до Верхоянска очень затрудненъ, такъ какъ по дорогѣ мѣстами мало снѣгу, и что олени совершенно по тракту измучены, благодаря большому разгону. Въ послѣднемъ винили, между прочимъ, отрядъ солдатъ въ 20 человѣкъ съ офицеромъ, отправленный на Булунъ (и уже возвратившійся къ Пасхѣ въ Якутскѣ), навстрѣчу шайкѣ Туруханскихъ ссыльныхъ, бѣжавшихъ въ концѣ 1908 года изъ Туруханскаго края черезъ Дудинку въ тундры къ востоку отъ Енисея и настигнутыхъ позднѣе въ с. Хатангскомъ, на случай, если бы они пробрались до Лены. Самая возможность передвиженія такого отряда до Булуна и обратно показывала намъ, что и экспедиція, разъ объ ея проѣздѣ подумано, препятствій къ своему проѣзду не встрѣтитъ.

2-го апрѣля изъ Якутска отправили въ Верхоянскъ партію политическихъ ссыльныхъ въ 4 человѣка съ тремя

казаками. Узналъ я объ этомъ *post factum* и очень встревожился, такъ какъ считалъ опаснымъ движеніе 10 марта по одному направленію съ экспедиціей. Несмотря на новыя увѣренія, что для насъ заготовлены спеціально лошади и олени, и что „политики“ намъ помѣшать не могутъ, я тѣмъ не менѣе попросилъ задержать отправку второй партіи, предположенную на 4 апрѣля, предложивъ попросить телеграммой разрѣшенія Иркутскаго Генералъ-Губернатора на такую задержку. Это, однако, оказалось вполнѣ въ компетенціи мѣстныхъ властей. Точно также я просилъ задержать дня на два отправку почты (6 марта), которая должна была уйти 5-го апрѣля. Почта ходитъ изъ Якутска два раза въ мѣсяцъ и опозданія на два—три дня случаются и безъ особыхъ причинъ. Почту, однако, отправили въ назначенное время, давъ опять увѣреніе, что она насъ не задержитъ и даже будетъ полезна, такъ какъ почталіонъ, двигаясь впереди послѣднихъ отрядовъ экспедиціи, будетъ распоряжаться окончательною подготовкою для экспедиціи лошадей и оленей. Кромѣ того, мнѣ было предоставлено право, въ случаѣ, если я увижу, что почта мѣшаетъ нашему движенію, задержать ее и перегнать, о чемъ почталіону также, будто бы, было дано особое распоряженіе.

Чтобы не мѣшать въ движеніи по тракту другъ другу, мы рѣшили разбиться на партіи. Строго говоря, первой слѣдовало бы двинуться нашей партіи, какъ имѣющей наиболѣе дальнюю дорогу, но, въ виду поздняго времени, я, неся общую отвѣтственность за организацію экспедиціи, не считалъ возможнымъ проѣхать черезъ Верхоянскъ, имѣя сзади себя западный отрядъ. Поэтому К. А. Воллосовичъ двинулся первымъ 4 апрѣля утромъ, какъ только Е. Ф. Скворцовъ въ ночь наканунѣ покончилъ съ своими работами. Проводами К. А. Воллосовича и его спутниковъ я покончилъ свои обязательства по отношенію къ западной партіи экспедиціи, и теперь

всѣ свои силы могъ приложить исключительно къ работамъ восточнаго отряда.

Мы трое выѣхали въ ночь на 6-ое апрѣля (въ третьемъ часу утра) въ сопровожденіи якутскаго казака (переводчика) Даурова. Г. Я. Сѣдовъ со своимъ спутникомъ Жуковымъ и казакомъ Дьячковымъ должны были выѣхать 7-го утромъ. Такимъ образомъ, между всѣми тремя отрядами были интервалы около полутора сутокъ, и я надѣялся, что намъ удастся проѣхать безъ особыхъ трудностей, не мѣшая другъ другу. На первой же, однако, отъ Якутска станціи мы не нашли ни лошадей, ни кого-либо изъ представителей станціонной власти. За старостой пришлось послать нашего казака версты за четыре, лошадей кое-какъ собрали поблизости. Староста прежде всего пожаловался намъ на другого нашего казака Асламова, котораго я отправилъ одновременно съ К. А. Воллосовичемъ впередъ съ грузами, и который, какъ оказалось, уже на этой станціи отсталъ отъ К. А. Воллосовича и двинулся дальше, только, подобно намъ, собравъ самъ лошадей послѣ долгихъ споровъ и ссоръ съ якутами. То же самое приходилось дѣлать и намъ, какъ здѣсь, такъ и дальше, добывая лошадей, тратя массу времени, пока, наконецъ, на пятой отъ Якутска станціи—Харагатергинской, мы не засѣли окончательно, проѣхавъ въ полутора сутокъ всего 120 верстъ, на что безъ этихъ задержекъ не потребовалось бы и однѣхъ сутокъ. Здѣсь оказалось всего шесть лошадей, остальныхъ же было необходимо опять собирать по округѣ. Такъ какъ инородцы ссылались на почту, я рѣшилъ воспользоваться этими лошадьми, чтобы догнать и остановить почту, въ возможности чего, въ виду данныхъ намъ обѣщаній, я не сомнѣвался ни мало. Я взялъ съ собой казака, три нарты грузовъ и съ однимъ ямщикомъ на шести нартахъ немедленно двинулся впередъ. Обстоятельства сложились такъ, что со своими товарищами я увидѣлся вновь только черезъ два мѣсяца. Позднѣе я

узналъ, что М. Я. Кожевниковъ, проводивъ меня, послалъ въ сосѣднюю Борогонскую управу за лошадьми, вручивъ при этомъ посланному открытое предписаніе объ оказаніи намъ всюду содѣйствія для предъявленія находившемуся въ это время въ управѣ засѣдателю. Засѣдатель на это отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ объ экспедиціи и никакихъ предписаній отъ своего начальства не получалъ.

Тѣмъ временемъ мы съ казакомъ двигались дальше, пользуясь почти исключительно вольнонаемными лошадьми, такъ какъ почтовыхъ не было даже для нашихъ шести нартъ. Лошади были страшно измучены, и мы рѣдко ѣхали иначе, какъ шагомъ. Вечеромъ 9-го апрѣля мы добрались до станціи Сегенъ-Кельской, откуда ѣздить уже на оленяхъ, употребивъ на переѣздъ 325 верстъ отъ Якутска почти четверо сутокъ. Здѣсь я, наконецъ, догналъ почту и другого нашего казака Асламова съ шестью нартami грузовъ, сидѣвшихъ въ ожиданіи оленей, ушедшихъ съ К. А. Воллосовичемъ. Я тотчасъ же попросилъ почталіона пропустить экспедицію, какъ только придутъ олени, но получилъ категорическій отказъ. Почталіонъ заявилъ мнѣ, что его частнымъ образомъ дѣйствительно просили уступить намъ дорогу, но разговоръ объ этомъ прекратился, когда онъ попросилъ формальное предписаніе, въ силу котораго могъ бы задержать почту. Поэтому онъ считалъ для себя слишкомъ рискованнымъ исполнить мою просьбу, съ чѣмъ я не могъ не согласиться. Всѣ мои уговоры ни къ чему не повели, и почталіонъ даже выражалъ неудовольствіе, что, благодаря экспедиціи, онъ вынужденъ сидѣть на станціи безъ лошадей и т. п.

Къ ночи, когда олени пришли, мы двинулись вмѣстѣ съ почтой, оставивъ по необходимости наши грузы съ Асламовымъ на той же станціи. Я рассчитывалъ впереди на содѣйствіе почталіона, какъ человѣка всетаки официальнаго, отъ котораго имѣлъ право такого содѣйствія ожидать,

а также какъ хорошо знакомаго съ мѣстными условіями, но встрѣтилъ скорѣе противодѣйствіе. На одномъ перегонѣ я обогналъ почту и, пріѣхавъ на станцію, хотѣлъ ѣхать тотчасъ дальше, такъ какъ олени были, но содержатель станціи сказалъ, что нѣтъ лямокъ, что ихъ привезутъ и т. п. Часа черезъ три пришла почта, моментально лямки нашлись, и олени, на которыхъ я рассчитывалъ, увезли ее дальше. Къ счастью, на станціи оказались встрѣчные ямщики, не успѣвшіе еще вернуться обратно, которыхъ я и заставилъ вести себя, догнавъ снова почту къ явному неудовольствію почталіона.

Передъ Дирингъ-Оломской станціей (за два перегона до Верхоянска), гдѣ мнѣ пришлось просидѣть болѣе двухъ сутокъ, и откуда почта ушла впередъ одна, почталіонъ рѣшилъ отдѣлаться отъ меня въ очень грубой формѣ. Мы остановились на ночлегъ въ поварнѣ, чтобы дать вздохнуть оленямъ. Здѣсь же ночевалъ ѣдущій навстрѣчу содержатель одной изъ станцій съ ямщикомъ. Оленей, какъ водится, отпустили. На утро рано трое ямщиковъ и почталіонъ двинулись за оленями въ лѣсъ и вскорѣ вернулись безъ моего ямщика, приведя оленей только подъ почту и ни одного для меня. Собрать одному человеку оленей почти невозможно, и я попросилъ почталіона послать своего ямщика на помощь моему, однако встрѣтилъ отказъ. Тогда я самъ сказалъ его ямщику, какъ могъ по-якутски, чтобы онъ шелъ въ лѣсъ. Въ отвѣтъ на это почталіонъ закричалъ на него, приказывая остаться. Не зная, кого слушаться, ямщикъ стоялъ въ нерѣшимости. Видя, что такъ далѣе продолжаться не можетъ, я подошелъ къ ямщику, схватилъ его за воротникъ, и, со словами „баръ тургеникъ“ (пошелъ скорѣе), толкнулъ къ лѣсу. Ямщикъ кинулся бѣгомъ, а опѣшившій почталіонъ, понявшій, видимо, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, сразу стихъ, быстро запрегъ оленей и уѣхалъ одинъ, загнавъ, какъ я потомъ узналъ, двухъ оленей. Моихъ оленей собрали

теперь очень быстро и также быстро запрягли. Перепуганный почтовый ямщик помчался догонять почту, а мой казакъ посмотрѣлъ вслѣдъ и меланхолически сказалъ: „ну, струсилъ, теперь онъ (почталіонъ) ему всю морду разобьетъ, а то и застрѣлитъ“. По пути почты на станціяхъ шло пьянство, и такъ какъ я, естественно, не скрывалъ своего неудовольствія по этому поводу, то почталіону и хотѣлось отдѣлаться отъ меня во что бы то ни стало—единственное объясненіе, которое я могу дать всей этой странной исторіи.

На каждой станціи мнѣ приходилось много хлопотать какъ о своемъ проѣздѣ, такъ и объ оставшихся сзади товарищахъ. Поддержки со стороны почталіона мнѣ не было и здѣсь, наоборотъ, онъ немедленно начиналъ доказывать, что станціонные олени и лошади существуютъ для почты, а не для экспедицій, для которыхъ заготавливаются улусныя подводы, и что я не могу претендовать на содержателей станцій. Когда я спрашивалъ, почему нѣтъ подводъ, якуты говорили, что они ничего не знали о нашемъ проѣздѣ, и что тогда, когда собирались отправить солдатъ на Булунъ, ѣздили для заготовокъ подводъ спеціальныя нарочныя, теперь же такого не посылалось, нарочный же, проѣхавшій въ мартѣ съ нашими депешами въ Средне-Колымскъ, никакихъ распоряженій по дорогѣ не оставилъ. Изъ всего этого дѣлался, видимо, выводъ, что экспедиція, въ сравненіи съ такимъ предпріятіемъ, какъ посылка отряда солдатъ—дѣло пустое, относительно котораго никто не считалъ нужнымъ позаботиться. Насъ даже прямо не считали за правительственныхъ чиновниковъ, какъ откровенно и высказали намъ, когда я съ М. Я. Кожевниковымъ тѣмъ же трактомъ ѣхалъ обратно въ 1910 году, не узнавая прежнихъ нахальныхъ якутовъ въ предупредительныхъ, услужливыхъ содержателяхъ станцій. Теперь по всему тракту о проѣздѣ экспедиціи изъ Колымска было разослано циркулярное

предписаніе якутскаго губернатора, и все шло совершенно иначе.

На половинѣ пути къ Верхоянску, у границы Верхоянскаго округа, мы встрѣтили тунгусовъ, уступившихъ намъ оленей. Къ сожалѣнію, помощь эта была на одинъ перегонъ, а въ готовности помочь намъ были скрыты и своекорыстные элементы. Они везли казенную кладь и видѣли, что имъ не доставить ее по зимнему пути. Отдавъ же оленей намъ, они получали возможность сослаться на экспедицію, какъ на причину всей задержки.

На самой границѣ Верхоянскаго округа стоитъ столбъ, на которомъ прикрѣплена доска съ соотвѣтствующей надписью (на таблицѣ 4, рис. 1, изображена часть каравана М. Я. Кожевникова около этого пограничнаго знака). На таблицѣ 3, рис. 2, имѣется снимокъ станціоннаго дома, точнѣе балагана, гдѣ останавливаются проѣзжающіе въ ожиданіи лошадей или оленей, дающій представленіе о станціонныхъ помѣщеніяхъ какъ по Верхоянскому, такъ и Колымскому трактамъ.

Дѣло шло все хуже и хуже. Началась распутица. Инородцы, подъ всякими предлогами, начали уклоняться отъ ѣзды днемъ, и наше передвиженіе становилось все медленнѣе и медленнѣе. 15-го апрѣля я прибылъ утромъ на станцію Диринъ-Оломскую въ 120 верстахъ отъ Верхоянска и нашелъ здѣсь засѣвшую партію политическихъ ссыльныхъ, отправленную изъ Якутска 2-го апрѣля. Оказалось, что и К. А. Воллосовичъ просидѣлъ здѣсь цѣлыя сутки. Почталіонъ заставилъ своего ямщика везти почту дальше, взявъ у моего нѣсколько штукъ болѣе сохранившихъ силы оленей, на которыхъ я все равно не могъ никуда дальше двинуться. Съ почтой я отправилъ въ Верхоянскъ письмо къ исправнику, которымъ просилъ о содѣйствіи или помощи экспедиціи. Положеніе же наше здѣсь было прямо отчаянное, благодаря удивительнымъ порядкамъ на трактѣ. Дѣло въ томъ, что контракты съ почтосодержа-

телями заключаются такъ, что съ Георгіева дня, т. е. 23-го апрѣля, содержатели станцій замѣняютъ оленей лошадьми, Срокъ этотъ, однако, сильно передвигается въ ту или другую сторону, въ зависимости отъ времени наступленія весны. Въ этомъ году весна ударила очень рано, и оленей со станціи угнали чуть ли не наканунѣ нашего пріѣзда, лошадей же содержатель станціи считалъ себя вправѣ не приводить, согласно контракту, до 23-го апрѣля. Такимъ образомъ, здѣсь намъ угрожала задержка недѣли на полторы. Потерявъ день на тщетные поиски оленей и лошадей по близости станціи, я, воспользовавшись одною оказавшеюся здѣсь лошадью, отправилъ на другой день своего казака на поиски по округѣ, давъ ему официально написанную бумагу на случай случайной и рѣдкой встрѣчи съ какимъ-нибудь грамотеемъ. Главную символическую суть этой бумаги представляла моя сургучная печать съ припечатаннымъ къ ней перышкомъ—эмблема срочности и вообще серьезности бумаги, примѣняемая на всемъ сѣверѣ Сибири официальными лицами, хорошо извѣстная инородцамъ. Казакъ вскорѣ встрѣтилъ какого-то старшину, который и взялся увезти насъ частью на вьючныхъ лошадяхъ, частью запрягая ихъ въ нарты. Старшина, хотя лицо болѣе или менѣе официальное, тѣмъ не менѣе сразу повысилъ плату за свои услуги, потребовавъ, чтобы я уплатилъ какъ за лошадей, на которыхъ ѣдутъ проводники, такъ и самимъ проводникамъ по 3 копѣйки съ версты. За казака же я уже давно платилъ полностью прогоны, хотя командированныхъ по службѣ казаковъ обязаны возить бесплатно.

Всѣ наши грузы пришлось приспособить спѣшно на вьюки. Неѣзженныя болѣею частью съ зимы лошади были полудикими, и одну изъ нихъ пришлось свалить арканами, связать и въ такомъ видѣ нагрузить на нее болѣе восьми пудовъ такихъ грузовъ, какъ патроны, берданки и т. п. Когда путы сняли, конь вскочилъ какъ бѣшеный,

1. Передвиженіе по Ленѣ.

Фот. Сидоровъ.

2. Станція Тоень-Аринская: на Ленѣ.

Фот. Сидоровъ.

Фот. Скаловъ.

1. Астрономическія наблюденія въ г. Киренскѣ.

Фот. Скаловъ.

2. Станціонное помѣщеніе по Верхоянскому тракту.

но быстро присмирѣлъ подъ необычной тяжестью. Между прочимъ, несмотря на свою малорослость и видимую слабосильность, этотъ конь прошелъ съ тѣмъ же вьюкомъ безсмѣнно до самаго Верхоянска. Особенно много хлопотъ доставляла моя кошевка, которую я не хотѣлъ бросать, рассчитывая впереди имѣть еще санную дорогу. Здѣшнія лошади запрягаются очень рѣдко, да и то такимъ образомъ, что лямки отъ саней перекидываются черезъ сѣдло. Поэтому почти всякая лошадь начинала дурить, почувствовавъ за собою громыхающую на раскатахъ кошевку, отъ которой шарахались и вьючныя лошади.

При этихъ условіяхъ 17-го апрѣля послѣ полудня мы двинулись, наконецъ, съ Диринъ-Оломской станціи.

Я не надѣялся на помощь изъ Верхоянска и старался обезпечить проѣздъ для М. Я. Кожевникова и Э. Ф. Вебера. Поэтому я опять отправилъ казака въ сопровожденіи якута съ тѣмъ же предписаніемъ по улусамъ собирать лошадей. Безцеремонность якутовъ дошла до того, что старшина рискнулъ потребовать, чтобы я поѣхалъ чуть-ли не представляться какому-то изъ старостъ, живущему верстахъ въ 20 отъ тракта, который притомъ могъ быть и не дома. Только рѣшительный отпоръ съ моей стороны заставилъ якутовъ держаться поскромнѣе. Благодаря этимъ хлопотамъ, мнѣ и казаку удалось найти для проѣзда нашихъ нѣсколькихъ лошадей, но уже по двойнымъ цѣнамъ, платя къ тому же за лошадь проводника и ему самому также по 6 копѣекъ съ версты. При этомъ нанимавшіеся якуты мотивировали двойныя цѣны тѣмъ, что по три копѣйки съ версты они должны заплатить владѣльцамъ лошадей, а другія три копѣйки получить себѣ въ качествѣ гонорара. Это показало мнѣ, что населеніе за обычную прогонную плату охотно даетъ лошадей даже безъ воздѣйствія администраціи, и что проѣздъ экспедиціи легко могъ бы быть, при извѣстной заботливости объ этомъ, хорошо подготовленъ безъ всякаго ущерба для

жителей, причемъ посредникомъ явилась бы администрація, какъ теперь случайно попадавшіеся якуты, которыхъ соблазняла при этомъ возможность хорошо и легко заработать. Въ качествѣ приманки, я пустилъ также и имѣвшіяся у меня берданки, которыя очень цѣнятся мѣстнымъ населеніемъ, но администраціей почему-то пускаются въ обращеніе далеко въ несоотвѣтствующемъ потребностямъ населенія количествѣ.

Въ ночь съ 18-го на 19 го апрѣля я пріѣхалъ въ Верхоянскъ, употребивъ на переѣздъ отъ Якутска въ 870 верстъ ровно 13 сутокъ. Письмо мое, отправленное съ почтой въ Верхоянскъ, не застало тамъ исправника, уѣхавшаго на сѣверъ для заготовки оленей, людей и припасовъ для партіи К. А. Воллосовича, но его помощникъ Ф. М. Соловьевъ сдѣлалъ уже всѣ нужныя распоряженія какъ по тракту на встрѣчу моимъ товарищамъ, такъ и по Колымскому тракту. Въ Верхоянскѣ были собраны лошади отъ жителей Верхоянской управы, а въ лежащую на нашемъ дальнѣйшемъ пути къ Колымѣ Абыйскую управу былъ посланъ расторопный нарочный. Рѣдкое населеніе Верхоянскаго и Колымскаго округовъ живетъ весьма разбросанно и даже по линіи тракта нѣтъ сколько-нибудь крупныхъ поселковъ, кромѣ, развѣ, Абыйской управы (805 верстъ отъ Верхоянска). Чтобы собрать лошадей вдоль тракта, необходимо оповѣстить жителей на нѣсколько десятковъ верстъ отъ него въ обѣ стороны, причемъ это оповѣщеніе должно исходить изъ управъ соотвѣтствующихъ районовъ, въ данномъ случаѣ Верхоянской и Абыйской. Такъ какъ ѣздовыхъ лошадей у одного хозяина бываетъ рѣдко болѣе четырехъ-пяти штукъ, а обыкновенно еще меньше, то ихъ собираютъ по одной, по двѣ штуки и выгоняютъ на трактъ въ условленные мѣста. Для этихъ операцій приходится проѣзжать многія сотни верстъ, устраивать сходы, обсуждать на нихъ всѣ детали, считаться съ уклоненіемъ отъ исполненія этой по-

винности и т. п. Понятно, что всё такія распоряженія должны дѣлаться заблаговременно. Поэтому я не очень рассчитывалъ, что даже расторопный нарочный, уѣхавшій дня за два до моего пріѣзда, успѣетъ много сдѣлать, и рѣшилъ подождать въ Верхоянскѣ своихъ спутниковъ, тѣмъ болѣе, что были и дѣла здѣсь. Прежде всего было необходимо окончательно настроить весь свой багажъ на вьюки, а также подготовить вьючный матеріалъ и для идущаго сзади каравана, для чего я скупилъ въ Верхоянскѣ всё ремни, веревки и всё бывшіе на-лицо вьючные ящики. Послѣдніе—чисто якутскій фабрикатъ—дѣлаются въ видѣ высокихъ, но узкихъ сундуковъ, обтянутыхъ конскою, цѣнящеюся здѣсь очень дешево, кожею, и, дѣйствительно, очень удобны для вьюковъ и сравнительно недороги. Необходимо было также запасти провизіи на дорогу, такъ какъ, если по тракту и возможно иногда найти рыбу и мясо, а молочные продукты имѣются почти всюду, то хлѣбъ и мука отсутствуютъ почти совершенно.

Въ ночь на 20-ое апрѣля неожиданно для меня пріѣхалъ Г. Я. Сѣдовъ съ однимъ ямщикомъ безъ переводчика, налегкѣ—всего на трехъ нартахъ, оставивъ весь свой караванъ на попеченіи своего помощника и казака и захвативъ съ собою только инструменты. Съ самаго Якутска Г. Я. Сѣдовъ, выѣхавшій позднѣе насъ на полутора сутокъ, встрѣчалъ тѣ же задержки и препятствія, что и мы, и, подобно намъ, долженъ былъ пробиваться впередъ всѣми правдами и неправдами. Его пріѣздъ измѣнилъ мои планы, и мы рѣшили съ нимъ двинуться, не ожидая нашихъ, впередъ 21-го апрѣля, захвативъ съ собою имѣющіеся грузы, что составляло караванъ въ 10 лошадей, считая двухъ ямщиковъ. Наканунѣ нашего съ нимъ отъѣзда 20-го апрѣля къ вечеру прибыла партія политическихъ, съ которой послѣдовательно сидѣли на станціи Диринъ-Оломской К. А. Воллосовичъ, я и послѣ меня М. Я. Кожевниковъ. Партія эта, когда я сидѣлъ съ ней на

станціи, видя бѣдственное положеніе экспедиціи, общала мнѣ, по личному почину, пропустить М. Я. Кожевникова, когда придутъ лошади, и ждать слѣдующей очереди, при условіи, что онъ снабдитъ ихъ съѣстными припасами, такъ какъ почти все у нихъ и у конвоя было уже съѣдено. Я тогда же написалъ М. Я. Кожевникову, и онъ это условіе выполнилъ. Тѣмъ не менѣе у него съ партіей вышло какое-то недоразумѣніе, подробности чего я узналъ лишь много позднѣе, въ которое ввязались и казаки, чуть-ли и не явившіеся зачинщиками всей исторіи, такъ что дѣло не кончилось крупнымъ скандаломъ лишь благодаря тому, что М. Я. Кожевниковъ пошелъ на уступки, т. е. отдалъ партіи лошадей. Для якутскаго казака слова: офицеръ, мундиръ, дисциплина и т. п. мертвый звукъ, а казаки къ тому же какимъ-то образомъ напились и лѣзли съ объясненіями въ болѣе чѣмъ нахальной формѣ. Насколько вообще трудно было ладить съ этимъ народомъ, видно изъ того, что экспедиціоннаго казака Асламова М. Я. Кожевниковъ долженъ былъ оставить на Диринъ-Оломской станціи, такъ какъ не могъ его добудиться—до такой степени тотъ успѣлъ неизвѣстно откуда напиться пьянымъ. Вмѣсто него, въ Верхоянскѣ М. Я. Кожевниковъ взялъ одного изъ казаковъ, сопровождавшихъ партію политическихъ, но державшагося въ сторонѣ во время упомянутаго выше инцидента, и былъ имъ очень доволенъ. Казакъ Дауровъ, ѣхавшій со мною (таблица 4, рис. 2), уже вслѣдствіе своего преклоннаго возраста съ трудомъ годился для такой поѣздки какъ наша, такъ что, несмотря на наше желаніе имѣть хорошихъ казаковъ и просьбу въ Якутскѣ назначить такихъ, этого сдѣлано не было, и лишь случайно они попадали къ намъ. 21-го апрѣля въ день нашего отъѣзда пришелъ караванъ Г. Я. Сѣдова. Мои же товарищи прибыли лишь послѣ нашего отъѣзда—23-го апрѣля. Оба эти каравана, а также и партія политическихъ пришли въ Верхоянскъ если и не заразъ, то такъ близко другъ

отъ друга, что всѣ они пользовались различными лошадьми, собранными въ сравнительно короткое время, частью распоряженіями, сдѣланными въ силу моего письма, а, главнымъ образомъ, благодаря нашимъ собственнымъ хлопотамъ, такъ что обезпечить намъ здѣсь свободный проѣздъ даже и въ это время года при извѣстной заботливости не представлялось особенно затруднительнымъ.

По соглашенію съ Г. Я. Сѣдовымъ, мы дальнѣйшее движеніе экспедиціи рѣшили продолжать тремя эшелонами. Прежде всего двинулись мы вдвоемъ съ казакомъ и грузами, всего на 10 лошадяхъ. Помощникъ Г. Я. Сѣдова—Жуковъ—долженъ былъ дождаться въ Верхоянскѣ М. Я. Кожевникова и выступить вмѣстѣ съ нимъ, разъ позволить количество наличныхъ лошадей. Тамъ, гдѣ лошадей для всего каравана не хватить, Жукову предписывалось пропустить М. Я. Кожевникова впередъ и двигаться во главѣ третьяго—послѣдняго—эшелона, причемъ на него возлагалась забота о вещахъ, оставляемыхъ М. Я. Кожевниковымъ по дорогѣ, которыя Жуковъ, по возможности, долженъ былъ захватить и вывезти съ собою. Дѣло въ томъ, что, считаясь съ возможностью такого положенія вещей, что перевозочныхъ средствъ для каравана М. Я. Кожевникова совершенно не хватить, я письмомъ просилъ его оставлять по пути тѣ грузы, безъ которыхъ мы могли бы позднѣе, хотя и цѣною извѣстныхъ лишений, обойтись при нашихъ работахъ.

Я предполагалъ также, что и мои товарищи тамъ, гдѣ на весь караванъ лошадей не хватить, будутъ раздѣляться на двѣ партіи, что можетъ быть сдѣлало бы экспедицію подвижнѣе. М. Я. Кожевниковъ предпочелъ, однако, все время идти однимъ караваномъ.

Переходъ съ оленей на верховыхъ лошадей уже сильно уменьшилъ скорость движенія. При ѣздѣ верхомъ неизбѣжны остановки, хотя бы для короткаго ночлега, и ѣхать приходится съ вьюками только шагомъ, т. е. не

скорѣе 5—6 верстъ въ часъ. Кромѣ того, вьючка лошадей здѣсь, въ общемъ, очень плохо обученныхъ и нерѣдко прямо полудикихъ, всегда беретъ много времени. Такимъ образомъ, переходъ верстъ въ 70 въ сутки является, при передвиженіи на лошадяхъ съ вьюками, чуть-ли не крайнимъ предѣломъ, а отъ Верхоянска до Средне-Колымска считается 1.415 верстъ. Между тѣмъ, дорога еще все-таки была хорошая, такъ какъ теплота дня не могла справиться пока съ морозами ночей и особенно утренниковъ, почва еще была мерзлая, и мы могли спокойно ѣхать по замерзшимъ болотамъ, черезъ громадныя озера и многочисленныя рѣки. Черезъ нѣсколько недѣль все это должно было измѣниться, и ѣзда начаться по болотамъ, въ обходъ озеръ, въ бродъ черезъ рѣки, гдѣ это возможно, на плоткахъ и лодкахъ, гдѣ рѣки крупнѣе и глубже. При стеченіи особо неблагопріятныхъ обстоятельствъ все это вмѣстѣ могло повести къ тому, что экспедиція промучится на переходѣ до Средне-Колымска цѣлое лѣто и придетъ на мѣсто работъ тогда, когда ихъ и начинать уже будетъ нельзя. М. Я. Кожевниковъ, какъ и я, вполне понимавшій положеніе вещей, пришелъ въ Верхоянскъ совершенно больнымъ и долженъ былъ обратиться къ врачу. Вообще энергія моихъ товарищей замѣтно пострадала отъ непріятностей этого перехода и, начиная работу позднѣе, они не имѣли уже той бодрости и увѣренности въ себѣ и въ удачѣ, съ которыми всѣ мы двинулись въ путь изъ Петербурга.

Выступивъ съ Г. Я. Сѣдовымъ верхами (таблица 5, рис. 1), мы захватили, все-таки, одну кошевку, такъ какъ, по слухамъ, верстахъ въ 400 отъ Верхоянска стояла еще хорошая санная дорога, да, кромѣ того, и это было самой главной причиной, мы хотѣли перенести хронометры Г. Я. Сѣдова на вьюки лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ. Чтобы не задержать караванъ М. Я. Кожевникова, мы съ Г. Я. Сѣдовымъ рѣшили какъ можно скорѣе пройти первыя станціи

отъ Верхоянска съ тѣмъ расчетомъ, чтобы М. Я. Кожевниковъ, придя въ Верхоянскъ, могъ воспользоваться и нашими возвратными лошадьми, разъ запасенныхъ для него не хватитъ. Въ виду этого мы рѣшили двигаться, не дѣлая иныхъ остановокъ, кромѣ необходимыхъ для перемѣны лошадей или для ихъ отдыха, во время долгихъ переходовъ, до тѣхъ поръ, пока намъ не придется гдѣ-нибудь дожидаться лошадей, или крайняя усталость не свалить съ ногъ. Такимъ образомъ, мы сдѣлали 275 верстъ, дойдя до ст. Тостахской 24-го апрѣля къ вечеру, т. е. черезъ трое сутокъ изъ Верхоянска. На двухъ станціяхъ, которыя мы миновали, лошади были для насъ заготовлены, и мы задерживались здѣсь только чтобы напиться чаю и подкрѣпиться для дальнѣйшаго пути, хотя остановки всетаки выходили по нѣскольку часовъ.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ передъ Тостахской станціей мы встрѣтили десятка полтора лошадей, пасшихся у зимовья, гдѣ ночевали якуты, съ т. н. „кандидатомъ“ во главѣ. Это были предназначенныя для насъ лошади, собранныя по улусамъ и шедшія на ст. Тостахскую, которыхъ мы, такимъ образомъ, догнали. Далѣе впереди намъ путь являлся уже неподготовленнымъ, по крайней мѣрѣ, до района Абыйской управы, откуда, по распоряженію, посланному съ нарочнымъ, какъ изъ центра, должны были двинуться собранныя лошади, съ одной стороны, на встрѣчу намъ, съ другой—къ границѣ Колымскаго округа. Мы обогнали эту подставу, рассчитывая, что съ Тостахской станціи, быть можетъ, удастся уѣхать на почтовыхъ лошадяхъ, но ихъ не оказалось.

Трехсуточный переходъ, во время котораго намъ удавалось вздремнуть полчаса, много часъ, во время остановокъ и перемѣны лошадей, давалъ себя знать. Особой усталости мы, правда, не чувствовали, но въ сѣдлѣ приходилось уже бороться со сномъ и довольно безуспѣшно.

Сами собой закрывающіеся глаза рисовали странныя картины, переходящія въ настоящіе сны. Только рѣзкій толчекъ при потерѣ равновѣсія приводилъ въ сознаніе. Особенно жаль было нашего старика-казака, который отъ усталости, бессонницы и своихъ годовъ сталъ уже почти совсѣмъ невмѣняемымъ. Теперь мы хорошо отдохнули на Тостахской станціи въ ожиданіи лошадей, и на завтра двинулись дальше. Здѣсь пришлось бросить нашу кошевку, которую мы съ большимъ трудомъ и хлопотами дотащили до-сюда, такъ какъ дальше, какъ оказалось, для нея совсѣмъ уже не было дороги. Ящикъ съ хронометрами мы теперь также поставили на сѣдло, выбравъ самую смирную лошадь и поручивъ ее отдѣльному ямщику. За этой станціей, по рѣчкѣ Тостахъ по льду пошла вода, было не глубоко, но очень скользко, и мы поплатились на переходѣ черезъ нее подмоченнымъ вьюкомъ, между прочимъ, 12 дюжинами попорченныхъ фотографическихъ пластинокъ. За р. Тостахомъ дорога идетъ вверхъ по долиנѣ р. Догдо, гдѣ намъ долгое время пришлось идти черезъ „тарынь“, т. е. опять-таки вода же на льду, но появляющаяся не вслѣдствіе весенняго времени, а просто въ силу извѣстныхъ условій теченія рѣки все время, пока на послѣдней есть ледъ. Благодаря относительно теплу, вода, смѣшанная со снѣгомъ и ледяными кристаллами, покрывала всю рѣку и мы брели по этой кашѣ цѣлыми верстами. Иногда такія мѣста задерживались сверху ледяною корою, что было, однако, хуже, такъ какъ такая корка легко и неожиданно проламывалась, и мы рисковали попасть или на большую, относительно, глубину, или на слишкомъ скользкій ледъ. Ночью, когда «тарынь» покрывается сплошною и сравнительно крѣпкою ледяною корою, мы совершенно не могли по нему двигаться и должны были останавливаться на ночлегъ. На берегахъ ущелья, черезъ которое протекаетъ р. Догдо, лежалъ еще сплошной снѣгъ, и намъ, обходя глубокіе «тарыны», приходилось пробираться въ

немъ по косогору, мѣстами среди густого лѣса. Всѣ эти обстоятельства сильно замедляли наше и безъ того уже медленное движеніе, къ чему присоединилось и то обстоятельство, что тѣ же лошади, по крайней мѣрѣ частью, должны были служить намъ и на слѣдующемъ перегонѣ, и намъ приходилось ихъ поберегать, равно какъ мы не могли заставить однихъ и тѣхъ же ямщиковъ ѣхать безъ отдыха, какъ могли дѣлать сами, пользуясь смѣняющимися людьми. Къ тому же не было надобности особенно и торопиться, такъ какъ мы уже не могли мѣшать М. Я. Кожевникову своимъ движеніемъ.

На слѣдующую станцію Усунъ-Кытыльскую, лежащую въ 100 верстахъ отъ ст. Тостахской, мы пришли къ ночи 27-го апрѣля, т. е. употребивъ на этотъ переходъ почти 2 $\frac{1}{2}$ сутокъ. Между тѣмъ теплая, можно сказать, весенняя погода начала мѣняться. 25-го апрѣля мы видѣли первыхъ комаровъ „снѣжныхъ“, какъ ихъ называли якуты, а къ вечеру пошелъ дождь. Однако, на завтра начавшійся къ вечеру дождь смѣнился мокрымъ снѣгомъ, который шелъ и весь слѣдующій день; температура замѣтно понизилась, что насъ несказанно обрадовало, такъ какъ указывало на задержку весны, а слѣдовательно и остановку дальнѣйшей порчи пути.

На станцію Джабжагинскую мы прошли еще верхами на тѣхъ же лошадяхъ, причемъ на перевалѣ въ систему Индигирки (въ верховья ея притока—Селегняхы) мѣстами едва пробились черезъ глубокій снѣгъ. Часть грузовъ на этомъ переходѣ мы могли уже отправить на оленяхъ, оказавшихся на станціи. Зато на станціи Джабжагинской мы не нашли ни лошадей, ни оленей. Узнавъ, что верстахъ въ 10 отъ станціи стоитъ еще тунгусъ-оленоводъ, я послалъ за нимъ и уговорилъ свезти насъ до слѣдующей станціи—Кюреляхской. На станціи не оказалось, однако, нужнаго количества нартъ. Пришлось спѣшно починить нѣсколько разломанныхъ нартъ, а часть уступили подрядчики, встрѣтившіеся

намъ здѣсь, которые только-что отвезли въ Абыйскую управу казенную кладь и теперь ѣхали обратно въ Верхоянскъ. Уступили лишь послѣ долгихъ разговоровъ и то, повидимому, потому, что видѣли, что при нашемъ положеніи мы не остановимся и передъ простымъ захватомъ нужныхъ намъ нартъ, хотя бы силою. Поѣздка снова на оленяхъ была для насъ праздникомъ, хотя намъ и пришлось теперь ѣхать на простыхъ открытыхъ нартахъ (таблица 5, рис. 2). Мы радовались, что ѣдемъ со скоростью верстъ восемь въ часъ, сидя на нартѣ, гдѣ можно и прилечь и даже поспать безъ опасности свалиться. Впереди насъ сильно пугали р. Селегняхомъ съ непрочнымъ уже льдомъ, но мы благополучно проѣхали его на этомъ перегонѣ, разъ, правда, провалившись, но совсѣмъ неглубоко. На слѣдующей, Кюреляхской станціи мы встрѣтили нарочнаго, ѣздившаго по моему письму въ Абыйскую управу для подготовки нашего проѣзда, который подалъ намъ большія надежды на будущее, такъ какъ, по его словамъ, теперь намъ усердно готовили лошадей. Бѣднякъ былъ боленъ, такъ какъ наканунѣ провалился сквозь ледъ въ Селегняхъ, который приходится переѣзжать и на этомъ перегонѣ, и сильно вымокъ. Встрѣченная нами далѣе почта (Колымская) также выкупалась на томъ же переходѣ, и то же самое неизбежно, казалось, предстояло и намъ, но мы съ Г. Я. Сѣдовымъ дождались до ночи, когда морозъ дошелъ до -15°C , и перешли Селегняхъ въ опасномъ мѣстѣ по льду, лишь нѣсколько десятковъ сажень уклонившись отъ обычной дороги. Если бы не состояніе рѣкъ, то трудно было-бы думать, что апрѣль кончается, и идутъ уже первыя числа мая. Дорога была еще зимняя, и даже среди яснаго дня температура стояла ниже нуля. Къ сожалѣнію, олени были и здѣсь отчаянно плохи послѣ работы цѣлой зимы, тѣмъ болѣе, что мы должны были пользоваться, кромѣ такихъ случайностей, какъ на Джабжагинской станціи, станціонными оленями.

Никакихъ заготовокъ здѣсь сдѣлано также не было, а распоряженіе, привезенное съ нарочнымъ въ Абыйскую управу, также еще не было исполнено. Къ счастью, дорога была сравнительно очень легка, такъ какъ шла по равнинѣ съ массой озеръ, гдѣ даже усталые олени тянули очень хорошо и, въ среднемъ, мы ѣхали чуть ли не вдвое скорѣе, чѣмъ могли бы ѣхать на лошадяхъ.

Рано утромъ 4-го мая мы пріѣхали въ Абыйскую управу. Удивляясь, что никакихъ приготовленій по тракту для насъ не сдѣлано, несмотря на посланнаго нарочнаго, мы поѣхали съ объясненіями въ самую управу, лежащую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи. Здѣсь отговорились тѣмъ, что пока не успѣли, но что для проѣзда нашихъ товарищей лошади (а уже не олени) будутъ собраны, что для меня было самое главное. Оказывается, когда прошла молва (а не распоряженіе) о нашей экспедиціи, мѣстные инородцы на сходѣ начали поговаривать о томъ, чтобы устроить намъ забастовку, совершенно не давая лошадей и оленей, чего, впрочемъ, они рѣшили не дѣлать. Эта демонстрація предназначалась, однако, не для насъ, а противъ Якутскаго областного управленія и причиною имѣла неудовольствіе населенія изъ-за неполадокъ почтовой гоньбы. Дѣло въ томъ, что правильное почтовое сообщеніе съ Средне-Колымскомъ установилось въ самое послѣднее время. Съ мѣстнымъ населеніемъ было заключено условіе возить почту за опредѣленную плату, причемъ были указаны и приблизительные размѣры почты, оказавшіеся значительно ниже дѣйствительныхъ. Вотъ это увеличеніе размѣровъ почты при разѣ установленной платѣ и является причиной неудовольствія мѣстнаго населенія на Якутское областное управленіе. Я отнесся, однако, къ сказанному не совсѣмъ серьезно, считая все это за простое бахвальство, за желаніе подчеркнуть нашу зависимость отъ услугъ мѣстныхъ заправиль и т. п. Позднѣе, уже въ Средне-Колымскѣ я навелъ справки о личности

говорившаго мнѣ это, и оказалось, что это былъ чело-
вѣкъ изъ числа пользующихся большимъ вліяніемъ среди
мѣстнаго инородческаго населенія, и что его слова отнюдь
не были пустою болтовнею.

На завтра 3-го мая мы благополучно пересѣкли
Индигирку, имѣвшую еще совершенно зимній видъ, хотя
весна снова уже начала брать свои права, и дорога
тамъ, гдѣ она идетъ не по озерамъ, быстро портилась.
Теперь мы уже ѣхали только шагомъ, увеличивая скорость
лишь на спускахъ. Инородцы всѣми силами старались
не ѣхать днемъ. Каждая 20, а иногда и менѣе верстъ
приходилось давать отдыхъ оленямъ, а инородцы готовы
были останавливаться черезъ каждые два—три часа пути
(таблица 6, рис. 1—одна изъ такихъ остановокъ съ
неизбѣжнымъ чаепитіемъ). Большую часть этого пути я про-
шелъ пѣшкомъ, иногда умышленно уходя впередъ, чтобы
сократить число остановокъ, такъ какъ догнать меня нашъ
караванъ не могъ и по необходимости долженъ былъ идти,
пока я не остановлюсь его гдѣ нибудь ждать. Черезъ
одинъ перегонъ за Абыйской Управой намъ пришлось
поневолѣ три станціи, т. е. двѣсти верстъ, ѣхать на
однихъ и тѣхъ же оленяхъ, уставшихъ уже на первомъ
перегонѣ. Именно, 6-го мая ночью мы пріѣхали на
станцію Баралинскую, гдѣ не нашли ни души. Роковое
«23 апрѣля» пришло здѣсь, и содержатель станціи еще
до насъ увелъ оленей, а черезъ нѣсколько дней долженъ
былъ привести лошадей. Мы напрасно прождали его двое
сутокъ и двинулись далѣе на тѣхъ же совершенно уже
измученныхъ оленяхъ. Такъ мы добрались до ст. Сыгын-
ляхской, гдѣ неожиданно получили сравнительно свѣжихъ
оленей, напомнившихъ намъ нѣсколько прежнюю ѣзду.
Такъ какъ всюду мы пріѣзжали совершенно неожиданно,
то съ этой станціи я послалъ впередъ нарочнаго, что
очень помогло, и далѣе задержекъ мы въ оленяхъ и
лошадяхъ не встрѣчали до самого Средне-Колымска.

Колымскій исправникъ В. Я. Душкинъ, въ округъ котораго мы теперь ѣхали, получивъ извѣстіе объ экспедиціи, прежде всего позаботился о нашемъ проѣздѣ въ предѣлахъ своего округа. Всѣ жители были своевременно оповѣщены объ экспедиціи, и олени и лошади были заготовлены въ нужномъ количествѣ. Благодаря этому, нарочный лишь мобилизовалъ наличныя силы. Между тѣмъ, съ 10-го мая началась настоящая «талъ», т. е. снѣгъ началъ таять во всей массѣ, превращаясь въ кашу, такъ пропитанную водою, что въ защиту отъ брызгъ изъ подъ копытъ сзади идущихъ оленей приходилось надѣвать дождевики. До станціи Ярморской, лежащей на рѣкѣ Алазеѣ, въ 190 верстахъ отъ Средне-Колымска, мы доѣхали еще частью на оленяхъ, частью на лошадяхъ, но отсюда должны были пользоваться уже исключительно вьючными и верховыми лошадьми. Снѣгъ сходилъ теперь съ поразительной быстротой и сохранялся еще на болотахъ и озерахъ. На р. Алазеѣ на льду стояла уже вода съ очень слабымъ теченіемъ, глубиною всего нѣсколько вершковъ, но ледъ былъ настолько скользокъ, что перевести лошадей не было возможности, да и люди должны были переходить съ крайней осторожностью. Къ счастью, станція лежитъ на самомъ берегу рѣки, и лошадей переводить черезъ рѣку было незачѣмъ. Что же касается вещей, то ихъ перевезли на саняхъ вбродъ, такъ какъ переносить даже легкія вещи, въ виду постоянной возможности поскользнуться, было нельзя (таблица 6, рис. 2). Рѣчка лежала теперь глубоко между высокими берегами, но бываютъ весны, когда она выходитъ изъ береговъ и, разливаясь на десятки верстъ, прекращаетъ всякое сообщеніе.

14-го мая около пяти часовъ утра мы въѣхали въ Средне-Колымскъ. Только у самаго города мы должны были сдѣлать крюкъ, объѣзжая небольшую рѣчку, вообще же намъ удалось еще проѣхать зимнимъ путемъ по льду много-

численныхъ озеръ, тогда какъ лѣтняя дорога обходить ихъ стороною. Доѣхавъ до Средне-Колымска въ 37 сутокъ отъ Якутска мы, по мнѣнію Колымчанъ, двигались еще очень быстро, такъ какъ при такихъ условіяхъ здѣсь ѣдутъ нерѣдко и болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Я очень спѣшилъ, надѣясь захватить Колыму еще подо льдомъ и поскорѣе проѣхать въ Нижне-Колымскъ для необходимыхъ распоряженій. На Колымѣ ледъ еще стоялъ, но уже сдвинувшійся, а нѣсколько часовъ послѣ нашего пріѣзда рѣка у города совершенно очистилась ото льда, а на завтра начался настоящій ледоходъ. Приходилось волею-неволею болѣе недѣли просидѣть въ Средне-Колымскѣ, пока можно будетъ плыть, такъ какъ сообщенія по берегу съ Нижне-Колымскомъ нѣтъ, и даже зимняя дорога большею частью идетъ по льду.

Немедленно по пріѣздѣ въ городъ, по моей просьбѣ, была послана навстрѣчу нашимъ изъ Колымска полдюжина лошадей, которыя должны были дойти до первой станціи и замѣнить тамъ новую шестерку станціонныхъ лошадей, которую слѣдовало отправить на слѣдующую станцію, и т. д. Колымская администрація вообще отнеслась къ дѣлу экспедиціи съ большимъ рвеніемъ. Если потомъ въ снаряженіи экспедиціи были крупные недочеты, это не было виной администраціи, а, главнымъ образомъ, обусловливалось очень короткимъ временемъ, бывшимъ въ ея распоряженіи, а также и позднимъ полученіемъ нашихъ распоряженій, что особенно сказалось на снабженіи экспедиціи оленями. Недѣли за двѣ до нашей телеграммы въ Средне-Колымскъ приходили возчики казенныхъ грузовъ, которые, какъ всегда, имѣли съ собой большіе табуны прекрасныхъ ламутскихъ, именно намъ и нужныхъ, оленей. Но телеграмма ихъ не захватила и только съ большимъ трудомъ, послѣ большихъ разѣздовъ, администраціи удалось собрать немного болѣе полутора ста оленей вмѣсто двухсотъ, которыхъ я заказывалъ заготовить

на р. Колымѣ и на р. Чаунѣ (по ста штукъ въ обоихъ пунктахъ), все время имѣя въ виду кромѣ этихъ экспедиціонныхъ оленей нанять еще нѣсколько сотъ штукъ. Изъ закупленныхъ оленей 53 штуки были чукотскіе, т. е. для верховой ѣзды непригодные совершенно, а остальные были собраны, большею частью, изъ числа стоявшихъ зимою по станціямъ, или второпяхъ были куплены совершенно старые олени, тогда какъ я рассчитывалъ работать, имѣя свѣжихъ, неуставшихъ за зиму оленей. На Чаунѣ олени не были, за недостаткомъ времени, посланы вовсе. Принимая отчетъ въ покупкѣ оленей, я былъ пораженъ цѣнами, за которыя они были куплены, особенно если принять во вниманіе, что было куплено; нанять же для насъ оленей было совершенно невозможно, такъ какъ запрашивались прямо невѣроятныя цѣны. Подобныя же ужасныя цѣны были для экспедиціи всюду и во всемъ. Позднѣе, производя самъ различныя покупки и заказы, я почти всегда встрѣчалъ стремленіе хорошо съ насъ сорвать.

Благодаря той же задержкѣ въ Петербургѣ, наша телеграмма опоздала къ чукотской ярмаркѣ въ д. Пантелѣихѣ, и этотъ съѣздъ чукчей и другихъ инородцевъ не удалось использовать, какъ я рассчитывалъ, для цѣлей экспедиціи. Я былъ уже доволенъ и тѣмъ, что всѣ заказанные телеграммой припасы оказались на лицо и были переправлены по назначенію на Чаунѣ. Изъ-за экспедиціи Средне-Колымскъ сразу обѣднѣлъ масломъ и сахаромъ, такъ малы здѣсь къ веснѣ самые насущные запасы. Десятки пудовъ сухарей, заказанныхъ нами, только-только успѣли выпечь и отправить въ Нижне-Колымскъ, причемъ мое распоряженіе: „припасы, боящіеся подмочки, запаять въ ящики, укупорить боченки, фляги“, было исполнено такъ, что сухари уложили въ специально сдѣланные большіе ящики, обшили ихъ листовымъ желѣзомъ, размѣры листовъ котораго продиктовали и размѣры ящиковъ,

и запаляли по швамъ. Такіе ящики обошлись по нѣскольку десятковъ рублей, а самое тяжелое мѣсто получилось вѣсомъ въ 14 пуд. 20¹/₂ фунтовъ, причемъ изъ этого вѣса на тару пришлось 4 пуда 19 фунтовъ, а такъ какъ перевозъ пуда грузовъ отъ Средне-до Нижне-Колымска стоилъ 2 рубля, а оттуда до склада на Чаунѣ 5—6 рублей, то такая укупорка, доставившая и администраціи массу ненужныхъ хлопотъ, обошлась экспедиціи въ нѣсколько сотъ рублей. Грузы экспедиціи на пути до Нижне-Колымска чуть было не засѣли, и ихъ удалось все-таки доставить, только благодаря пониженію температуры въ концѣ апрѣля, которое задержало и здѣсь быстрый ходъ ранней весны.

Какъ мнѣ, такъ и Г. Я. Сѣдову было необходимо купить нѣсколько лодокъ, которыхъ мѣстные жители не соглашались продать даже за дорогую цѣну. Приведенные въ отчаяніе, мы заявили исправнику, что, не имѣя возможности обойтись безъ лодокъ и купить ихъ, мы рѣшаемся захватить нужныя лодки самовольно, заплативъ за нихъ затѣмъ по оцѣнкѣ. Это сдѣлалось, повидимому, извѣстнымъ, и лодки нашлись на продажу даже въ большемъ числѣ, чѣмъ было нужно. Чтобы ихъ отремонтировать рабочихъ буквально приходилось ловить и караулить на работѣ, платя при томъ бѣшенныя деньги. За починку купленной мною лодки я заплатилъ, напр., 15 рублей при условіи обязательнаго угощенія спиртомъ, работы же и притомъ лѣнливой было дня на полтора. При этомъ, когда лодку уже въ день отъѣзда спустили на воду и начали грузить, она быстро наполнилась водою, такъ что ее пришлось спѣшно чинить снова. Подрядившійся рабочій въ свое оправданіе объяснилъ, что онъ считалъ для себя обязательнымъ только задѣлку большой щели, бывшей въ лодкѣ, а общій ремонтъ ея и не думалъ дѣлать.

Кромѣ экспедиціонныхъ дѣлъ, у меня было еще порученіе отъ Иркутской обсерваторіи наладить здѣсь

Фот. Кожениковъ.

1. По верховянскому тракту. У границы округа.

Фот. Сидовъ.

2. Казакъ экспедиціи Дауровъ.

Фот. Сидоръ.

1. По Колымскому тракту. На лошадахъ верхами и со вьюками.

Фот. Сидоръ.

2. По Колымскому тракту. На оленяхъ.

(какъ и въ Нижнемъ) дѣло метеорологическихъ наблюденій, но, несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ ничего не удалось сдѣлать, наблюдателей не находилось, или они требовали вознагражденія, которое чуть-ли не превышало бы ихъ обычный заработокъ. Насколько мнѣ извѣстно, наблюденія не ведутся и до сихъ поръ.

Стоявшая все время пасмурная погода улучшилась только послѣ 20-го мая, и 22-го мая мы могли съ Г. Я. Сѣдовымъ заняться астрономіей—я, воспользовавшись его хронометрами, такъ какъ хронометры нашей экспедиціи шли съ Э. Ф. Веберомъ; запасный же теодолитъ былъ со мною.

25-го мая на двухъ лодкахъ мы покинули Средне-Колымскъ (таблица 7, рис. 1). Весна была полная, началъ зеленѣть лѣсъ, въ серединѣ дня появлялись комары. О товарищахъ ничего не было слышно, и у мѣстныхъ жителей было убѣжденіе, что ихъ задержали въ пути разливы рѣкъ, и что они будутъ не скоро. Г. Я. Сѣдовъ, насколько могъ, настроилъ свой карбасъ, повесивъ нѣсколько набойками его борта и снабдивъ болѣе удобными веслами, а также и небольшимъ косымъ парусомъ, что вызвало на Колымѣ полную сенсацию. Зато мой карбасъ доживалъ послѣдніе дни и, несмотря на двоекратную починку, текъ такъ, что взятому изъ Средняго казаку первый день почти все время приходилось отливать воду, пока на ночлегъ мы не отыскали и не задрѣпали предательскихъ отверстій.

Г. Я. Сѣдовъ ѣхалъ со своими людьми, съ которыми долженъ былъ и работать позднѣе, я же пользовался гребцами, которые должны были смѣняться на каждой станціи, и могъ бы плыть почти безостановочно, но въ ожиданіи товарищей рѣшилъ начать геологическія работы отъ Средне-Колымска и, хотя бѣгло, но успѣлъ ознакомиться со строеніемъ береговъ Колымы, вѣрнѣе, ея праваго берега, такъ какъ на всемъ этомъ протяженіи лѣвый берегъ низменный и сложенъ наносами. Прекрасная погода благоприятствовала

плаванію до 29-го мая, когда сильный встрѣчный вѣтеръ, поднявшійся къ вечеру, очень насъ задержалъ и раньше времени заставилъ остановиться на ночлегъ у Конжибейскаго камня, пытаюсь обойти который, я чуть не разбилъ свой утлый карбасъ. Г. Я. Сѣдовъ, какъ я узналъ назавтра, пробовалъ идти противъ вѣтра лавируя, но плоскодонный и мало нагруженный карбасъ сильно дрейфовало, и изъ этого ничего не вышло. Кромѣ того, казаки Г. Я. Сѣдова подняли во время этихъ маневровъ такой вой, что было яено, что съ такимъ экипажемъ никуда не уѣдешь. У Конжибейскаго камня мы встрѣтили земскаго засѣдателя В. И. Мельникова, плывшаго въ Средне-Колымскъ и немедленно вернувшагося съ нами. Отъ мѣста нашего вынужденнаго ночлега, изъ-за вѣтра и крупной волны, мы съ трудомъ добрались до т. н. „прорвы“—новой протоки Колымы. Здѣсь именно скончался 25 іюня 1892 года И. Д. Черскій. На мѣстѣ печальнаго событія стоитъ скромный деревянный крестъ, на которомъ вырѣзана надпись: „здѣсь скончался 2-го іюня 1892 г. начальникъ экспедиціи Императорской Академіи Наукъ Черскій“. Подъ надписью въ кружкѣ вырѣзаны два перекрещенныхъ молотка—эмблема геолога. Рѣка подмываетъ уже основаніе креста, и едва-ли онъ простоятъ благополучно это лѣто. Я просилъ засѣдателя перенести лѣтомъ этотъ крестъ отъ берега на безопасное мѣсто, но не знаю, выполнена ли эта просьба, тѣмъ болѣе, что и обычный путь лежитъ здѣсь у лѣваго берега Колымы. 31-го мая мы посѣтили и могилу И. Д. Черскаго у молитвеннаго дома на ст. Колымской противъ устья р. Омолона, находящуюся также въ плачевномъ видѣ и только разрушающуюся съ той поры, какъ вдова ее устроила такъ хорошо, какъ позволили ей мѣстныя условія и силы (таблица 7, рис. 3).

Въ Нижне-Колымскъ мы приплыли въ ночь на 2-ое іюня. Здѣсь мнѣ предстояло собрать своихъ людей и оленей, о мѣстопробываніи которыхъ я не имѣлъ опре-

дѣленныхъ свѣдѣній. Зная, что оленей мало и качество ихъ, повидимому, весьма невысоко, въ подмогу имъ я рѣшилъ взять лошадей, о чемъ, оказалось, уже былъ разговоръ до моего пріѣзда. Я немедленно послалъ за мѣстнымъ лошадытникомъ Соловьевымъ въ д. Пантелѣиху и за мѣщанскимъ старостой Шкулевымъ въ с. Походское, а также и за начальникомъ казачьей команды Брусенинымъ, и въ ожиданіи ихъ принялся готовиться къ окончательному выѣзду въ экспедицію. Въ Нижне-Колымскѣ я, а позднѣе и мои товарищи жили въ домѣ, нанятомъ для экспедиціи, который изображенъ на таблицѣ 7, рис. 2, и считается лучшимъ въ этомъ поселкѣ или, какъ говорятъ иногда, „крѣпости“. 4-го іюня, благодаря ясной погодѣ, я могъ произвести, пользуясь опять хронометрами Г. Я. Сѣдова, астрономическія наблюденія. Къ сожалѣнію, не имѣя съ собою „Nautical Almanach“, мы оба пропустили моментъ солнечнаго затменія. 5-го іюня пріѣхалъ изъ Пантелѣихи Соловьевъ. Оказалось, что у него возможно купить всего 12 лошадей, да и изъ нихъ болѣе половины были молодыя, неѣзженныя, которыхъ нужно было еще пріучать къ сѣдлу и вьюку. Не было также полного комплекта потниковъ, сѣделъ, подпругъ и т. п., все это нужно было собирать или дѣлать вновь. Въ Нижнемъ я нашелъ еще одного коня, да у пріѣхавшаго 7-го іюня старосты удалось купить еще двухъ, и 15 лошадей было все, что удалось достать. Староста пріѣхалъ съ крайне печальными вѣстями. Оказалось, что ламуты стояли съ оленями на „каменной“ (правой) сторонѣ Колымы, но передъ самымъ вскрытіемъ почему-то перешли на лѣвый берегъ и пошли въ тундры, такъ что пришлось послать ихъ искать. На правой сторонѣ въ моемъ распоряженіи оставалось всего только 29 оленей, которыхъ я долженъ былъ еще собрать дорогою отъ оленеводовъ. 7-го же іюня я отправилъ засѣдателя, чтобы какъ-нибудь постараться поправить это дѣло

и перегнать оленей на правую сторону. Одновременно съ нимъ выѣхали Соловьевъ—подготавливать проданныхъ имъ лошадей и Шкулевъ также за своими лошадьми, которыхъ онъ долженъ былъ еще, какъ и купленнаго въ Нижнемъ коня, переплавить черезъ Колыму. Г. Я. Сѣдовъ, покончивъ въ Нижнемъ свои работы, выѣхалъ уже наканунѣ, а 8-го утромъ рѣшилъ выѣхать и я, сначала въ Пантелѣиху, а затѣмъ въ Сухарное. Я рѣшилъ собрать тамъ всѣхъ, какихъ удастся, оленей и лошадей и, если товарищи не пріѣдутъ, двинуться на востокъ одному. У меня были съ собою инструменты и оружіе, пару же хронометровъ обѣщался дать мнѣ Г. Я. Сѣдовъ, имѣвшій ихъ четыре и надѣявшійся ко времени моего предполагаемаго выступленія успѣть опредѣлить основные пункты.

Въ три часа ночи на 8-ое іюня пріѣхалъ М. Я. Кожевниковъ, сильно осунувшійся, похудѣвшій и даже какъ-бы постарѣвшій. Э. Ф. Веберъ отсталъ отъ него на ст. Кресты ради наблюденія солнечнаго затменія, бѣднягу же Жукова они оставили еще на Кюреляхской станціи. Моихъ товарищей, оказывается, не задержали ни Индигирка, ни Алазея, а общія условія дороги, возня съ лошадьми, которыхъ было мало, хлопоты съ большимъ караваномъ, а, главное, уже сильно подвинувшаяся весна, благодаря которой они должны были двигаться лѣтней, т. е. болѣе длинной дорогой, въ обходъ озеръ. Имъ не пришлось почти совершенно пользоваться оленями, на чемъ сильно выиграли мы съ Г. Я. Сѣдовымъ. Всего труднѣе шло ихъ передвиженіе передъ Верхоянскомъ, гдѣ, несмотря на нѣкоторыя, хотя и запоздалыя, распоряженія изъ Верхоянска, а также и мои хлопоты, было все-таки трудно доставать оленей и лошадей. Инородцы еще въ большей степени, чѣмъ со мною, воспользовались возможностью сорвать лишнее. Дошло до того, что когда товарищи наняли на одномъ

изъ перегоновъ вольныхъ оленей, станціонная прислуга отказалась ихъ пасти и пришлось нанимать и особыхъ пастуховъ. Въѣздъ экспедиціи въ Верхоянскъ представлялъ своеобразное зрѣлище, такъ какъ караванъ двигался на оленяхъ, быкахъ и вьючныхъ лошадяхъ. Все это М. Я. Кожевниковъ разсказалъ мнѣ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, а около 10 часовъ утра я уже плылъ внизъ по Колымѣ. Проѣздъ экспедиціи и связанные съ этимъ разъѣзды администраціи заняли не мало народу, такъ что я могъ получить всего двухъ, въ общемъ, очень плохихъ гребцовъ, а самъ долженъ былъ ѣхать рулевымъ. Теченіе у Колымы здѣсь медленное, и сколько-нибудь встрѣчный вѣтеръ задерживаетъ сильно, такъ что слабые гребцы не разъ давали себя знать. Къ вечеру я былъ у устья Пантелѣвской виски, а въ ночь прошелъ вверхъ по ней до поселка, извѣстнаго по своей ярмаркѣ, гдѣ прожилъ трое сутокъ у Соловьева. Все это время мой хозяинъ съ своей многочисленной семьей, работниками и моими лодочниками работалъ, не покладая рукъ, и исключительно его энергіи я обязанъ скорымъ снаряженіемъ лошадинаго каравана. Пришлось спѣшно приготовить потники изъ мѣшковъ, набитыхъ сѣномъ и прошитыхъ нитками, сплести новыя подпруги изъ волоса и даже вновь сковать, изъ чего пришлось, пряжки къ послѣднимъ. Сѣдла и вьючныя деревяги мнѣ удалось купить готовыми. При видѣ такихъ приготовленій было ясно, что, найди я еще 10—20 лошадей, я врядъ ли бы успѣлъ ихъ снарядить сколько нибудь скоро. Послѣ этихъ приготовленій началось обученіе лошадей. Чуть ли не сутки прошли пока ихъ собрали и пригнали домой. Затѣмъ лошадь ловили арканомъ, что ее страшно пугало и приводило въ настоящее бѣшенство, потомъ съ большими усиліями привязывали къ столбу, треножили и опускали на нѣсколько часовъ, одновременно подкармливая сѣномъ.

Такимъ же образомъ лошадей приучали, или, вѣрнѣе, ее знакомили, съ уздечкой, сѣдломъ и т. п. За это время я переложилъ въ мѣшки сухари, оставленные по моему распоряженію въ Нижне-Колымскѣ, но въ тѣхъ ящикахъ, о которыхъ я упоминалъ выше, и съ которыми мы не могли бы никуда двинуться, настроилъ вообще всѣ вьюки, а также сдѣлалъ экскурсію на Пантелѣевскую сопку, на которой сохранились еще остатки знака, поставленнаго экспедиціею Врангеля.

Отъ Соловьева я выѣхалъ 12-го іюля и къ вечеру былъ снова на Колымѣ у поселка Кресты (или „у Креста“), изслѣдовавъ при этомъ переѣздъ берега Пантелѣевской виски. У Соловьева я купилъ еще небольшой челнокъ изъ цѣлаго дерева—по мѣстному каюкъ, поднимавшій трехъ человѣкъ и въ послѣдствіи намъ не разъ очень пригодившійся. Во всей сѣверной Сибири такія лодки называютъ вѣтками, но на Колымѣ вѣтками называютъ лодочки, сшитыя изъ трехъ листовыхъ тонкихъ досокъ, очень легкія и удобныя на ходу, но едва и не всегда поднимающія двухъ человѣкъ. Кромѣ того, вслѣдствіе своей конструкціи вѣтки эти очень нѣжны, требуютъ тщательнаго ухода и постояннаго возобновленія осмолки швовъ, и для такой экспедиціи, какъ наша, являются совершенно непригодными. Тѣмъ не менѣе распоряженіе было выполнено буквально: одна вѣтка уже была отправлена на Чаунъ, а двѣ ждали на Колымѣ, и благодаря этому я, узнавъ, въ чемъ дѣло, успѣлъ замѣнить ихъ каюкомъ.

Рано утромъ 14-го іюля я былъ въ Сухарномъ у своихъ спутниковъ, приплывшихъ туда наканунѣ, изъ которыхъ Э. Ф. Вебера я не видалъ почти отъ самаго Якутска. Въ первый же день я отправилъ нанятаго въ Нижне-Колымскѣ переводчика юкагира Румянцева на р. Медвѣжью, гдѣ должны были пастись олени Соловьева и среди нихъ 20 штукъ экспедиціонныхъ. Кромѣ того, въ виду вообще

недостатка оленей Соловьевъ разрѣшилъ мнѣ взять у ламута-пастуха изъ его оленей штукъ 30. Румянцевъ вернулся обратно черезъ два дня, не найдя никакихъ признаковъ Соловьевскаго ламута, откочевавшаго неизвѣстно куда. Въ тотъ же день 16-го іюля пріѣхалъ засѣдатель, переправившій у поселка „Край Лѣсовъ“ 71 оленя изъ числа ламутскихъ. Одинъ олень утонулъ при переправѣ, а 53 чукотскихъ оленя, не смотря на всѣ усилія, черезъ рѣку не пошли и остались на лѣвомъ берегу Колымы. Ламуты-погонщики первоначально отказывались совершенно идти съ нами, и засѣдателю пришлось не мало повоевать съ ними. Засѣдатель доставилъ и часть упряжи и саней, оказавшихся чукотскими, мало для нашихъ работъ пригодными, тогда какъ телеграммой были заказаны тунгусскія нарты. 17-го вечеромъ Э. Ф. Веберъ со взятымъ изъ Нижне-Колымска въ экспедицію казакомъ Домашонкинымъ отправился на маякъ Лаптева, откуда мы предполагали начать нашу съемку, и гдѣ онъ долженъ былъ успѣть опредѣлиться, а 18-го утромъ явились, наконецъ, сильно запоздавшіе ламуты съ давно нетерпѣливо ожидаемыми оленями. Болѣе жалкаго табуна мнѣ никогда не приходилось видѣть. Съ нимъ могли идти въ сравненіе развѣ измученные олени по тракту, но тамъ былъ конецъ зимы, а здѣсь олени почти цѣлый мѣсяцъ паслись на свѣжей травѣ. Ни у одного изъ нихъ я не нашелъ за ушами комочка жира, присутствіе котораго является признакомъ, указывающимъ, что олени въ тѣлѣ, не говоря уже о томъ, что у многихъ прямо торчали ребра. Повидимому, олени были вообще надорваны непрерывной зимней работой, а весной ламуты слишкомъ много ихъ гоняли по своимъ дѣламъ, вмѣсто того, чтобы дать хорошо отдохнуть. Кромѣ того, у многихъ совсѣмъ почти не было зубовъ, и они уже не могли отъѣстаться даже на хорошемъ кормѣ. Изъ 71-го оленя, такихъ старичковъ, купленныхъ для насъ почти за двойную противъ обычной цѣны,

было 14. Переходъ отъ Края Лѣсовъ до Сухарнаго взялъ болѣе двухъ сутокъ, такъ какъ, по словамъ ламутовъ, олени почти отказывались идти. Ламуты предсказывали, что олени скоро начнутъ падать, да и самъ я считалъ это вполне возможнымъ. Я почувствовалъ себя болѣе, чѣмъ когда либо, въ положеніи человѣка, потерявшаго послѣднюю надежду выполнить задуманную экспедицію. Роковой вопросъ, начинать ли работы при данныхъ условіяхъ, всталъ передо мной ребромъ. Послѣ короткаго раздумья я все-таки рѣшилъ идти впередъ, пробивая себѣ дорогу всѣми способами, пока, наконецъ, силою обстоятельствъ не буду вынужденъ остановиться гдѣ-нибудь безъ возможности двинуться впередъ или назадъ. Сильную надежду возлагалъ я на оленей, которыхъ долженъ былъ получить изъ табуна Соловьева, сорокъ—пятьдесятъ штукъ, а также на возможность нанять или закупить оленей и у чукчей. Теперь же я прежде всего рѣшилъ принять всѣ мѣры, чтобы сократить количество клади, которое приходилось везти съ собой экспедиціи, а равно и число людей. Нанятые для экспедиціи ламуты были голытьба, имѣвшая вмѣстѣ всего восемь оленей, тогда какъ своими грузами они занимали, придя въ Сухарное, тридцать оленей, не считая еще того, что часть людей засѣдатель привезъ съ собой на карбасѣ. Я, наоборотъ, рассчитывалъ имѣть дѣло съ оленеводами, которыхъ могъ бы нанять съ ихъ табунами, а на заказанныя двѣ сотни оленей смотрѣлъ, главнымъ образомъ, какъ на резервъ, предназначая его преимущественно для разѣздовъ во время работъ, а весь караванъ двигая на наемныхъ оленяхъ. Кромѣ того, я совершенно не думалъ заботиться о пропитаніи своихъ оленщиковъ, а наоборотъ самъ рассчитывалъ получать отъ нихъ оленину. Здѣсь же первая обращенная ко мнѣ просьба была о мясѣ и сухаряхъ. Рассчитывая необходимое количество послѣднихъ и заказывая его телеграммой изъ Петербурга, я имѣлъ

въ виду только русскій составъ экспедиціи, но къ счастью сдѣлалъ заказъ съ большимъ запасомъ, такъ какъ зналъ, что для чукчей сухари являются очень цѣннымъ товаромъ. Только благодаря этому намъ и удалось позднѣе справиться съ провіантскимъ вопросомъ. Возможное сокращеніе личнаго состава экспедиціи во всѣхъ отношеніяхъ представлялось поэтому существенно необходимымъ, но необходимо было произвести это со всей осторожностью, чтобы не остаться совершенно безъ ламутовъ, вообще отправлявшихся въ путь съ большой неохотой. Кромѣ того, мнѣ необходимо было хоть нѣсколько присмотрѣться къ людямъ. Указаніямъ и даже рекомендаціямъ администраціи я давно уже пересталъ давать какую-либо вѣру. Поэтому я рѣшилъ покончить съ этимъ дѣломъ на маякѣ Лаптева, откуда послѣ перехода съ Сухарнаго экспедиція должна была начать свои работы.

21-го іюня пришелъ, наконецъ, и лошадиный караванъ съ Пантелѣихи, въ довольно жалкомъ видѣ, съ совершенно измученными конюхами. Горячія, только-что обученныя лошади попортили вьюки и сбрую, нѣкоторыя поранили себя на пути черезъ лѣсъ, а хуже всего—двѣ-три попортили спины. На Пантелѣихѣ, когда я былъ тамъ, на 15 лошадей имѣлся всего одинъ конюхъ, нанятый засѣдателемъ проѣздомъ по Колымѣ—точнѣе, взятый чуть не силой прямо съ берега, гдѣ онъ ловилъ рыбу. Мѣщанскій староста Шкулевъ, приведшій трехъ лошадей на Пантелѣиху, помогъ ему вмѣстѣ со своимъ работникомъ якутомъ перевести лошадей въ Сухарное, гдѣ ждалъ еще одинъ кандидатъ въ конюха, также якутъ, на всякій случай привезенный засѣдателемъ. День 21-го іюня цѣликомъ ушелъ на сборы, укладку всего багажа, обвязку ремнями, взвѣшиваніе его, а также починку пострадавшей за переходъ изъ Пантелѣихи сбруи, такъ что 22-го мы уже съ раут могли начать собираться въ путь къ маяку Лаптева. Шумъ, гамъ, крики, въ чемъ приняло участіе все довольно тогда зна-

чительное населеніе Сухарнаго, такъ разгорячили нашихъ все еще полудикихъ лошадей, что сѣдланье и вьюченье ихъ взяло очень много времени. Къ тому же теперь приходилось вьючить уже полные вьюки, такъ какъ, несмотря на всѣ сокращенія, багажъ экспедиціи—главнымъ образомъ, съѣстные припасы—былъ весьма великъ и по вѣсу и по объему. Впереди же были еще грузы Э. Ф. Вебера, увезенные имъ на лодкѣ на маякъ Лаптева. Во время этихъ сборовъ мы увидали на Колымѣ парусъ. Это плылъ Жуковъ, а съ нимъ шло еще три вьюка нашихъ грузовъ, правда, частью очень нужныхъ, такъ какъ здѣсь былъ кирпичный чай и табакъ, безъ которыхъ намъ пришлось бы обходиться до Чауна.

Около двухъ часовъ дня, когда мы снарядили всѣхъ въ путь, двинулись и мы съ М. Я. Кожевниковымъ на маякъ пѣшкомъ и къ вечеру были уже тамъ. Нѣсколько часовъ позднѣе пришли лошади, которымъ, обходя рѣчки, пришлось сдѣлать довольно значительный крюкъ, а еще позднѣе, часа въ два ночи, пришли и ламуты съ оленями. Съ ними шелъ нашъ переводчикъ Румянцевъ, который подтвердилъ, что олени никуда негодны, при очень легкихъ грузахъ все время ложатся, все время ихъ приходится перемѣнять, давать отдыхи и остановки. Что касается ламутовъ, то главный распорядитель Алексѣй, который весною и угналъ оленей за Колыму, былъ боленъ или представлялся больнымъ, дорогою стоналъ, ложился на тундрѣ и не только не былъ рабочею силою, но даже мѣшалъ работать другимъ и, видимо, желалъ увильнуть отъ экспедиціи, чѣмъ до извѣстной степени шелъ навстрѣчу моимъ желаніямъ. Съ Алексѣемъ шли его двѣ взрослыхъ дочери и на р. Медвѣжьей должны были присоединиться два сына съ товарищемъ. Другой чумъ составляла семья ламута Семена, съ которымъ шли его жена, двѣ дочери и сынъ-мальчикъ. Кромѣ того, въ Сухарномъ я нанялъ еще одну супружескую чету ламу-

товъ—Николая и Ульяну. Алексѣя съ двумя дочерьми я рѣшилъ съ маяка отправить назадъ, подъ предлогомъ, чтобы не вызывать неудовольствія среди ламутовъ, будто бы мнѣ необходимъ хорошій пастухъ для оленей, оставшихся на лѣвой сторонѣ Колымы. На маякѣ же неожиданно выяснилось, что двѣ дочери ламута Семена—маленькія дѣвочки, совершенно бесполезныя въ экспедиціи, какъ и мальчикъ—только-только не грудной ребенокъ. Сама же жена Семена оказалась на восьмомъ мѣсяцѣ беременности. Какъ возможно было нанять для экспедиціи подобную семью, понять очень трудно. Я постарался, конечно, отъ нея отдѣлаться, удержавъ, однако, Семена, что удалось сдѣлать послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ, уговоривъ сначала Алексѣя взять эту семью на свое попеченіе, а семьѣ давъ взятку въ видѣ мѣшка сухарей и 25 рублей деньгами. Такимъ образомъ, у меня осталось ламутовъ шесть человекъ мужчинъ и одна женщина съ однимъ чумомъ, благодаря чему я сразу болѣе чѣмъ на половину сократилъ количество оленей, занятыхъ ламутами. Въ то же время я удержалъ всѣхъ оленей, принадлежавшихъ Алексѣю и Семену. То обстоятельство, что съ нами шла только одна женщина, не было удобно, такъ какъ при такихъ путешествіяхъ у женщинъ всегда много дѣла. По инородческимъ обычаямъ установка чума и обратно сборка его лежитъ цѣликомъ на обязанности женщинъ, которыя, кромѣ того, должны шить, чинить, сушить всю одежду экспедиціи, а особенно обувь, которая нуждается чуть ли не въ ежедневной починкѣ. На счастье наша Ульяна оказалась неутомимой и прилежной работницей, работавшей все время не покладая рукъ.

Э. Ф. Веберъ вполне использовалъ на маякѣ ясную погоду и успѣлъ сдѣлать здѣсь рядъ наблюденій, такъ что 23-го іюня мы могли, наконецъ, начать свои работы, съ опозданіемъ болѣе полутора мѣсяцевъ противъ предположеннаго (таблица 7, рис. 5). Благодаря грузамъ Э. Ф.

Вебера и привезеннымъ Жуковымъ, всѣ пятнадцать лошадей пошли подъ полными вьюками, равно какъ немало пришлось и на оленій караванъ. Мы съ М. Я. Кожевниковымъ пошли опять пѣшкомъ вдоль берега, а Э. Ф. Веберъ долженъ былъ двинуться также пѣшкомъ съ лошадинымъ караваномъ черезъ тундру, прямо къ броду черезъ рѣку Медвѣжью, лежащему въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья. Къ сожалѣнію, когда мы уже ушли, засѣдатель, приплывшій на маякъ въ лодкѣ и водою направившійся и на р. Медвѣжью, предложилъ ѣхать съ нимъ и Э. Ф. Веберу, который отправилъ хронометры, однако, съ лошадьми, опоздалъ къ заводкѣ, и три карманныхъ хронометра у насъ остановились. Съ лошадинымъ караваномъ шелъ въ подмогу конюхамъ нашъ единственный казакъ Домашонкинъ, а переводчикъ Румянцевъ долженъ былъ идти съ оленями, которыхъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, приходилось гнать отдѣльно отъ лошадей. По дорогѣ на Медвѣжью, мы зашли въ бухту Амбарчикъ, гдѣ въ поварнѣ расположился Г. Я. Сѣдовъ со своими людьми, успѣвшій уже немало сдѣлать для своей работы и выставившій рядъ знаковъ какъ по побережью, такъ и на близъ лежащихъ островахъ. Въ часъ ночи мы двинулись отсюда дальше и часамъ къ пяти утра 24-го іюня подошли къ р. Медвѣжьей. Здѣсь я долженъ былъ горько постѣтовать на своихъ людей. Вопреки моему прямому приказанію, лошадиный караванъ не перешелъ бродъ черезъ Медвѣжью, и сдѣлали это только ламуты съ оленями, а наоборотъ, даже ушелъ отъ брода навстрѣчу намъ съ М. Я. Кожевниковымъ, оправдываясь тѣмъ, что они опасались, какъ бы мы не заблудились. Намъ навстрѣчу былъ посланъ даже особый проводникъ. Въ силу ли этой излишней заботливости или по какой другой причинѣ, но нашъ караванъ и всѣ грузы разбились на двѣ части съ разстояніемъ около пяти верстъ другъ отъ друга, разделенныя къ тому же рѣкою. Здѣсь у насъ была назна-

чена дневка, но, благодаря устроенной людьми путаницѣ, мы простояли здѣсь четверо сутокъ, такъ какъ погода испортилась, рѣка вздулась, и 25-го мы были совершенно отрѣзаны отъ ламутовъ, къ которымъ могли перебраться только 26-го къ ночи, да и то переплавивъ лошадей и перевезя грузы въ единственномъ бывшемъ у насъ каюкѣ. 26-го же ночью и 27-го много было дѣлъ съ чукчами, у которыхъ мы все-таки купили нѣсколько оленей, хотя и съ большимъ трудомъ, несмотря на тысячные табуны, пасшіеся кругомъ. Здѣсь я воочію убѣдился въ справедливости того, что мнѣ рассказывали Колымчане, что чукчи очень неохотно расстаются, хотя бы и за хорошую плату, со своими оленями.

Съ какими трудностями приходилось собирать и своихъ оленей, показываетъ, напримѣръ, слѣдующій эпизодъ: у одного чукчи было куплено для меня два оленя за 40 рублей, которые я и долженъ былъ передать ему. Теперь онъ отказался отъ денегъ, требуя берданку съ патронами и иначе не отдавая оленей. Пришлось отобрать берданку у ламутовъ и такимъ образомъ получить необходимыхъ намъ оленей. У чукчей же мы купили еще нѣсколько нартъ съ лялками, которыхъ у насъ оказывался уже большой недостатокъ, а также начали понемногу закупать и мѣха, которые позднѣе должны были послужить намъ для уплаты чукчамъ за разныя услуги.

На первой стоянкѣ у устья Медвѣжьей посѣтилъ насъ Г. Я. Сѣдовъ, приходившій сравнить свои хронометры съ нашими. Съ уходомъ Г. Я. Сѣдова какъ-то болѣе почувствовалось, что мы начали экспедицію, а послѣдняя связь съ Колымою прервалась съ уходомъ отъ насъ съ р. Медвѣжьей и засѣдателя, который проводилъ досюда экспедицію. Отъ чукчей мы, наконецъ, узнали, что пастухъ Соловьева съ моими оленями стоитъ за Большимъ Барановымъ мысомъ, гдѣ мы и могли навѣрное его найти. Съ засѣдателемъ же я отправилъ и нанятаго имъ конюха,

оказавшагося никуда негоднымъ, оставивъ себѣ Шкулева и якута Митрофана. Наша экспедиція окончательно сформировалась и, кромѣ насъ троихъ, состояла изъ двухъ конюховъ, переводчика, казака и семи человѣкъ ламутовъ—всего 14 человѣкъ. Мы трое помѣщались въ двухъ палаткахъ, причемъ большая, гдѣ ночевали Э. Ф. Веберъ и М. Я. Кожевниковъ, служила намъ на остановкахъ общимъ помѣщеніемъ. Ламуты жили въ чумѣ (по срединѣ рисунка 1-го, таблицы 8), а для русскихъ рабочихъ имѣлся такъ называемый „пологъ"—маленькая палаточка изъ дабы почти кубической формы (слѣва на томъ же рисункѣ), годная, благодаря своимъ размѣрамъ, только для спанья, но всетаки защищающая отъ дождя, вѣтра, а самое главное комаровъ. Наши лагерные порядки, сформировавшись на р. Медвѣжьей (таблица 8, рис. 1), оставались такими до Большой рѣки, гдѣ мы должны были раздѣлиться. Всѣ люди цѣликомъ ѣхали на нашемъ иждивеніи, и хотя запасы были въ общемъ велики, приходилось экономить съ самаго начала, такъ какъ цѣлаго оленя мы съѣдали въ два-три дня, куля сухарей только-только хватало на недѣлю и все въ томъ же масштабѣ. Завѣдываніе выдачей провіанта я поручилъ Шкулеву, какъ наиболѣе хозяйственному и заслуживающему довѣрія, чѣмъ смертельно обидѣлъ казака, привыкшаго, повидимому, или считавшаго, что въ экспедицію онъ идетъ для распоряженій, а не для работы—взглядъ, съ которымъ я встрѣчался и позднѣе, но съ которымъ, къ сожалѣнію, не былъ знакомъ до отправки въ путь. Хозяйственные заботы не ограничивались пропитаніемъ. Оказалось, что наши ламуты двинулись въ дальнюю дорогу чуть не полуголыми, и мнѣ пришлось заботиться объ ихъ обуви, а также и одеждѣ вообще. Достать одежду въ это время года было не очень легко тѣмъ болѣе, что и узнавали мы объ этомъ лишь постепенно во время пути, что брало не мало времени и давало много хлопотъ. Кого или что винить въ томъ, что

у насъ оказались такіе рабочіе, и что ни объ чемъ этомъ мы не были оповѣщены заранѣе, сказать трудно, но мѣшало намъ все это въ работѣ очень много.

Ходъ экспедиціи опредѣлился теперь такъ. Я выѣзжалъ верхомъ на оленѣ въ сопровожденіи верхового же ламута съ однимъ выючнымъ оленемъ, нагруженнымъ инструментами и собираемыми коллекціями, и ѣхалъ или шелъ самымъ берегомъ. М. Я. Кожевниковъ ѣхалъ также вдоль берега съ другимъ ламутомъ, но на саняхъ, на которыхъ впрочемъ ему приходилось сидѣть еще рѣже, чѣмъ мнѣ верхомъ. Караванъ, какъ общее правило, шелъ подъ наблюденіемъ Э. Ф. Вебера въ глубинѣ тундры, такъ какъ берега мѣстами сильно утесисты и непроходимы, а также большое препятствіе представляли бы и многочисленныя рѣчки, которыя, обычно, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега уже совсѣмъ мелки. Мы съ М. Я. Кожевниковымъ тамъ, гдѣ предвидѣлись подобныя рѣчки, пользовались нашимъ каюкомъ, который намъ подавали навстрѣчу или который мы иногда везли съ собою, причемъ, благодаря безтолковости и нерадивости нашихъ людей, нерѣдко приходилось ожидать его часами. Мѣстами, гдѣ предполагалось, что дорога вдоль берега очень трудно проходима, мы шли пѣшкомъ, имѣя выючныхъ оленей только для грузовъ. Когда до экспедиціи мы разсуждали, какъ пойдетъ работа, то всегда предполагали, что обходъ берега пойдетъ въ общемъ тише, чѣмъ движеніе каравана. Оказалось, однако, обратное. Благодаря простотѣ береговой линіи, дорога по берегу являлась чуть ли, вообще, не кратчайшимъ путемъ, если бы не препятствія, упомянутыя выше, вслѣдствіе которыхъ каравану приходилось идти въ отдаленіи отъ берега, и онъ, обходя рѣчки или прибрежныя горы, дѣлалъ часто даже кругъ. Кромѣ того, люди безъ достаточнаго надзора шли съ постоянными, часто совершенно ненужными остановками, какъ бы пассивно протестуя противъ совершенно необычнаго для нихъ лѣт-

няго движенія. Въ силу этого мы съ М. Я. Кожевниковымъ, двигаясь не скорѣе, чѣмъ можно идти пѣшкомъ и все время работая, не только не задерживали движеніе экспедиціи, а очень часто приходили на условленное мѣсто ночлега значительно раньше оленей вмѣстѣ съ лошадинымъ караваномъ или слѣдомъ за нимъ. Такъ, напримѣръ, при обходѣ Десяткина мыса я пришелъ на ночлегъ ровно на 12 часовъ раньше оленьяго каравана. Это создавало большія неудобства, такъ какъ многія нужныя вещи, случалось, шли съ оленями и, въ ожиданіи ихъ, приходилось сидѣть въ вынужденномъ бездѣйствіи. Для избѣжанія этого пришлось перераспредѣлять снова багажъ между лошадьми и оленями, что усложнялось еще тѣмъ, что ламуты не обращали никакого вниманія на то, какъ они везли грузы, и страшно мочили всѣ вещи, уложенныя на саняхъ, такъ что ихъ постоянно приходилось перекладывать и сушить. Вслѣдствіе этого движеніе экспедиціи никакъ не могло наладиться, и организаціей его приходилось заниматься все время, тратя на это массу времени и энергіи. Немало задерживала оленій караванъ также и постоянная поломка саней, лѣтомъ, конечно, неизбѣжная, но у насъ особенно частая, такъ какъ мы имѣли очень слабыя чукотскія нарты на низкихъ копыльяхъ; къ тому же, никто изъ ламутовъ не умѣлъ дѣлать саней, даже починять ихъ сколько нибудь сносно, и я только покупкою у чукчей могъ поддерживать свой запасъ саней. Перейти на вьюки вполнѣ мы не могли отчасти изъ-за особенностей нашей клади (напр., лодку можно было везти только на саняхъ), а, главнымъ образомъ, изъ-за того, что у насъ было мало сѣделъ, такъ какъ вся оленья сбруя была для насъ запасена въ крайне ограниченномъ количествѣ, и лямки, напримѣръ, мы должны были все время шить дорогою. Оленій караванъ былъ для насъ, такимъ образомъ, все время сильнымъ тормазомъ, но безъ него мы все-таки не могли двигаться, такъ какъ лошадей было слишкомъ мало, да и оленей я считалъ необходимымъ

Фот. Сидовъ

1. По Колымскому тракту. Дорожная остановка.
(Сидовъ, Толмачевъ, Яншинъ-якутъ.)

Фот. Сидовъ

2. Переправа черезъ р. Алазею.

Фот. Толмачевъ.

1. Отправление Сидова и Толмачева изъ Средне-Колымска.

Фот. Толмачевъ.

2. Квартира экспедиции въ Нижне-Колымскѣ.

Фот. Толмачевъ.

3. Могила Черскаго у молитвеннаго дома на ст. Колымской.

Фот. Толмачевъ.

4. Иекуры Большаго Баранова мыса съ запада.

Фот. Толмачевъ.

5. Сборы у пазиз Лаптева 25-го юня.

Фот. Толмачевъ.

6. Большой Барановъ мысъ съ запада.

имѣть въ запасѣ. Кромѣ того, оказалось, что и какъ погонщики и подводчики наши ламуты никуда негодны. Не идя вмѣстѣ съ оленями, я не зналъ сначала, какъ они запрягаются, и только уже въ пути однажды увидѣлъ, что запряжка дѣлается зимняя-чукотская, т. е. по одному оленю въ сани, тогда какъ даже хорошихъ оленей и при легкомъ грузѣ при пути черезъ тундру лѣтомъ запрягаютъ не менѣе трехъ и лишь при небольшихъ переѣздахъ двухъ. Я въ ужасѣ пришелъ, увидѣвъ, какъ мучились въ одиночной запряжкѣ и безъ того уже изнуренные олени. Когда я потребовалъ, чтобы запрягали оленей по крайней мѣрѣ по двѣ штуки, ламуты запротестовали всѣми силами, ссылаясь на то, что нѣтъ ремней и лямокъ, что олени не приучены къ парной запряжкѣ, будутъ дурить и т. п. Я, однако, велѣлъ нашить лямокъ, добылъ ремней, передѣлалъ сани для парной упряжки, показалъ какъ ее устраивать, и все пошло, какъ слѣдуетъ. Никакихъ мотивовъ для своего упрямства у ламутовъ не было, кромѣ упорнаго нежеланія уклониться отъ разъ принятаго. Это особенно характерная черта для чукчей, консервативныхъ въ своихъ житейскихъ привычкахъ и обычаяхъ до послѣдней крайности и оказывающихъ громадное вліяніе на соприкасающихся съ ними ламутовъ и даже русскихъ. Чукчи въ лѣтнюю пору никуда не передвигаются на оленяхъ, и намъ не удалось нанять у нихъ ни одного оленя, хотя въ нашихъ рукахъ былъ рядъ товаровъ, имѣющихъ для нихъ почти непреодолимую прелесть. Въ глазахъ нашихъ ламутовъ наше лѣтнее передвиженіе было чѣмъ-то ужаснымъ. Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить и внезапный, такъ дорого намъ стоившій уводъ оленей на лѣвый берегъ Колымы, попытка ламута, пасшаго оленей Соловьева, угнать ихъ возможно дальше, а также и опытъ побѣга, продѣланный однимъ изъ нашихъ людей, за которымъ, вѣроятно, послѣдовали бы и другіе, не прими я самыхъ энергичныхъ мѣръ. Случилось это

на пятомъ переходѣ, когда на ночлегѣ на р. Сельдевой мы не досчитались ламута Ивана—брата Семена. Утромъ передъ выступленіемъ на слѣдующій день я собралъ ламутовъ и съ большой помпой объяснилъ имъ, какъ плохо сдѣлалъ Иванъ по отношенію къ намъ и какъ много причинилъ вреда себѣ, такъ какъ теперь онъ можетъ жить лишь отщепенцемъ отъ общества—бродягою, не смѣя показаться никуда, гдѣ можетъ встрѣтить русскихъ. Въ то же время я предупредилъ, что въ случаѣ побѣга примѣ я достану бѣглеца пулею, пока онъ не скроется изъ виду, они же почему-то вѣрили въ силу моей трехлинейки, про которую позднѣе уже у чукчей, какъ кажется, говорили, что изъ нея я могу застрѣлить и такихъ заговоренныхъ людей, которыхъ не беретъ пуля лучшаго американскаго винчестера—даже „желѣзная“, какъ называютъ здѣсь пули съ никелевой оболочкой. Все это вмѣстѣ взятое произвело нужное впечатлѣніе. Побѣговъ болѣе не было, а Иванъ на слѣдующемъ ночлегѣ явился на таборъ, заявивъ, что вчера онъ заснулъ въ тундрѣ, пася оленей, и поэтому и остался. Я, конечно, сдѣлалъ видъ, что этой сказкѣ повѣрилъ, хотя за Иваномъ, вѣроятно, посылали, такъ какъ, повидимому, другіе ламуты знали о его побѣгѣ и, по всей видимости, это была лишь проба.

На р. Крестовой мы получили первыя вполне опредѣленныя свѣдѣнія о ламутѣ, пасшемъ оленей Соловьева и экспедиціи, извѣстномъ подъ прозвищемъ „секретаря“. Оказалось, онъ стоялъ здѣсь, но, узнавъ о нашемъ приближеніи, откочевалъ далѣе, такъ что мы нашли его лишь на р. Конечной. Съ оленями дѣло оказалось хуже, чѣмъ я надѣялся. Двадцать закупленныхъ оленей были далеко не въ блестящемъ положеніи, а кромѣ нихъ я не могъ получить отъ секретаря ни одного и, посмотрѣвъ табунъ, я не нашелъ тамъ оленей, которыми могъ бы воспользоваться. Какъ, быть можетъ, не безъ основанія пред-

полагали наши люди, хитрый секретарь, предвидя, что олени намъ будутъ нужны, часть ѣздовыхъ оленей припряталъ у чукчей и, возможно, даже лучшихъ, такъ какъ изъ числа переданныхъ мнѣ 20 штукъ, за которыхъ было заплачено еще весною, нѣсколько штукъ пало у насъ въ первые же дни. Наши олени тѣмъ временемъ также быстро шли къ концу, и я вскорѣ долженъ былъ перейти уже совсѣмъ на пѣшее хожденіе, такъ какъ не хватало оленя то для меня, то для ламута, то для моей клади. Иногда утромъ, пока ловили оленей, я уходилъ впередъ, и ламутъ верхомъ на оленѣ съ двумя другими не могъ меня догнать, хотя естественно, что, занимаясь наблюденіями, я шелъ очень медленно. Пала также уже и одна изъ лошадей. Какъ бы то ни было, борясь и завоеывая каждый шагъ впередъ, мы дошли 12-го іюля до Большой рѣки, гдѣ намъ пришлось раздѣлиться. Всѣ чукчи, которыхъ мы спрашивали о нашемъ дальнѣйшемъ пути вдоль берега, очень согласно утверждали, что полуостровъ Карчѣкъ (западнѣе острова Айона) выступаетъ несравненно далѣе къ сѣверу, чѣмъ это выходило по съемкѣ Врангеля, и что на его сѣверной оконечности корма очень плохи. Я не очень вѣрилъ первому, но не могъ не задуматься надъ вторымъ указаніемъ, такъ какъ на оленяхъ, плохо откормленныхъ и уже измученныхъ, нечего было и думать двигаться въ мѣста, гдѣ имъ придется плохо кормиться, что могло бы повести къ гибели всего табуна. Съ другой стороны, и чукчи и ламуты, какъ наши, изъ которыхъ одинъ зналъ мѣста, такъ и встрѣчные, особенно секретарь, увѣряли, что на Чаунѣ есть прямой путь съ Большой рѣки и что при хорошей ходьбѣ этотъ переходъ можно сдѣлать въ восемь дней. По мнѣнію секретаря, даже съ нашими оленями возможно пряникомъ надѣяться добраться до Чауна къ первому Спасу (1 августа), и онъ обѣщался даже провести насъ и помочь своими оленями, но потомъ, къ сожалѣнію, отказался отъ этого.

*

Въ силу всего этого я рѣшилъ раздѣлиться, поручивъ Э. Ф. Веберу со всѣмъ оленьимъ караваномъ и половиной лошадей пройти на Чаунъ прямымъ путемъ. Самъ же съ М. Я. Кожевниковымъ, въ сопровожденіи Шкулева и Румянцева, съ тремя вьючными лошадьми рѣшилъ двинуться налегкѣ берегомъ моря, окружнымъ путемъ. Для астрономическихъ наблюдений я взялъ запасной теодолитъ, одинъ карманный хронометръ и двое сравнительныхъ часовъ, для которыхъ пришлось устроить импровизированный хронометрическій ящикъ, съ подушками изъ древесныхъ стружекъ. Основываясь на разсказахъ чукчей, мы предполагали, что Э. Ф. Веберъ пройдетъ на Чаунъ скорѣе нашего, и надѣялись запоздать не очень сильно, благодаря болѣе быстрому движенію на лошадяхъ. Э. Ф. Веберъ долженъ былъ немедленно по приходѣ на Чаунъ добыть съ Шелагскаго мыса байдары, такъ какъ я видѣлъ, что съ нашимъ складомъ, заготовленнымъ еще весною на Чаунѣ, собственными средствами мы никуда не пройдемъ.

Съ хлопотами по раздѣленію, разными работами, задержанные отчасти также вѣтрами при переправѣ черезъ Большую рѣку, довольно широкую въ устьѣ, мы смогли съ М. Я. Кожевниковымъ двинуться только 16-го къ вечеру и въ этотъ день лишь переправиться на другой берегъ, переведя лошадей и перевезя грузы. На завтра, когда мы уже собрались въ путь, къ намъ приплылъ въ каюкѣ, который мы не могли взять съ собою, одинъ изъ нашихъ ламутовъ, сообщившій намъ, что мы находимся на острову, какъ разсказали вчера вечеромъ пришедшіе на таборъ чукчи. Полдня взяла теперь переправа черезъ протоку съ острова на материковый берегъ; не прійди лодка, та же переправа стоила бы намъ, быть можетъ, нѣсколько дней. На острову было очень мало плавнику, и для того, чтобы сдѣлать плотъ—наше единственное спасеніе—пришлось бы, вѣроятно, сначала переплыть какъ-

нибудь на материкъ и уже оттуда добыть матеріалъ для устройства переправы. Въ дальнѣйшемъ такія случайности намъ не угрожали, и мы пошли впередъ со скоростью, давно уже нами невиданною, проходя въ день до 30-ти, а иногда и болѣе верстъ. Мы поднимались очень рано утромъ, пили чай и шли до 11-ти—времени обѣда. Давъ лошадямъ отдыхъ часа въ три, шли снова до вечера, когда останавливались на ночлегъ, выбирая, по возможности, мѣста съ хорошимъ кормомъ. Какъ мы и ожидали, мысъ Карчѣкъ выдавался къ сѣверу совсѣмъ не такъ далеко, какъ можно было заключить по рассказамъ чукчей. Совсѣмъ, однако, неожиданно было встрѣтить для насъ на самой сѣверной точкѣ этого мыса оленныхъ чукчей, прикочевавшихъ сюда на лѣто. Чукчи же встрѣчались по побережью и западнѣе по нашему пути, а равно и по берегу Чаунской губы. Такимъ образомъ, всѣ рассказы объ отсутствіи оленьихъ кормовъ оказались простою баснею. Возможно, что тутъ былъ умысленный обманъ со стороны нашихъ людей, служившихъ переводчиками, въ интересахъ которыхъ было убѣдить насъ пройти прямой дорогой.

Во время пути мы обыкновенно раздѣлялись такъ, что со мной ѣхалъ Шкулевъ, ведшій лошадь, на которой былъ навьюченъ вмѣстѣ съ другими грузами и ящикъ съ хронометрами, а Румянцевъ, который велъ остальныхъ двухъ вьючныхъ лошадей, ѣхалъ съ М. Я. Кожевниковымъ (таблица 9, рис. 1). Тамъ, гдѣ по берегу шли обнаженія, я отдавалъ свою лошадь Шкулеву и многія версты шелъ пѣшкомъ, какъ и прежде. Единственной нашей задержкой являлись теперь рѣчки, пересѣкавшія намъ путь. Весь мысъ или полуостровъ Карчѣкъ, какъ и прилегающая часть побережья Ледовитаго океана, сложены рыхлыми постпліоценовыми отложеніями, и сколько-нибудь высокія горы отходятъ далеко отъ берега. Всѣ рѣки и рѣчки, протекающія въ этомъ районѣ нашего пути, отличались поэтому

очень медленнымъ теченіемъ, однообразною глубиною, отсутствіемъ перекатовъ, а слѣдовательно и бродовъ и, въ силу геологическаго строенія мѣстности, очень грязнымъ дномъ. Если къ этому добавить, что въ большинствѣ случаевъ рѣчки въ наносахъ текутъ въ крутыхъ, хотя и невысокихъ, но какъ бы подрѣзанныхъ берегахъ, то при нѣкоторой глубинѣ онѣ являлись болѣе недоступными для перехода лошадиному каравану, чѣмъ горныя быстрыя рѣчки, гдѣ есть опасность утонуть, но не завязнуть въ грязи. Идя берегомъ и наталкиваясь на такую рѣчку, мы прежде всего дѣлали попытку найти дорогу въ ея устьѣ, всегда болѣе мелкомъ, чѣмъ вышележащая часть рѣки и, главное, съ болѣе твердымъ песчанымъ дномъ—неизбѣжное слѣдствіе сортировки взвѣшеннаго въ водѣ матеріала при его отложеніи въ водахъ океана или Чаунскаго залива. Въ поискахъ за этимъ твердымъ дномъ, мы иногда чуть не на версту отходили отъ берега, что, конечно, было возможно только при безвѣтренной погодѣ. Иногда наши старанія увѣнчивались успѣхомъ, и мы шли далѣе берегомъ, иногда же должны были воротаться обратно, не будучи въ состояніи перейти рѣчку или хотя бы одинъ изъ ея рукавовъ безъ риска подмочить инструменты,—и въ этомъ случаѣ намъ не оставалось ничего другого, какъ обходить встрѣченную рѣчку въ ея вершинѣ. Въ двухъ случаяхъ намъ помогли встрѣтившіеся чукчи, перевезшіе насъ на своихъ байдаркахъ, да въ устьѣ р. Кузьминой оказалось такъ много плавнику, что мы безъ труда выстроили плотъ, хотя и убили на это болѣе полдня. Въ Чаунской губѣ, однако, плавника было мало, и намъ ничего не оставалось, какъ обходить рѣчки, къ счастью, вообще, очень короткія, но всетаки отнимавшія у насъ иногда до двухъ дней, причемъ для ночлега на тундрѣ нужно было возить съ собой съ берега дрова. Нѣкоторый интересъ эти поѣздки вглубь тундры имѣли потому, что мы познакомились съ особенностями

тундры и съ геологическимъ строеніемъ Карчѣка, что, впрочемъ, являлось лишь провѣркою и подтвержденіемъ уже составившагося у меня представленія. Во время этихъ обходовъ рѣчекъ мы не разъ видали въ тундрахъ чукчей и разъ даже, зайдя особенно далеко, встрѣтили довольно богатаго оленевода—какъ разъ тогда, когда у насъ уже окончились запасы мяса. Весь полуостровъ Карчѣкъ, такимъ образомъ, въ лѣтнее время, вопреки рассказамъ чукчей, встрѣченныхъ передъ Большою рѣкою, является мѣстомъ для кочевыхъ оленеводовъ, что одинаково относится и до лежащаго противъ него о. Айонъ.

При всей своей незначительной величинѣ, тундровыя рѣчки образуютъ большіе выносы и впадаютъ, обыкновенно, въ низменныхъ болотистыхъ, покрытыхъ озерами и многочисленными протоками берегахъ. Такіе наносы вообще обширно развиты въ западной и южной части Чаунской губы и, въ особенности, на полуостровѣ Карчѣкъ у Малаго Чауна—пролива, настолько мелкаго, что при благопріятныхъ условіяхъ на о. Айонъ возможно перейти въ бродъ. Берегъ здѣсь совершенно низменный и, въ зависимости отъ направленія вѣтровъ, то закрывается водою, то обнажается, и мы мѣстами ѣхали по широкимъ пространствамъ, покрытымъ лишь растрескавшимся при высыханіи иломъ, иногда съ выцвѣтами солей, бывшихъ, очевидно, нѣсколько дней тому назадъ подъ водою. Мѣстами среди этой безжизненной равнины встрѣчались плоскіе бугры въ нѣсколько вершковъ вышиною и площадью отъ нѣсколькихъ аршинъ, покрытые травою, превращающіеся въ островки, когда осушка зальется водою. Здѣсь мы, можно сказать, запутались среди массы большихъ и малыхъ озеръ, заливчиковъ, проточекъ, обширныхъ болотъ и т. п. Сказать опредѣленно, гдѣ нужно провести береговую линію, было очень трудно, и на нашей съемкѣ мы показали здѣсь берегъ пунктиромъ. Нашему путешествію по Карчѣку много способ-

ствовала прекрасная погода, испортившаяся лишь, когда мы подошли къ горѣ Каину—на западномъ берегу Чаунской губы въ ея южной части. Случись это нѣсколько ранѣе, ненастье, несомнѣнно, еще болѣе затруднило бы переходъ черезъ рѣчки, которыя должны были вздуться, да и обходъ ихъ по тундрѣ подъ дождемъ и въ туманѣ, когда легко заплутаться среди безчисленныхъ озеръ и соединяющихъ ихъ протоковъ, былъ бы много труднѣе. Кромѣ того, хорошая погода позволила мнѣ сдѣлать въ двухъ пунктахъ астрономическія наблюденія.

Наши мученья съ тундровыми рѣчками кончились передъ г. Каиномъ, гдѣ горы ближе подходятъ къ берегу, и тундровые наносные берега постепенно замѣняются скалистыми, сложенными глинистыми сланцами, прорѣзаемыми разнообразными порфировыми жилами. Рѣчки, благодаря близости горъ, здѣсь быстрѣе, мельче, и переходъ черезъ нихъ намъ не представлялъ уже никакихъ затрудненій. Идя, однако, склономъ Каина, мы встрѣтились съ другой непріятностью, къ счастью, непродолжительной—это съ очень скудною травянистою растительностью на высокихъ скалистыхъ берегахъ, что заставило задуматься о нашихъ лошадяхъ, которыхъ на одномъ ночлегѣ послѣ тщетныхъ поисковъ сколько-нибудь порядочнаго кормовища, мы должны были оставить на привязи. Какъ разъ на этотъ ночлегъ явились неожиданно ламуты отъ Э. Ф. Вебера, который стоялъ въ горахъ невдалекѣ отъ насъ. Движеніе оленьяго каравана шло очень медленно, и мы со всѣми потерями времени, идя окружной дорогой, были впереди. Съ чисто дѣтской наивностью ламуты говорили, что они теперь долго спятъ, поздно встаютъ, хвастаясь передъ нашими конюхами этимъ счастьемъ, котораго послѣдніе были лишены.

Спустившись съ Каина, мы снова встрѣтили чукотскіе поселки и чукчей, которые бывали уже на нашемъ

складѣ на Чаунѣ. Одинъ изъ нихъ, по имени Еманькау, немедленно собрался въ путь и двинулся вмѣстѣ съ нами, въ сопровожденіи своего пасынка, въ двухъ легкихъ байдаркахъ. Чукчи эти представляли, можно сказать, счастливое исключеніе и очень помогли намъ. Благодаря имъ, рѣчки, впадающія на южномъ берегу Чаунской губы, были намъ совершенно не страшны, какъ и самъ Чаунъ, впадающій нѣсколькими крупными устьями. Чукчи отыскивали намъ броды, гдѣ они были, или помогали намъ перевозить грузъ, слѣдили за мной, когда я, осматривая обнаженія въ крутыхъ берегахъ, обходилъ скалистые мысы моремъ вбродъ, помогали на таборѣ при остановкѣ на ночлегъ и при движеніи дальше—словомъ, вели себя какъ участники экспедиціи, и притомъ совершенно безкорыстно, если не считать, что я ихъ кормилъ и поилъ. 3-го августа мы остановились на ночлегъ на лѣвой сторонѣ Чауна противъ склада, а на завтра утромъ были уже на складѣ, гдѣ насъ цѣлое лѣто ждали казакъ Кипріяновъ и переводчикъ Бережновъ. Вопросъ о томъ, какъ добыть байдары для нашихъ грузовъ, рѣшился очень просто, такъ какъ тотъ же Еманькау охотно согласился пойти въ байдаркѣ на Шелагскій мысъ, и опять-таки совершенно безкорыстно. Я нанялъ ему спутника изъ мѣстныхъ чукчей, стоявшихъ на Чаунѣ въ нѣсколькихъ чумахъ (іерангахъ), и онъ немедленно двинулся въ далекую и далеко не легкую дорогу. Намъ же теперь не оставалось ничего другого, какъ ждать Э. Ф. Вебера, который не долженъ былъ быть далеко, и байдаръ, чтобы двинуться дальше. Сидѣнье на Чаунѣ я употребилъ на подготовку къ зимнему путешествію. Здѣсь удалось купить нѣсколько шкуръ пыжиковъ, необходимыхъ для хорошей зимней одежды, и затѣмъ, что еще важнѣе, ровдуги (замши) для чума, который я и подрядилъ шить чукчанокъ; палки для чума пришлось приготовить, расколовъ для этого нѣсколько подходящихъ бревенъ изъ плавника

и выстрогавъ ихъ затѣмъ ножами. Рисунокъ 2 таблицы 9 изображаетъ меня здѣсь во время какого то совѣщанія у чукотской іеранги съ нашими переводчиками—Румянцевымъ и Бережновымъ, рисунокъ 3—М. Я. Кожевникова, занимающагося мѣновою торговлею съ чукчами.

Пришлось уничтожить окончательно тѣ сухарные ящики, о которыхъ упоминалось выше, пересыпавъ сухари въ мѣшки. Всѣ эти дѣла приходилось дѣлать или съ чукчами, съ которыми чуть не день нужно, чтобы договориться по тому или другому дѣлу, или же при помощи русскихъ рабочихъ, которыхъ нужно было все время заставлять хотя бы немного работать, такъ какъ они этому предпочитали буквально лежать на таборѣ или у чукчей. Кромѣ того, въ виду очень переменчивой погоды, было необходимо нѣсколько дней караулить моментъ, чтобы произвести астрономическія наблюденія. Все это не давало времени на какія-либо экскурсіи. Вблизи табора дѣлать было нечего, для поѣздокъ по рѣкѣ не было лодки, такъ какъ завезенная еще зимою вѣтка, какъ я и ожидалъ, оказалась никуда негодной, а для разѣздовъ по сушѣ не было лошадей, оставшихся, также изъ-за отсутствія лодокъ, на лѣвомъ берегу Чауна. Кромѣ того, я со дня на день ждалъ съ одной стороны Э. Ф. Вебера, съ другой—байдаръ, которыя могли прійти и ранѣе заказанныхъ, такъ какъ въ это время чукчи вообще ходятъ съ м. Шелагскаго на Чаунъ за пыжиками и оленьей, а въ этомъ году собирались, по слухамъ, прійти и ради насъ.

5-го августа пасынокъ чукчи Еманькау, у котораго мы купили оленей и который поэтому отсталъ отъ насъ, когда мы шли на Чаунъ, чтобы сходить въ табунъ за оленями, приплылъ на своей байдаркѣ съ вѣстью, что завтра наши будутъ на Чаунѣ. Съ нимъ на каюкѣ поплылъ, было, нашъ ламуть Павелъ, но изъ-за вѣтра возвратился. Между тѣмъ день проходилъ за

днемъ, а Э. Ф. Вебера все еще не было. Наконецъ, 11-го августа мы увидали въ бинокль на другой сторонѣ Чауна, верстахъ въ 10-ти отъ нашего стана вывѣшенный на высокомъ шестѣ большой флагъ. Черезъ нѣкоторое время на морскомъ берегу лежащаго противъ насъ острова показался всадникъ на оленѣ, также съ флагомъ въ рукѣ. Это былъ нашъ ламуть Павелъ, отправившійся искать насъ. Потомъ, когда къ вечеру пріѣхалъ Э. Ф. Веберъ, оказалось, что, выйдя на берегъ моря 1-го августа, нашъ оленій караванъ опять пошелъ „напрямикъ“ черезъ тундры и на рукавѣ Чауна за островомъ бродилъ 4 дня. Отчаиваясь найти насъ, вывѣсили флагъ на таборѣ—верстахъ въ 10 отъ насъ, и послали съ другимъ флагомъ посланца на поиски. Между тѣмъ, всѣ ламуты и бывший съ Э. Ф. Веберомъ казакъ совершенно опредѣленно знали отъ чукчей, гдѣ находится нашъ складъ, и вся эта комедія съ поисками дороги и насъ велась исключительно для Э. Ф. Вебера по мотивамъ, которые мнѣ выяснились послѣ его рассказовъ о своемъ переходѣ. Именно, ламуты категорически заявили ему, что всѣ они подражены только до Чауна и далѣе не пойдутъ и даже не желаютъ переходить черезъ рѣку къ складу. Только послѣ продолжительныхъ дипломатическихъ переговоровъ, въ общемъ мирныхъ, мнѣ удалось уговорить ихъ пройти съ нами до устья р. Веркона (Кейвеямъ), откуда я пообѣщался отпустить ихъ на Колыму, такъ какъ отлично видѣлъ, что съ нашими оленями все-равно работать долго будетъ невозможно. Въ то же время я пообѣщался одѣть ламутовъ съ ногъ до головы въ зимнее платье, о чемъ, впрочемъ, началъ уже и самъ заботиться. Во всей этой исторіи, повидимому, большую роль игралъ казакъ Домашонкинъ, непремѣнно желавшій вернуться домой и, съ одной стороны, мутившій ламутовъ рассказами, что мы уйдемъ въ Америку, бросивъ ихъ на произволъ судьбы, а съ другой, пользуясь своимъ положеніемъ переводчика, со-

знательно мѣшавшій Э. Ф. Веберу въ дѣлѣ руководства во время этого перехода, для него, конечно, совершенно новомъ и далеко не легкомъ. Видя, что мнѣ удалось столкнуться съ ламутами, Домашонкинъ, жаловавшійся передъ этимъ на ломоту въ поясницѣ, въ ночь на 11-е августа разыгралъ изъ себя умирающаго, слегъ пластомъ, все время кричалъ, совершенно пересталъ ходить и даже по своимъ нуждамъ заставлялъ ламутовъ выносить себя изъ чума на оленьей шкурѣ. Расчетъ былъ ясенъ: мы не могли перевести человека въ такомъ положеніи на нашъ берегъ Чауна въ какіхъ или въ маленькихъ байдаркахъ и не могли увести отъ него ламутовъ, которые за нимъ ухаживали. Но 12-го августа пришли съ м. Шелагскаго давно ожидаемые байдары, и положеніе вещей совершенно измѣнилось. Чукчей кое-какъ удалось уговорить перевезти больного,—довольно рискованное, по ихъ воззрѣніямъ, предпріятіе для здоровья и благополучія владѣтелей байдары, Домашонкина снесли на шкурѣ въ байдару и на шкурѣ же вынесли на берегъ. Затѣмъ переправили оленей, лошадей и всѣ грузы, что взяло у насъ почти цѣлый день. Даже при такихъ благоприятныхъ условіяхъ переправы наши ламуты умудрились утопить четверо саней, кое какіе грузы и одного оленя.

Двѣ чукотскія байдары, пришедшія съ острова Раутанъ, могли свободно поднять всѣ наши грузы. Къ сожалѣнію, я никакъ не могъ уговорить чукчей доставить эти грузы дальше мыса Шелагскаго. Между тѣмъ я рассчитывалъ нанять байдары возможно дальше, напр. до ур. Якана, и перекинуть туда часть нашихъ грузовъ, что сильно бы облегчило въ будущемъ движеніе по побережью. Я предполагалъ отправить съ грузами обоихъ казаковъ, съ тѣмъ, чтобы они, дойдя до назначеннаго пункта, выискали возможность передвинуть половину грузовъ еще дальше, раздѣлившись тамъ. Но отказъ чукчей, ссылавшихся на то, что у берега много льдовъ, а также

и совершенно ненадежные казаки (других же свободных людей у меня не было), изъ которыхъ Домашонкинъ достаточно доказалъ свою непригодность для экспедиціи, а несостоятельность больного Кипріянова для трудной дороги я оцѣнилъ съ перваго взгляда, дѣлали совершенно невозможнымъ выполнение такого плана.

За большую байдару въ окончательномъ расчетѣ я уплатилъ 15 кирпичей и 10 папушъ табаку, за меньшую 10 кирпичей, кумачу на кухлянку и 1 желѣзный котелъ. Кромѣ того, мы обязывались вымѣнять у нихъ на о. Раутанъ песцовъ на чай, а по доставкѣ грузовъ на мѣсто дать владѣльцамъ байдаръ по бутылкѣ водки.

16-го августа я отправилъ на м. Шелагскій ламутовъ и оленей подъ начальствомъ Кипріянова съ небольшимъ лишь грузомъ, оставивъ всѣхъ лошадей для себя и М. Я. Кожевникова. Домашонкина я рѣшилъ довести до м. Шелагскаго и здѣсь оставить у чукчей ждать нашего возвращенія съ востока. Узнавъ объ этомъ, Домашонкинъ сталъ проситься отпустить его на Колыму, соглашаясь идти хотя бы пѣшкомъ вмѣстѣ съ уволеннымъ мною ламутомъ Семеномъ, котораго я отправлялъ обратно, снисходя къ его просьбамъ (его беременная жена возвратилась отъ маяка Лаптева). Когда я, радуясь случаю отдѣлаться отъ столь вреднаго для экспедиціи субъекта, согласился, Домашонкинъ моментально «выздоровѣлъ», не мало озадачивъ одураченныхъ имъ товарищей. Съ Семеномъ я отправилъ почту и заказалъ собакъ на Колымѣ для нашего обратнаго пути съ м. Шелагскаго.

19-го августа обѣ тяжело нагруженные байдары двинулись въ путь подъ наблюдениемъ Э. Ф. Вебера и Бережного. До этого времени мѣшали сильные сѣверо-западные вѣтры, противъ которыхъ байдарамъ было невозможно выйти изъ устья Чауна, одною же или двумя короткими паузами затишья мы не успѣли воспользоваться.

Еще наканунѣ отъѣзда Э. Ф. Вебера захворалъ поносомъ и рвотою Шкулевъ. На другой день болѣзнь усилилась и совершенно лишила его возможности ѣхать верхомъ. Въ это время пришло съ Шелагскаго мыса еще нѣсколько байдаръ, и хотя здѣсь были «друзья» нашего больного, никто изъ нихъ не соглашался взять его на свое попеченіе и доставить на м. Шелагскій. Они очень откровенно заявили, что взять-то его они, пожалуй, и возьмутъ, но разъ ему дорогой сдѣлается хуже, они бросятъ его гдѣ-нибудь на берегу. Точно также никто изъ чукчей, жившихъ вблизи склада, не соглашался принять больного къ себѣ, несмотря на всѣ наши хлопоты. За это время, пользуясь тѣмъ, что Шелагскіе чукчи собрались у насъ чуть ли не полностью, я пытался подрядить ихъ перевезти наши грузы къ востоку отъ м. Шелагскаго на байдарахъ, но всѣ они, кромѣ одного, дававшего уклончивый отвѣтъ, отвѣчали отрицательно, ссылаясь на неблагоприятное состояніе льдовъ. Охотнѣе они соглашались везти насъ позднѣе на собакахъ и даже обѣщались поскорѣе покончить свои дѣла на Чаунѣ, чтобы поторопиться на м. Шелагскій, гдѣ я могъ бы окончательно условиться съ ними.

Мы просидѣли на Чаунѣ до 22-го августа, стараясь использовать всѣ наши медицинскія познанія и всю нашу аптеку (главный запасъ медикаментовъ былъ у Э. Ф. Вебера), чтобы поставить на ноги больного, но безуспѣшно, и 22-го рѣшили двинуться съ однимъ конюхомъ—Митрофаномъ,—оставивъ Шкулева на попеченіи Румянцева, которому я поручилъ дожидаться выздоровленія или смерти Шкулева и затѣмъ выѣхать съ чукчами на м. Шелагскій. На одного конюха у насъ было 14 полудикихъ лошадей, отдохнувшихъ за время болѣе двухъ недѣль и на половину забывшихъ свою недолговременную выучку, и грузовъ на 8 лошадей, такъ что обязанности конюха пришлось взять и мнѣ и вести четыре вьючныхъ лошади.

Во время передвиженія М. Я. Кожевниковъ не могъ идти въ счетъ, такъ какъ все время велъ съемку, и единственное, что можно было ему поручить—это вести двухъ запасныхъ лошадей. Двинулись мы съ нѣкоторой неувѣренностью, но дѣло пошло лучше, чѣмъ ожидалось. Навьючить лошадей на таборъ намъ помогъ Румянцевъ, который и проводилъ насъ верстъ на 10, но съ перваго же ночлега мы шли уже совершенно одни. Всю работу на таборъ мы по братски дѣлили на троѣ. Утромъ всѣ вмѣстѣ шли ловить лошадей, за которыми приходилось иногда побѣгать, хотя лошади всегда были въ путяхъ, сѣдлали ихъ и затѣмъ выючили, стараясь какъ можно менѣе дѣлать шуму, что дѣйствительно и было наилучшимъ средствомъ справиться съ пугливыми животными. Нашихъ силъ хватало, можно сказать, въ обрѣзъ, такъ какъ для выюченья нужно двухъ человѣкъ, а третьему приходилось держать въ это время лошадь за голову, чтобы помѣшать ей брыкаться и кусаться. Вечеромъ у нашего Митрофана всегда было много дѣла съ починкою збруи, сѣделъ и другими работами по спеціальности, такъ что мы брали на себя всю лагерную работу, до устройства ночлега для Митрофана включительно. Такимъ образомъ, у насъ все шло благополучно, если не считать потери двухъ лошадей на третьемъ ночлегѣ, освободившихся ночью отъ путъ и утромъ умчавшихся по нашей дорогѣ назадъ, и мы потихоньку шли впередъ, тѣмъ болѣе, что южный и юго-восточный берегъ Чаунской губы низменны, и я могъ всецѣло быть конюхомъ, не отвлекаясь на геологическія работы. Дѣло измѣнилось, когда берега сдѣлались возвышенными. Передъ м. Росомашьимъ мы должны были остановиться таборомъ, и я пѣшкомъ изслѣдовалъ его обнаженія, тогда какъ М. Я. Кожевниковъ одновременно верхомъ сдѣлалъ съемку этой части берега и привелъ лошадь, на которой я съ конца обнаженія и вернулся на таборъ, такъ что на завтра могъ уже проѣхать эти утесы, не останавливаясь.

На дальнѣйшемъ пути, отчасти благодаря уменьшенію числа лошадей, отчасти благодаря тому, что онѣ опять присмирѣли, не приходилось даже дѣлать и этого, и Митрофанъ въ такихъ случаяхъ могъ вести весь вьючный караванъ, М. Я. Кожевниковъ мою лошадь, а я шелъ пѣшкомъ у обнаженій. Погода намъ благопріятствовала, и, хотя стоялъ конецъ августа, можно было иногда забыть, что находишься въ полярныхъ странахъ. Снова появились комары, а мѣстами стрекотаніе кузнечиковъ болѣе напоминало южную степь, чѣмъ тундру. Около г. Певека насъ догнали чукчи съ выздоровѣвшимъ Шкулевымъ (Румянцевъ самовольно проѣхалъ напрямикъ на м. Шелагскій съ другимъ чукчей), и я могъ теперь безпрепятственно заниматься своимъ прямымъ дѣломъ. И здѣсь намъ мѣстами приходилось отходить отъ берега изъ-за впадавшихъ рѣчекъ, но все это были каменистыя рѣчки, гдѣ мы вскорѣ находили бродъ, и тѣхъ задержекъ, какъ на западномъ берегу Чаунской губы, здѣсь совершенно не было. Интересно, что черезъ эти рѣчки я находилъ бродъ и велъ караванъ скорѣе и лучше, чѣмъ наши конюхи, привыкшіе къ тундровымъ рѣчкамъ. 2-го сентября мы дошли до р. Янрагайвеямъ вблизи Шелагскаго мыса, гдѣ были сложены наши грузы, доставленные на байдаркахъ, и по близости стояли наши ламуты съ оленями (нашъ лагерь здѣсь—таблица 10, рис. 1). Э. Ф. Веберъ проплылъ далѣе къ Шелагскому мысу, опредѣлился тамъ и въ день нашего пріѣзда обогнулъ на случайно нанятой байдарѣ Шелагскій мысъ, имѣя въ виду передвинуться такимъ путемъ до устья р. Веркона, чего, однако, не удалось сдѣлать, такъ какъ льды не пустили его далѣе ур. Койвеямъ, откуда мы потомъ и двинулись къ востоку на собакахъ. М. Я. Кожевниковъ на завтра же двинулся съ Румянцевымъ пѣшкомъ въ обходъ Шелагскаго мыса, а у меня было много хлопотъ съ приплывшими къ намъ на станъ чукчами о наймѣ собакъ. Пять нартъ до м. Рыр-

1. Лагерь экспедиціи на р. Медвѣжьей.

Фот. Толмачевъ.

2. Почвенные льды на берегу океана у Большой рѣки.

Фот. Толмачевъ.

кайпій удалось нанять сразу въ одинъ день, но съ этимъ количествомъ мы не могли еще ничего подѣлать, такъ какъ, помимо всего, собаки были изнурены голодовкою вслѣдствіе очень плохого промысла этого лѣта, и мы не могли рассчитывать на обычную нагрузку нартъ, да и двинуться на собакахъ могли думать, только подкормивъ ихъ, для чего я убилъ нѣсколько оленей и лошадей. Вывести послѣднихъ обратно было мало надежды, и я ихъ, скрѣпя сердце, обрекъ на кормъ собакамъ. Собрать собакъ еще казалось почти невозможнымъ. Между тѣмъ погода рѣзко измѣнилась. Опять потянуль рѣзкій нордъ-вестъ, выпалъ снѣгъ, и все показывало, что лѣту конецъ и что лѣтніе способы передвиженія пора начинать ликвидировать. Пройтись въ байдарахъ къ востоку не было возможности, и мнѣ хотѣлось лишь дойти съ лошадьми и оленями до р. Верконъ (Кейвеямъ), чтобы устроить тамъ небольшой складъ собачьяго корма, такъ какъ, по слухамъ, и впереди была голодовка.

Собирая всюду собакъ, я въ то же время старался всѣми силами сократить наши грузы и оставить возможно меньше людей. Двинувшись съ р. Янрагайвеямъ, я оставилъ тамъ одного ламута и казака Кипріянова съ коллекціями и частью грузовъ, которые, хотя цѣною извѣстныхъ лишеній, можно было отправить обратно. Кипріянову это порученіе было, повидимому, весьма пріятно, такъ какъ онъ, какъ и другіе наши люди, кромѣ переводчика Бережнова, вообще представлявшаго счастливое исключеніе, съ ужасомъ думалъ о дальнѣйшемъ пути къ востоку. Также и Румянцевъ заявилъ, что онъ далѣе не ѣдетъ и остается на м. Шелагскомъ, откуда „какъ-нибудь выберется“. Пригрозивъ, однако, съ одной стороны карами за нарушеніе контракта и за самовольное оставленіе экспедиціи, съ другой пообѣщавъ сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ его семьи на Колымѣ, я заставилъ Румянцева идти съ нами далѣе, первымъ слѣдствіемъ чего было, что одинъ изъ чук-

чей—„другъ“ Румянцева, т. е. ведущій съ нимъ торговля дѣла, до сихъ поръ и слышать не хотѣвшій о поѣздкѣ къ востоку, немедленно подрядился и даже до самаго Носа, т. е. до м. Дежнева. Румянцевъ, рѣшившій вернуться съ Шелагскаго мыса, успѣлъ, очевидно, уговорить его не наниматься къ намъ, рассчитывая на его собакъ. Еще одну нарту собакъ я получилъ отъ другого чукчи, который самъ, схоронивъ недавно отца, въ теченіе года, по чукотскому обычаю, никуда не могъ ѣздить, и одну нарту позднѣе нанялъ на ур. Койвеямъ. Затѣмъ всякими правдами и неправдами удалось купить нѣсколько собакъ и составить еще одну запряжку, такъ что у насъ набралось, наконецъ, девять нартъ, съ которыми мы могли двинуться. Наша нарта состояла, правда, частью изъ старыхъ собакъ, частью изъ очень молодыхъ—щенятъ—и не могла считаться даже за среднюю. Но все-таки и эти собаки могли везти нѣсколько пудовъ съ человѣкомъ, да я, зная о плохихъ промыслахъ впереди, имѣлъ въ виду этими собаками, въ случаѣ нужды, подкормить и прочихъ. За нанятыхъ нами собакъ мы платили, какъ и ранѣе за байдары, самыми различными товарами и вещами. Въ уплату шелъ чай, табакъ, сахаръ, котлы и чайники, шкуры росомахъ, которыя я закупилъ въ Якутскѣ, песцовъ, которыхъ успѣлъ намѣнять лѣтомъ у чукчей же, винчестера, которые я долженъ былъ привезти «съ Носу», и т. п.

Пока не наступила еще зима, а съ нею и возможность двинуться въ путь дальше, я успѣлъ изслѣдовать Шелагскій мысъ и пройти съ М. Я. Кожевниковымъ берегомъ до Койвеямъ, гдѣ ждалъ насъ Э. Ф. Веберъ и гдѣ я нанялъ послѣднюю нарту и вернулся обратно на м. Шелагскій 20-го сентября уже по замерзшему морю, хотя и пробуя прочность льда все время ножами. Мое желаніе продвинуться еще до зимы до устья р. Веркона (Кейвьямъ) не осуществилось. Олени были слишкомъ измучены и слишкомъ уже въ небольшомъ числѣ, чтобы рисковать ими, такъ какъ

съ ними должны были вернуться на Колыму наши ламуты, казакъ и двое конюховъ со всѣми лишними грузами и коллекціями, да и со стороны моихъ товарищей я не встрѣтилъ большого рвенія пробиваться къ востоку безъ меня, мнѣ же необходимо было остаться на м. Шелагскомъ, чтобы дожидаться собакъ. Поэтому отсюда я отправилъ остатки нашего оленьяго каравана обратно, а лошадей, вѣрой и правдой послужившихъ намъ цѣлое лѣто, мы перестрѣляли частью на Койвеямъ, частью на м. Шелагскомъ на кормъ собакамъ.

Еще на Чаунѣ и при наймѣ чукчи обѣщались двинуться съ нами, какъ только море замерзнетъ у береговъ. Моментъ этотъ уже наступилъ, а чукчи еще и не думали собираться въ дорогу. Я съ Бережновымъ, живя на м. Шелагскомъ, всячески старался ускорить дѣло, такъ что даже нанималъ чукчей помочь устроить у моихъ подводчиковъ зимнія жилища, но только 7-го октября мнѣ удалось заставить двинуться чукчей, все время ожидавшихъ нѣсколькихъ безвѣтренныхъ дней, въ это время года далеко не частыхъ, чтобы перекрыть свои жилища, безъ чего они рѣшительно отказывались ѣхать. Всѣ наши девять нартъ собрались, наконецъ, на ур. Койвеямъ (таблица 10, рис. 2), и 8-го октября мы окончательно двинулись къ востоку. Чукча, у котораго я нанялъ здѣсь собакъ, при условіи, что онъ мнѣ даетъ не менѣе 10 собакъ, немного корму для нихъ, нарту въ полномъ порядкѣ и подводчика, далеко не выполнилъ своего условія. Собакъ было всего восемь, корму ни куска, нарту пришлось еще налаживать, а подводчикъ категорически отказался ѣхать, заявивъ, что хозяинъ собакъ просилъ его согласиться на эту поѣздку только для виду въ его присутствіи, и что поѣздка эта ему, частью потому, что у него хвораетъ жена, частью потому, что онъ хромою, совершенно не подходитъ. Видя, что какъ наши чукчи, такъ и жители ур. Койвеямъ съ напряженнымъ вниманіемъ присматриваются, какъ

разыграется эпизодъ, и боясь, что моя уступчивость въ этомъ случаѣ можетъ имѣть совершенно нежелательныя послѣдствія и явиться соблазномъ и для другихъ нашихъ подводчиковъ, я повернулъ дѣло круто, заявивъ, что разъ собаки мною наняты, я ихъ беру и буду каорить самъ. За обманъ же и за отказъ подводчика собаки не будутъ возвращены ихъ хозяину, тѣмъ болѣе, что я заплатилъ за пользованіе ими дороже, чѣмъ онѣ могли стоить. Чукчи признали такое рѣшеніе вполнѣ правильнымъ и какъ наши подводчики, такъ и тѣ, съ которыми объ этомъ приходилось говорить позднѣе, единогласно подтверждали, что иначе въ этомъ случаѣ я поступить не могъ. На нартѣ, взятой на м. Шелагскомъ „въ тѣло“ ѣхалъ переводчикъ Бережновъ, у М. Я. Кожевникова каюромъ былъ Румянцевъ, Э. Ф. Веберъ ѣхалъ съ чукчей, а пять остальныхъ нартъ шли подъ грузами—одну почти цѣликомъ взялъ чумъ и палатка. Нарты были нагружены сравнительно легко, хотя мы захватили съ собой еще, сколько могли, лошадиного мяса, но изнуренныя собаки везли плохо, да и дорога была не важная, на льду выступалъ «разсолъ» и часто ѣхать приходилось не больше, чѣмъ бѣжать рядомъ съ санями. Какъ бы то ни было, мы двигались впередъ со скоростью, о которой не могли ранѣе и мечтать, и дневные переходы, несмотря на короткіе дни, достигали иногда (со съемкою) сорока и даже болѣе верстъ. Отъ ур. Койвеямъ до ур. Этонникъ мы должны были рассчитывать для корма собакъ только на свои запасы, а ихъ мы имѣли очень немного; единственное жильѣ на дорогѣ здѣсь—ур. Эччуннинъ извѣстно почти постоянными голодовками и, несмотря на всѣ старанія, намъ удалось добыть здѣсь лишь немного тюленьяго жиру. Между Эччунниномъ же и Этонникомъ зимою полная пустыня, а намъ здѣсь предстояла еще съемка глубоко вдающейся въ материкъ губы. Чтобы уменьшить число собачьихъ ртовъ, я отправилъ три нарты съ частью грузовъ напрямикъ на ур. Этонникъ, а

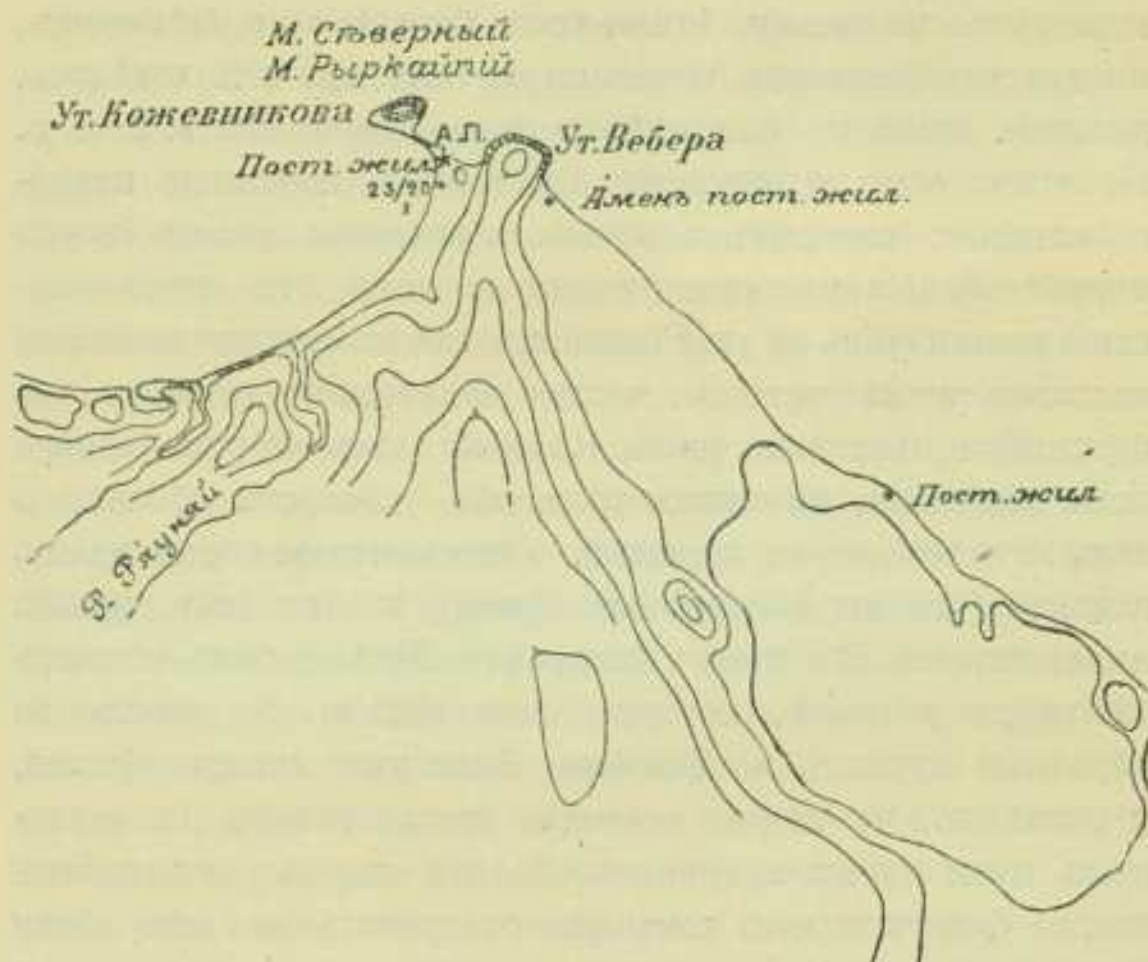
вглубь губы двинулся лишь съ шестью нартами. На бѣду здѣсь насъхватила пурга, и мы скормили собакамъ уже почти всѣ наши запасы, такъ что на кормъ пошла одна изъ нашихъ собакъ, подохшая послѣ третьяго перехода. Чукчи зароптали и начали поговаривать о возвращеніи обратно, и я не знаю, съумѣлъ ли бы ихъ удержать, если бы пурга продолжалась не одинъ, а нѣсколько дней. Вопреки обѣщанію, они не захватили съ собою мяса и для себя лично, мы его также имѣли въ обрѣзъ и много давать не могли, а одни сухари ихъ не удовлетворяли. Когда мы на этомъ трудномъ и тревожномъ переѣздѣ убили росомаху, то только часть ея мнѣ удалось оттягать для собакъ, остальное же съѣли подводчики. О томъ, что будетъ впереди, мы ничего опредѣленнаго не знали. Тревожно мы подѣзжали къ ур. Этонникъ, и встрѣтившіеся передъ нимъ чукчи увеличили эту тревогу. Промыселъ былъ плохъ здѣсь и впереди, кормовъ нѣтъ, ожидалась голодовка. Уѣхавшіе впереди наши подводчики проѣхали еще дальше, чтобы найти впереди мѣсто подкормить уже опять сильно изнуренныхъ собакъ. Я велѣлъ переводчикамъ добывать кормъ за всякую цѣну (у насъ былъ съ собой табакъ, чай, оленье шкуры, песцы, росомахи), не останавливаясь даже передъ обѣщаніемъ спирта. Кромѣ того, по совѣту переводчиковъ, мы рѣшили останавливаться не въ своемъ чумѣ (о которомъ представленіе даетъ рисунокъ 2 на таблицѣ 10), какъ дѣлали до сихъ поръ, а въ пологахъ чукчей, переходя такимъ образомъ на положеніе гостей и обязывая ихъ до извѣстной степени къ гостепріимству, хотя и далеко не безкорыстному, которое намъ нужно было, главнымъ образомъ, для нашихъ собакъ. Къ этому насъ побуждало и очень малое количество плавника по берегу, мѣстами отсутствовавшего на десятки верстъ, хотя обернуться мы еще могли бы, собирая дрова для ночлега во время дневнаго переѣзда и пополняя ихъ недостатокъ подогрѣваніемъ нашей печки тюленьимъ жиромъ и спир-

томъ. Но вопросъ о собачьемъ кормѣ рѣшилъ вопросъ о жильѣ, и на ур. Этонникъ мы пріѣхали прямо «въ гости» къ чукчѣ Эрѣ, причемъ часть нашихъ подводчиковъ проѣхала еще верстъ на 10 далѣе, чтобы распределить кормежку между нѣсколькими хозяевами. Какъ ни жался Эра съ кормомъ, онъ немедленно досталъ свои запасы моржеваго мяса, нарубилъ его на куски и самолично, по чукотскому обычаю, принялся кормить собакъ гостей. При видѣ этой картины я вздохнулъ свободно—первый разъ съ той поры, какъ задумалъ поѣздку на собакахъ. Насколько я зналъ побережье, впереди врядъ ли могло быть хуже, по крайней мѣрѣ вездѣ, а слѣдовательно была надежда прокормить собакъ и проѣхать впередъ.

Отъ ур. Койвеямъ съемку велъ еще М. Я. Кожевниковъ, но за два переѣзда до ур. Этонникъ онъ не могъ продолжать ее далѣе, и эту работу взялъ на себя Э. Ф. Веберъ, начавъ съемку немного ранѣе т. н. „избы Шалаурова“—мѣста трагической кончины этого отважнаго мореплавателя—и доведя ее до мыса Сердце-Камень. Такъ какъ лишній человѣкъ въ нашихъ условіяхъ былъ въ тягость, было рѣшено, что М. Я. Кожевниковъ возвратится на м. Шелагскій возможно скорѣе, но удалось это выполнить только на ур. Рыркайпій, откуда онъ двинулся обратно на двухъ нартахъ съ наиболѣе уставшими, негодными уже для дальнѣйшаго пути на востокъ, собаками. Мы ѣхали теперь совершенно по-чукотски, т. е. отъ поселка къ поселку, разъ разстоянія между ними были не менѣе 30 верстъ. Но часто они бывали и больше, и тогда было очень трудно со съемкою. Приходилось иногда дѣлать дневки и на завтра возвращаться додѣлывать неоконченное. Хуже всего было то, что составить представление о величинѣ предстоящаго переѣзда, даже по сравненію со сдѣланнымъ, было чрезвычайно трудно. Психика чукчей въ этомъ отношеніи весьма своеобразна, и мы, расспрашивая ихъ, получали иногда такіа данныя, что потомъ только

изумлялись; русскіе же переводчики путь нашъ знали лишь въ общихъ чертахъ. Рабочій день становился все короче и короче, а мы не могли выѣзжать изъ-за съемки ранѣе разсвѣта, чѣмъ сильно отличались отъ чукчей. Тѣ, наоборотъ, предпочитаютъ выѣзжать за нѣсколько часовъ до разсвѣта, съ тѣмъ, чтобы на предположенный ночлегъ пріѣхать совсѣмъ засвѣтло, и нашъ способъ движенія имъ очень не нравился, какъ и то, что мы распредѣляли маршрутъ по своему, ѣхали вдоль берега, а не напрямикъ, иногда возвращались, ночевали не тамъ, гдѣ имъ хотѣлось, дневали, когда по ихъ мнѣнію можно было ѣхать, и т. п. По этимъ или по другимъ причинамъ, начались неудовольствія, о которыхъ я узнавалъ косвенно черезъ своего переводчика, а непосредственно до меня эти неудовольствія дошли лишь на ур. Рыркайпій, гдѣ задержанные частью недоконченною съемкою, частью задувшими пургами, мы просидѣли нѣсколько дней. Ко мнѣ здѣсь явилась своего рода депутація, начавшая рѣчь объ усталости собакъ, о бѣдности побережья кормами, о томъ, что за кормъ нужно платить (что мы дѣлали все время), и что имъ нужно имѣть платежный товаръ на рукахъ. Затѣмъ былъ поднятъ разговоръ о платѣ, которую они хотѣли бы взять за обратный путь съ м. Дежнева. Зная уже теперь чукчей, я спокойно, но твердо заявилъ, что разговоръ о возвратномъ пути преждевремененъ, а что кормъ для собакъ всегда будетъ и что, конечно, отдаривать за него буду только я самъ. Инцидентъ этимъ былъ исчерпанъ, хотя чукчи и потерпѣли здѣсь неудачу въ попыткѣ подобраться къ нашему запасу спирта, чаю, табаку и т. п. Мы также были недовольны нашими чукчами потому, что среди подводчиковъ, которыхъ я отправилъ съ ур. Эччуннинъ впередъ съ грузами, оказались воры, выкравшіе то, что было теперь всего дороже, именно, половину запаса нашихъ сухарей, о чемъ мы узнали только на ур. Рыркайпій, когда начали дѣлить съ М. Я. Кожевниковымъ припасы.

М. Рыркайпй или Сѣверный оканчивается двумя обособленными безымянными утесами, которые я назвалъ въ честь моихъ товарищей по экспедиціи — западный «утесомъ Кожевникова», восточный — «утесомъ Вебера», какъ это показано на прилагаемой выкопировкѣ изъ нашей съемки. Утесъ Кожевникова изображенъ, кромѣ того, на рисункѣ 1 таблицы 11, гдѣ онъ снятъ, приблизительно, съ юго-востока. М. Рыркайпй является важнымъ насе-

Мысъ Рыркайпй по съемкѣ экспедиціи. (Въ 1 дюймѣ 5 верстѣ). А. П.—мѣсто астрономическихъ наблюдений экспедиціи.

леннымъ пунктомъ Чукотскаго побережья и въ исторіи нашей экспедиціи игралъ большую роль. Для моихъ спутниковъ это былъ предѣльный пунктъ, откуда М. Я. Кожевниковъ, во время движенія экспедиціи къ востоку, долженъ былъ возвратиться на м. Шелагскій и Колыму. а позднѣе отсюда же Э. Ф. Веберъ возвратился на м. Дежнева, гдѣ дождался пароходовъ.

Съ ур. Рыркайпій мы двинулись въ одинъ и тотъ же день 27-го октября—въ различныя стороны. М. Я. Кожевниковъ пошелъ на двухъ нартахъ, тяжело нагруженныхъ собранными имъ этнографическими коллекціями, вслѣдствіе чего, а также и изъ-за усталости собакъ, ему бѣольшую часть пути пришлось, какъ я узналъ позднѣе, идти пѣшкомъ, да и то передвигаясь лишь небольшими переходами. Къ тому же начались пурги, и какъ онъ, такъ и мы съ Э. Ф. Веберомъ, мѣстами должны были изъ-за нихъ сидѣть. Въ общемъ же, если не считать разныхъ мелкихъ случайностей и постепенно увеличивавшихся неудовольствій съ чукчами, все шло прекрасно. Э. Ф. Веберъ быстро освоился со съемкой, и переѣздъ въ 40 и даже болѣе верстъ не представлялъ для него трудности. Правда, мы должны были отказаться отъ съемки многочисленныхъ лагунъ побережья, но это было сдѣлано столько же изъ-за недостатка времени, сколько и изъ-за невозможности сдѣлать эту съемку сколько-нибудь прилично. Въ началѣ осени или, точнѣе, зимы намъ много огорченій было съ астрономическими наблюденіями. Нерѣдко въ великолѣпныя тихія звѣздныя ночи, когда была полная надежда имѣть серію астрономическихъ наблюденій, послѣ работы цѣлой ночи ничего не получалось. Въ воздухѣ было такъ много влаги, что не только металлическія части инструмента и его стекла, но даже и дерево штатива покрывалось сплошною изморозью, приводившею насъ прямо въ отчаяніе. Во второй половинѣ октября это окончилось, и астрономическія наблюденія шли безпрепятственно. Другой жгучій вопросъ о собакахъ такъ же былъ болѣе или менѣе устранинъ. Намъ, во-первыхъ, удалось прикупить дорогою двѣ-три собаки, хотя и неважныхъ, а, главное, постепенно перемѣнить почти всѣхъ экспедиціонныхъ собакъ, уже совершенно измученныхъ, на свѣжихъ. На обратномъ пути мы должны были возвратитъ взятыхъ собакъ и получить своихъ уже отдохнувшими. Курьезно, что наши подводчики были на насъ въ

претензии, что мы хлопчемъ о смѣнѣ только нашихъ собственныхъ собакъ и не думаемъ о нанятыхъ. Подкладкой этого, впрочемъ могло быть и то, что такая смѣна собакъ представляетъ одолженіе, рѣшительно ничего не стоящее тому, кто его дѣлаетъ, и обычно производится среди инородцевъ весьма охотно бесплатно. Съ насъ брали за эту услугу, что хотѣли, но изъ-за этого наши подводчики не могли уже въ свою очередь смѣнять своихъ собакъ, такъ какъ число собакъ, пригодныхъ для такого обмѣна въ каждомъ поселкѣ, вообще всегда было ограничено, и мы ихъ, конечно, и перехватывали, благодаря платѣ. Кромѣ того, мы скоро замѣтили, что Шелагскіе чукчи далеко не въ фаворѣ у жителей восточнаго побережья. Со многими изъ послѣднихъ у нихъ были долговые и даже кровавые счета, и нѣкоторые изъ нашихъ подводчиковъ вдругъ отказывались ѣхать далѣе, боясь того или другого чукчи, и рѣшались на это только въ надеждѣ на наше покровительство, въ силу котораго они почему-то сильно увѣровали.

11-го Ноября мы добрались до м. Сердце-Камень, гдѣ прожили до 15-го ноября, чтобы наблюдать лунное затменіе 14-го ноября. Здѣсь мы нашли американца Wall'a, о которомъ я слыхалъ еще въ Петербургѣ, и который давно уже торговалъ на Чукотскомъ полуостровѣ, въ шлюпкѣ доходилъ до Шелагскаго мыса, гдѣ его затерло льдами, былъ на Колымѣ, испрашивалъ концессию на производство горнаго промысла въ Колымскомъ округѣ и дозволеніе вести тамъ торговлю. Это былъ простой про-спекторъ золотопромышленной компаніи, человѣкъ почти безъ средствъ, жившій теперь у богатаго чукчи, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Въ громадной іерангѣ своего тестя эта пара помѣщалась въ отдѣльномъ небольшомъ пологу, гдѣ жила самостоятельнымъ хозяйствомъ, и гдѣ помѣстили и насъ. Отъ Wall'a мы получили свѣдѣнія о транспортѣ „Шилка“, который въ поискахъ экспедиціи доходилъ до м. Сердце-Камень. На этомъ переѣздѣ я былъ

вынужденъ отказаться отъ весьма для меня интереснаго изслѣдованія Колючинской губы. По самому скромному подсчету объѣздъ ея и съемка потребовали бы въ это время года около двухъ недѣль. Весь кормъ для собакъ было бы необходимо везти съ собою, а взять его было рѣшительно негдѣ, и наши чукчи, какъ я опять узналъ стороною, уже давно поговаривали, что въ „губу“ они нипочему не поѣдутъ. Уже на ур. Рыркайпій я видѣлъ, что эта поѣздка не состоится, и оставилъ тамъ нашъ чумъ, а вскорѣ послѣ этого, не желая выпускать инициативы измѣненія плана работъ изъ своихъ рукъ, я самъ первый объявилъ чукчамъ, что въ „губу“, вслѣдствіе поздняго времени года, не поѣду.

У м. Сердце-Камень, да и западнѣе море замерзло еще далеко не сплошь. Такъ у м. Оньманъ мы видѣли съ горы полыню, конца которой разсмотрѣть я не могъ. Тамъ намъ это не доставляло никакихъ затрудненій, но отъ м. Сердце-Камень путь по морю, во многихъ случаяхъ идущій подъ круто обрывающимися въ море утесами, былъ совершенно недоступенъ, и намъ приходилось ѣхать горами, выѣзжая къ морю лишь вблизи ночлеговъ. Такъ какъ разстоянія между переѣздами были все время весьма значительны, а погода неблагопріятна, то съемка здѣсь сдѣлалась почти невозможной, и мы ее прекратили у м. Сердце-Камень, гдѣ, къ счастью, удалось хорошо опредѣлиться астрономически. По той же причинѣ потеряли всякую систематичность и связность и мои геологическія работы. Эта часть берега, впрочемъ, снята во время плаванія клипера „Разбойникъ“ въ 1884 году, а намъ удалось дать для этой съемки отсутствовавшіе астрономическіе пункты. Что же касается геологіи, то здѣсь имѣлись хотя и отрывочныя, но современныя наблюденія К. И. Богдановича, да, кромѣ того, и вообще эта часть района нашей экспедиціи являлась наиболѣе доступной для путешественника. Такимъ образомъ, не задерживаемые работами и только разъ захваченные пургою, мы 19-го ноября прибыли на постъ Дежневъ,

гдѣ насъ радушно встрѣтила небольшая русская колонія въ лицѣ врача Е. Е. Беттака, представителя торговаго дома Чуриныхъ Т. И. Марченко и трехъ стражниковъ, одинъ изъ которыхъ былъ приказчикомъ у Т. И. Марченко. Отъ этого маленькаго русскаго поселка самый мысъ Дежнева лежитъ къ сѣверу, поднимаясь высокою округлою горою (таблица 11, рис. 2). Самый поселокъ имѣетъ культурный видъ, какъ показываетъ рис. 2 таблицы 1, гдѣ экспедиція во всемъ составѣ снялась передъ магазиномъ торговаго дома Чуриныхъ. Мы прожили здѣсь до 5-го декабря, задержанные частью пургами, частью болѣзною Э. Ф. Вебера, а, главнымъ образомъ, необходимостью нанять новыхъ собакъ, такъ какъ наши чукчи на завтра же послѣ пріѣзда заявили мнѣ, что желаютъ ѣхать обратно, и немедленно двинулись въ путь, даже не поднимая разговора о подрядѣ въ обратный путь. Только дѣйствительно накопившееся неудовольствіе могло ихъ побудить къ такому совершенно необычайному для нихъ пріему. Нанимая чукчей, я боялся другого, такъ какъ они говорили мнѣ, что, пріѣхавъ на „Носъ“, они всегда даютъ, примѣрно, около мѣсяца отдыха своимъ собакамъ. Одинъ изъ чукчей былъ подряженъ мною и на обратный путь, но товарищи отговорили ѣхать и его. Вообще вся эта исторія была мало понятна и самимъ чукчамъ, по крайней мѣрѣ, позднѣе, проѣзжая той же дорогой обратно, мнѣ не разъ приходилось узнавать, что надъ нашими чукчами, возвращавшимися съ „Носу“, пустыми безъ всякихъ товаровъ, не мало подсмѣивались и все узнавали отъ насъ, что вышло. Кромѣ того, когда я на обратномъ пути снова былъ на м. Шелагскомъ, меня тамъ встрѣтили самымъ дружественнымъ образомъ тѣ же самые подводчики, которые бросили насъ на м. Дежневѣ. Какъ бы то ни было, намъ пришлось здѣсь искать собакъ, такъ какъ со своими тремя нартами, притомъ неполными, мы никуда не могли двинуться. Ближайшіе жители доста-

вить намъ собакъ не могли, а болѣе дальнихъ задерживала та-же пурга, что и насъ, такъ что только послѣ большой потери времени мы нашли четыре нарты и 6-го декабря могли двинуться съ м. Дежнева.

Назадъ мы ѣхали скорѣе, чѣмъ въ передній путь, такъ какъ наблюденіями въ пути не занимались, и единственной работой были еще астрономическія наблюденія, когда позволяла погода. Мы вполне подчинились чукотскимъ порядкамъ, выѣзжали задолго до разсвѣта, ѣхали обычной дорогой. Все побережье теперь было намъ знакомо и всюду и вездѣ насъ встрѣчали дружественно. Непогоды задерживали также мало, и 24-го декабря мы снова были на ур. Рыркайпій, гдѣ, однако, не нашли заготовленныхъ для насъ собакъ.

Возвращавшемуся М. Я. Кожевникову я поручилъ, дождавшись на м. Шелагскомъ заказанныхъ съ Колымы собакъ, съ двумя нартами выѣхать на Колыму, а остальные четыре отправить намъ навстрѣчу на ур. Рыркайпій, гдѣ онѣ и должны были насъ дожидаться, и докуда я и подрядилъ теперь собакъ на м. Дежнева.

Предполагая, что собаки запоздали, мы рѣшили ихъ ждать и въ томительномъ ожиданіи просидѣли еще три дня. За это время съ запада пришли чукчи, но не принесли никакихъ вѣстей о нашихъ подводчикахъ. Я всѣми силами пытался уговорить привезшихъ насъ сюда чукчей провезти насъ хоть до ур. Этонникъ, но они говорили, что собаки настолько измучены, что даже для обратнаго пути придется дать имъ отдыхъ. Немало вліяли на отказъ и весьма печальные слухи, что по всему побережью западнѣе ур. Рыркайпій не было осенью промысловъ, и стоитъ голодовка. Нанять собакъ здѣсь также не удалось, такъ какъ на лицо была всего одна нарта, соглашавшаяся насъ везти до ур. Этонникъ, всѣ же остальные собаки были въ разѣздахъ. Отсутствіе собакъ съ Колымы было мнѣ совершенно непонятно, и невольно являлось предположеніе, что

тутъ скрывается что-то намъ неизвѣстное, быть-можетъ, крупное несчастіе. Поэтому я рѣшилъ на своихъ собакахъ двинуться на м. Шелагскій, узнать тамъ, въ чемъ дѣло, и въ случаѣ необходимости проѣхать далѣе на Колыму. Отправить впередъ Э. Ф. Вебера я не могъ по многимъ причинамъ и прежде всего уже потому, что, благодаря хронометрамъ и инструментамъ, онъ былъ значительно тяжелѣе меня. Затѣмъ ему необходимъ былъ каюръ, а я ѣхалъ самъ. Онъ, пожалуй, добрался бы до м. Шелагскаго, такъ какъ одну нарту собакъ, быть можетъ, еще удалось бы принанять, но дальше съ нашими средствами ему проѣхать уже не было бы возможности, такъ какъ ради хронометровъ необходимо было вести съ собою чумъ. Да я не могъ и рассчитывать на распорядительность и на то, что Э. Ф. Веберъ сумѣетъ сладить съ колымчанами.

28-го мы двинулись съ Бережновымъ съ ур. Рыркайпій. Къ намъ присоединился чукча, ѣхавшій съ нами съ о. Колючина на четырехъ собакахъ, въ надеждѣ, встрѣтивъ вышедшія намъ навстрѣчу нарты, купить себѣ нѣсколькихъ собакъ. Мы отдали ему часть своихъ собакъ и такимъ образомъ составили три нарты, очень тяжело нагруженныхъ, такъ какъ мы взяли съ собою и чумъ, намъ хотя и ненужный, но который мы должны были довести до ур. Этонникъ, чтобы хоть для части пути облегчить грузъ Э. Ф. Вебера. Этотъ же чукча, возвращаясь съ м. Шелагскаго, долженъ былъ привезти Э. Ф. Веберу и точныя свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ. Ѣхали мы не торопясь, надѣясь каждый день встрѣтить собакъ. Въ то же время, не зная еще, придется ли ѣхать на Колыму, мы берегли силы животныхъ и даже въ одномъ мѣстѣ сдѣлали дневку, чтобы подкормить ихъ у богатаго чукчи. Иныя дневки были вынуждены, такъ какъ въ концѣ декабря и первой половинѣ января дули сильныя пурги. Нашъ маленькій караванъ на серединѣ переѣзда до ур. Этонникъ уве-

личился еще однимъ чукчей, который, въ той же надеждѣ добыть собакъ, присоединился къ намъ и взялъ часть грузовъ на свою нарту, такъ что теперь мы поѣхали быстрѣе. На ур. Этонникъ я нанялъ двѣ нарты, которыя должны были пойти къ Э. Ф. Веберу на ур. Рыркайпій, чтобы помочь ему выбраться хотя бы досюда.

Только на ур. Эччуннинъ я получилъ извѣстіе, очень насъ поразившее, что собаки не дождались насъ и ушли обратно, а на м. Шелагскомъ узналъ всѣ подробности изъ писемъ М. Я. Кожевникова. Послѣдній на м. Шелагскомъ прожилъ болѣе мѣсяца и перенесъ вмѣстѣ съ жителями голодовку, питаясь чѣмъ случилось. Собаки съ Колымы пришли 16-го декабря безъ запасовъ корму, съ обязательствомъ ждать насъ всего двѣ недѣли. Когда М. Я. Кожевниковъ началъ посылать ихъ къ намъ навстрѣчу, они наотрѣзъ отказались, и на убѣжденіе ихъ безъ всякаго результата онъ потратилъ цѣлую недѣлю. Тогда онъ выѣхалъ на Колыму, чтобы поправить какъ-нибудь дѣло и нанять новыхъ собакъ. Оставшіеся же подводчики просидѣли еще недѣлю и спокойно вернулись обратно, получивъ за эту прогулку по сто рублей за нарту. Вообще, эта поѣздка, которую на Колымѣ громко называли „спасательной экспедиціей“, показала Колымчанъ далеко не съ красивой стороны. Намъ говорили позднѣе, что найти нарты на Колымѣ можно было лишь съ большимъ трудомъ, а между тѣмъ съ заказанными нами нартами пришла одна чужая—купеческая, воспользовавшаяся компаніей для торговли. Пріѣхавъ на м. Шелагскій, подводчики немедленно занялись продажей собакъ и, несмотря на протесты М. Я. Кожевникова, продали не менѣе 25 собакъ, т. е. цѣлыхъ двѣ нарты. Зная, что у насъ есть свой запасъ корма на м. Шелагскомъ, эти нарты почти не взяли съ собой корму для собакъ и прежде всего истребили нашъ. Имъ было поручено доставить для насъ ржаного хлѣба, рыбы и т. п., конечно, не въ избыткѣ; частью

всего этого они распорядились по своему усмотрѣнію, никого не спрашивая.

На м. Шелагскомъ, когда мы пріѣхали туда, дѣла стояли совсѣмъ плохо. Тюлени ловились рѣдко, чукчи жили уже впроголодь, и въ самомъ ближайшемъ будущемъ предвидѣлась настоящая голодовка. Только при насъ выяснилось, что дняхъ въ 3—4 пути стоятъ оленные чукчи, и почти всѣ мужчины начали собираться въ своего рода экспедицію за оленьимъ мясомъ. Жить при этихъ условіяхъ на м. Шелагскомъ, ожидая, съ одной стороны, пріѣзда Э. Ф. Вебера, съ другой—собакъ съ Колымы, не было возможности, имѣя на рукахъ около трехъ десятковъ собакъ. Хорошо еще, что, предвидя событія, мы, сколько могли, закупили корму тамъ, гдѣ это было возможно по дорогѣ, а немного тюленьяго жиру и мерзлой крови мы успѣли купить и на м. Шелагскомъ. Затѣмъ мы отказались въ пользу собакъ отъ бѣльшей части завезенной намъ рыбы и, какъ послѣдній ресурсъ, розыскали лошадиныя головы, брошенныя Колымчанами, и срѣзали съ нихъ всѣ мягкія части. Такимъ путемъ мы набрали корму болѣе чѣмъ на недѣлю и съ этимъ запасомъ, просидѣвъ на м. Шелагскомъ нѣсколько дней за сборами и пережидая пургу, 18-го января двинулись вдвоемъ на Колыму. На девятый день мы благополучно прибыли въ Сухарное, гдѣ застали еще людей, не имѣя уже ни крошки собачьяго корма и очень скудные личные запасы. Насъ ни разу не задержала пурга, дорога была твердая, свѣжаго снѣгу было очень мало, и только благодаря стеченію всѣхъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ мы могли сдѣлать благополучно этотъ трудный переѣздъ. Съ Бережновымъ мы уже давно ѣхали какъ хорошіе товарищи и теперь по братски дѣлили съ нимъ трудъ, столъ и спальный мѣшокъ, такъ что этотъ переходъ, несмотря на все, былъ, быть можетъ, однимъ изъ наиболѣе пріятныхъ. У Большой рѣки мы встрѣтили двѣ нарты, шедшія навстрѣчу

Фот. Толмачевъ.

1. Кожевниковъ за работой на берегахъ Чаунской губы.

Фот. Кожевниковъ.

2. Толмачевъ съ переводчиками на Чаунѣ.

Фот. Толмачевъ.

3. Торговля съ мундами Кожевникова.

Фот. Толмачевъ.

4. Постплющевые пески на берегу озера, западнѣ Большой рѣки.

Фот. Толмачевъ.

5. Почвенный ледъ, прикрытый торфяникомъ, западнѣ Большой рѣки.

Фот. Толмачевъ.

6. Устье Колымы. Восточный берегъ, сѣвернѣ маяка Лаврова.

Э. Ф. Веберу, отъ которыхъ узнали, что за ними идутъ еще двѣ нарты (съ этими мы позднѣе разминулись), такъ что я могъ быть спокоенъ за судьбу оставленныхъ товарищей, въ распоряженіе которыхъ съ м. Шелагскаго мною была послана еще одна нарта, оставленная тамъ Колымчанами, какъ собственность Румянцева.

Изъ Походска я поѣхалъ уже пассажиромъ на собакахъ, совершенно не походившихъ на нашихъ измученныхъ, изголодавшихся псовъ, и, миновавъ Н.-Колымскъ, 5-го февраля пріѣхалъ въ Средне-Колымскъ. Здѣсь встрѣтилъ меня со слезами на глазахъ М. Я. Кожевниковъ, только что, какъ оказалось, оправившійся отъ чесотки, вывезенной имъ отъ чукчей. Одинъ взглядъ на него сказалъ мнѣ, какъ много онъ перенесъ и выстрадалъ физически и нравственно. Изъ Средне-Колымска мы выѣхали 11-го февраля. Въ отличіе отъ прошлогодняго переѣздъ былъ теперь великолѣпно подготовленъ, и въ Якутскѣ мы были уже 26-го февраля, не узнавая дорогой ни станцій, ни ихъ содержателей, сдѣлавшихся теперь иными людьми. Въ Якутскѣ намъ пришлось пробыть до 8-го марта, и наканунѣ отъѣзда мы получили извѣстіе изъ Средне-Колымска, что Э. Ф. Веберъ, не дождавшись собакъ, вернулся на м. Дежнева съ тѣми же чукчами, что привезли насъ оттуда на м. Рыркайпій. Мнѣ доставили и его письмо, вывезенное Румянцевымъ, который выѣхалъ со всѣми грузами. Просиди Э. Ф. Веберъ на ур. Рыркайпій еще нѣсколько дней, онъ бы получилъ собакъ и, какъ показало письмо, вывезенное съ Румянцевымъ, могъ бы догнать насъ въ Якутскѣ. Несмотря на это письмо, мнѣ совершенно не были ясны причины, заставившія Э. Ф. Вебера повернуть обратно, не дождавшись даже возвращенія Колючинскаго чукчи. Я не могъ забыть того, что во время пути Э. Ф. Веберъ не разъ прихварывалъ, а на м. Дежнева у него былъ даже легкій нефритъ, и теперь могъ опасаться всего самаго худшаго. Къ счастью, эти

опасенія не оправдались, но узналъ я объ этомъ, только получивъ въ юнѣ отъ Э. Ф. Вебера телеграмму съ м. Дежнева черезъ Nome.

3-го апрѣля мы прибыли съ М. Я. Кожевниковымъ въ Петербургъ, черезъ 13 мѣсяцевъ послѣ отъѣзда. Э. Ф. Веберъ вернулся черезъ Владивостокъ въ августъ мѣсяцъ.

Экспедиція снарядилась и прошла при исключительно неблагоприятныхъ условіяхъ. Позднее рѣшеніе вопроса о томъ, быть или не быть экспедиціи, поспѣшные сборы, поздній выѣздъ изъ Петербурга, полная неподготовленность проѣзда экспедиціи до мѣста начала работъ, вслѣдствіе чего она была захвачена весенней распутицей и сильно опоздала, можно сказать, уже предопредѣлили неуспѣхъ экспедиціи и дѣлали даже возможность ея осуществленія сомнительной. Къ этому присоединилось и то, что на мѣстахъ экспедиція оказалась подготовленной самымъ жалкимъ образомъ и, самое главное, почти не имѣла перевозочныхъ средствъ, обладая очень небольшимъ числомъ въ значительной степени никуда негодныхъ изнуренныхъ оленей, совершенно недостаточнымъ числомъ саней, сѣделъ, лямокъ и другой упряжи, не говоря уже о томъ, что нанятые люди были вообще совершенно не заинтересованы въ движеніи экспедиціи, частью были непригодны для такой работы, а иногда даже вредны, и лишь двухъ-трехъ изъ нихъ можно было назвать работниками. Въ общемъ, уровень личного состава былъ таковъ, съ которымъ рѣдко приходится имѣть дѣло путешественнику, и во всякомъ случаѣ много ниже средняго. Въ силу всего этого, каждый шагъ впередъ стоилъ много заботъ и труда. На переѣздѣ до Колымы возможно было считать за удачу, что мы успѣли пробраться туда все-таки въ началѣ лѣта, а не употребили на этотъ переходъ все рабочее время. Во время экспедиціи намъ все время грозила опасность засѣсть на мѣстѣ и быть вынужденными ждать зимы,

чтобы выбраться обратно. Въ этомъ смыслѣ приходъ на р. Чаунъ и въ особенности на м. Шелагскій были въ нашихъ условіяхъ уже крупной побѣдой, такъ какъ мы дошли до собачьихъ чукчей, у которыхъ и удалось найти помощь для движенія къ востоку, хотя по первоначальному плану въ началѣ сентября мы должны были быть уже на берегахъ Берингова пролива. Налаженная всецѣло нашими собственными силами санная часть экспедиціи прошла наиболѣе гладко и удачно, хотя и пришлось ѣхать на истощенныхъ лѣтней голодовкой собакахъ и во многихъ случаяхъ страдать отъ недостатка корма. И здѣсь, однако, бывали тяжелые моменты, главнымъ образомъ, вслѣдствіе полной зависимости отъ чукчей, какъ мѣстныхъ, такъ и нашихъ проводниковъ. Всю дорогу приходилось, съ одной стороны, всѣми силами стараться заслужить расположеніе чукчей, по характеру своему грубыхъ матеріалистовъ, даря и угощая ихъ чѣмъ было возможно, не останавливаясь даже передъ такими подарками, какъ спиртъ, и всѣми силами стремясь оставить позади себя хорошее впечатлѣніе; съ другой—дѣлая все это, необходимо было поставить себя такъ, чтобы не дать замѣтить этого чувства зависимости, не допустить вымогательствъ, которыя дальше извѣстнаго предѣла оказались бы невыполнимыми для насъ, однимъ словомъ, сохранить положеніе господина и распорядителя передвиженія.

Всѣ эти условія чрезвычайно тяжело сказались на работахъ экспедиціи и совершенно измѣнили планъ работъ, сѣзвивъ его до наибольшаго предѣла. Экспедиція свелась къ проѣзду и изслѣдованію береговой линіи отъ Колымы до м. Дежнева, тогда какъ по первоначальнымъ предположеніямъ я надѣялся изслѣдовать побережье въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но при данныхъ условіяхъ мы должны считать себя счастливыми, разъ могли вернуться съ сознаніемъ, что взятыя на себя обязательства худо или хорошо выполнены.

Общіе результаты экспедиціи выражаются прежде всего въ маршрутной съемкѣ пятиверстнаго масштаба всего побережья, начиная отъ устья Колымы (маякъ Лаптева) до мыса Чаплина, а также въ съемкѣ отъ устья Большой рѣки до устья Чауна, черезъ горы къ западу отъ Чаунской губы. Съемка опирается на 24 астрономическихъ пункта, расположенныхъ болѣе или менѣе равномерно по всему маршруту. Съемка велась путемъ непосредственнаго объѣзда или обхода береговой линіи, и можно надѣяться, что послѣдняя нами уловлена довольно точно. Были, конечно, случаи, гдѣ приходилось поступаться этой точностью, гдѣ выработка всѣхъ деталей потребовала бы слишкомъ много времени и все-таки по условіямъ работы была бы почти недостижимой. Къ числу такихъ мѣстъ относится побережье Малаго Чауна, гдѣ береговую линію пришлось показать схематически пунктиромъ. Аналогичные случаи имѣли мѣсто по побережью къ востоку отъ Шелагскаго мыса, гдѣ мы ѣхали на собакахъ. Несмотря на снѣжный покровъ, береговая линія была видна отчетливо, и съемка ея никакихъ трудностей не представляла. Но, въ общемъ, чрезвычайно простая до схематичности береговая линія въ деталяхъ представляется, однако, чрезвычайно сложной, благодаря массѣ лагунъ, открывающихся въ море проливами въ нѣсколько десятковъ сажень, рѣдко до версты шириною, а вдоль берега идущихъ растянутыми заливами, часто на много десятковъ верстъ. Если часть берега лагунъ, прилегающая непосредственно къ морскому берегу, обыкновенно хорошо обособлена, то съ ограниченіемъ лагунъ вглубь побережья дѣло стоитъ совершенно иначе. Здѣсь въ лагунѣ лежатъ низкіе острова, мели, она разбивается на отдѣльныя озера, мѣстами, повидимому, сливается съ болотами, и все это снѣжнымъ покровомъ превращено въ одну общую бѣло-снѣжную поляну. Только съѣзжая со льда на песокъ, галечникъ, травянистые участки или обратно, можно было

замѣтить, что лѣтомъ мы имѣли бы передъ собою весьма разнообразныя картины. Пытаться нанести на съемку эти лагуны, хотя бы съ точностью нашей работы, являлось, конечно, совершенно невыполнимой задачей и безнадежнымъ предпріятіемъ при большой потерѣ времени. Поэтому я совершенно прекратилъ съемку лагунъ. Благопріятнымъ временемъ для такой работы была бы поздняя весна, когда снѣгъ на землѣ уже въ значительной степени сходитъ, а лагуны еще подо льдомъ, или же лѣто, когда эту съемочную работу будетъ возможно выполнить на шлюпкахъ. Какъ уже указывалось выше, мы должны были отказаться отъ съемки Колючинской губы, а равно не имѣли возможности снять и часть побережья отъ мыса Сердце-Камень до м. Дежнева. Наша съемка примѣрно равна 2.550 верстамъ. Изъ нихъ около 1.000 верстъ отъ маяка Лаптева до т. н. Шелауровой избы сняты М. Я. Кожевниковымъ, 750 верстъ отъ этого пункта до м. Сердце-Камень Э. Ф. Веберомъ въ 1909 году. Э. Ф. Веберу же принадлежитъ съемка къ западу отъ Чаунской губы на переходѣ отъ устья Большой рѣки къ устью Чауна (380 верстъ), а равно и съемка берега Великаго океана отъ м. Дежнева до м. Чаплина (420 верстъ), сдѣланная имъ весною 1910 года.

Астрономическіе пункты опредѣлены, главнымъ образомъ, Э. Ф. Веберомъ, два пункта на берегу Чаунской губы опредѣлены мною. Кромѣ того, Э. Ф. Веберомъ опредѣлено нѣсколько пунктовъ во время переѣзда къ Колымѣ, и мною въ Средне-и Нижне-Колымскѣ. На основаніи нашихъ данныхъ я привожу здѣсь только снятую нами береговую линію отъ устья Колымы до м. Дежнева, нанесенную красною чертою на существующую 100-верстную карту. Съемка Э. Ф. Вебера отъ м. Дежнева до м. Чаплина для этой карты не могла быть использована. Составленіе подробной карты — дѣло будущаго, когда можно будетъ подробно говорить и объ

измѣненіяхъ, вносимыхъ нами въ картографію побережья. Во всякомъ случаѣ, при всей своей неточности, карты здѣсь оказались значительно лучше тѣхъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло въ другихъ мѣстахъ сибирскаго берега Ледовитаго океана. Значительно придется измѣнить гидрографію побережья восточнѣе Чаунской губы, гдѣ на картахъ, по съемкамъ Врангеля, указанъ рядъ рѣкъ, впадающихъ въ море часто нѣсколькими устьями. Изъ числа такихъ рѣкъ, не считая мелкихъ ключей, здѣсь останется только одна—р. Омгувеямъ, устья же всѣхъ другихъ представляютъ проливы, соединяющіе лагуны съ моремъ, которые и были приняты Врангелемъ ошибочно за рѣчныя протоки, продолженные имъ вглубь страны. На самомъ дѣлѣ, въ каждую лагуну впадаетъ рядъ рѣчекъ, съ которыми упомянутые проливы не имѣютъ ничего общаго. Намъ удастся показать эти рѣчки на картѣ только схематически, руководствуясь лишь разспросными свѣдѣніями, собранными у чукчей. Чукчи оказались очень плохими географами, которыхъ нельзя было и сравнивать съ тунгусами, якутами, долганами, самоѣдами и другими сѣверо-сибирскими инородцами. Тѣ, когда говорили о своихъ районахъ—часто тысячахъ и десяткахъ тысячъ квадратныхъ верстъ, казалось, всегда имѣли предъ глазами свою, какую-то имъ однимъ видимую, карту, такъ отчетливы были всѣ ихъ представленія. Чукчи же знали только маленькіе участки—вѣрнѣе рядъ своихъ маршрутовъ—и не имѣли почти никакого общаго представленія о странѣ и обнаруживали очень мало географическаго интереса, вѣрнѣе совершенно не обнаруживали.

Вмѣстѣ со съемкою и отчасти для нея мы производили почти на всѣхъ астрономическихъ пунктахъ опредѣленія склоненія, пользуясь бусолью, полученною отъ Иркутской обсерваторіи. Взятая изъ Петербурга морская бусоль оказалась слишкомъ громоздкой, а заказать болѣе подходящій приборъ въ Петербургѣ не было возможности за полнымъ

недостаткомъ времени. Этими наблюденіями занимался Э. Ф. Веберъ, которому были также поручены и метеорологическія наблюденія. Къ сожалѣнію, зимнія наблюденія неполны. Взятый нами психрометръ Асмана оказался съ термометрами, градуированными лишь на нѣсколько градусовъ ниже нуля—недосмотръ, обусловленный отчасти вообще спѣшностью сборовъ, частью же и тѣмъ, что мы рассчитывали только на лѣтнее рабочее время. Взятые же нами праци (одинъ спиртовой) были разбиты еще до зимы. Сдѣлать большой запасъ этихъ термометровъ не было возможности, такъ какъ случайно ихъ не оказалось около времени нашего отъѣзда въ продажѣ въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого зимою мы совершенно не имѣли температуръ и могли опредѣлять ихъ лишь по приблизительной сообщаемой оцѣнкѣ. Кромѣ непосредственныхъ метеорологическихъ наблюденій Э. Ф. Веберъ наблюдалъ еще въ лѣтнее и осеннее время температуру воды въ рѣкахъ и рѣчкахъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ на нашемъ пути.

Геологическія наблюденія, въ зависимости отъ времени, когда они производились, конечно, также не одинаковой цѣнности. Восточнѣе Шелагскаго мыса, несмотря на зимнюю работу, можно было все-таки составить общее представленіе о геологическомъ строеніи мѣстности, но здѣсь встрѣчались участки невысокихъ, но скалистыхъ береговъ, настолько сильно засыпанные снѣгомъ, что изученіе ихъ по необходимости являлось отрывочнымъ. Наконецъ, строеніе части побережья, лежащей между м. Сердце-Камень и постомъ Дежнева, въ силу вышеуказанныхъ условій передвиженія, могло быть осмотрѣно лишь мѣстами. Эта часть побережья является, однако, уже нѣсколько изслѣдованной предшествующими нашей экспедиціями, да и кромѣ того наиболѣе доступной частью Чукотскаго полуострова.

Этнографическія наблюденія не входили въ нашу задачу, и я вообще не предполагалъ входить въ близкія сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Однако, очень медлен-

ное движеніе, зимняя поѣздка по чукчамъ и съ чукчами, вынужденныя остановки у нихъ, особенно продолжительныя у моихъ товарищей—Э. Ф. Вебера и М. Я. Кожевникова—заставили насъ довольно хорошо познакомиться съ бытомъ этого племени.

По вопросу о состояніи льдовъ на морѣ, о возможности или невозможности морского плаванія у этихъ береговъ, а равно и о необходимости этого плаванія, что являлось однимъ изъ основныхъ вопросовъ экспедиціи, намъ удалось собрать также довольно большой матеріалъ.

На всемъ своемъ протяженіи «Чукотская земля», какъ въ свое время называлась часть сѣверо-восточной Сибири къ востоку отъ Колымы, отличается большимъ однообразіемъ какъ физико-географическихъ особенностей, такъ и геологическаго строенія, а равно жизни и населенія. Это горная страна, понижающаяся въ общемъ къ западу—къ Колымѣ и къ сѣверу—къ Ледовитому океану, но повышающаяся вглубь страны и къ востоку—до высотъ, достигающихъ 2000—3000 футовъ. Горы, однако, рѣдко подходятъ къ самому берегу, а обыкновенно отдѣляются отъ океана наносною болѣе или менѣе низкою полосою въ нѣсколько верстъ шириною, которая время отъ времени прерывается каменными выступами-отрогами, отходящими отъ горной страны къ океану, то въ видѣ величественныхъ горъ, то небольшихъ отдѣльныхъ утесовъ, то, наконецъ, въ формѣ невысокихъ же скалистыхъ береговъ, тянувшихся на значительное пространство. Путешественнику всѣ такія мѣста рисуются въ видѣ мысовъ, какъ они отчасти и вошли на наши карты. Нерѣдко, дѣйствительно, это и есть мысы, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Во многихъ же случаяхъ на съемкѣ береговая линія дѣлаетъ здѣсь едва замѣтный выступъ въ море, и мысами они кажутся съ нѣкотораго разстоянія, когда лежащая между ними низменная часть берега почти ступшевывается въ глазахъ наблюдателя.

Наносныя новѣйшія образованія спрямляютъ береговую линію, выполняя заливы или вогнутости между мысами, и береговая линія была бы сильнѣе изрѣзана, если бы было возможно удалить эти наносныя образованія. Только въ одномъ мѣстѣ, именно между Чаунской губой и устьемъ Большой рѣки, полуостровъ Карчыкъ, далеко выступающій къ сѣверу, сложенъ рыхлыми постпліоценовыми отложеніями. Мысы, лежащіе западнѣ, всѣ скалисты и представляются высокими горами, то же самое относится и до Шелагскаго мыса. Отсюда къ востоку мысы и скалистые берега, подходящіе мѣстами къ океану, въ общемъ очень невысоки, хотя горы, сплошной стѣною идущія южнѣ, не ниже лежащихъ западнѣ или даже выше ихъ. Скалистые берега снова повышаются у Колючинской губы, а въ особенности отъ мыса Сердце-Камень. Начиная отъ этого мыса до мыса Дежнева преобладаютъ высокіе скалистые берега, но все-таки и здѣсь скалистыя мѣста раздѣляются наносными низменными. Эта постоянная смѣна скалистыхъ береговъ, часто спускающихся отвѣсными стѣнами въ море, съ наносными и, въ большинствѣ случаевъ, низменными берегами является чрезвычайно характерной особенностью всего чукотскаго побережья. Но низменные берега далеко не одинаковы на всемъ побережьѣ. Западнѣ Чаунской губы они сложены по преимуществу постпліоценовыми отложеніями—тундровыми слоями, заключающими среди песчано-глинистыхъ слоевъ мощныя залежи почвеннаго льда, прекрасные выходы котораго встрѣчены были вблизи Большой рѣки (таблица 8, рисунокъ 2), а также и западнѣ по берегу Ледовитаго океана (таблица 9, рисунокъ 5). Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ постпліоценъ представленъ здѣсь песчано-глинистыми (таблица 9, рисунокъ 4), слоистыми отложеніями, въ которыхъ мѣстами встрѣчаются мелкія раковинки моллюсковъ. Берега, сложенные этими образованіями, не высоки, но все-таки обыкно-

венно пріяры. Восточнѣе Чаунской губы подобнаго рода постпліоценовыя отложенія, наоборотъ, встрѣчаются скорѣе какъ исключеніе и въ совершенно подчиненномъ видѣ, а весь низменный берегъ занятъ лагунами и песчано-галечными отложеніями—выносами горныхъ рѣчекъ, которые морскими прибрежными теченіями распредѣляются вдоль берега въ видѣ громадныхъ косъ, съ чѣмъ и связано образование лагунъ. Такіе берега, въ силу условій своего образованія, никогда не бываютъ сколько-нибудь возвышенными и являются типично низменными. Размываніе тѣхъ и другихъ береговъ идетъ совершенно различно. Низменные косы восточной части побережья образуются при условіяхъ, исключающихъ возможность ихъ размыванія, такъ какъ они представляютъ результатъ накопленія галечнаго матеріала дѣйствіемъ тѣхъ же волнъ, которыя могли бы и размывать побережье. Кромѣ того, ихъ матеріалъ очень грубъ и не можетъ быть переносимъ во взвѣшенномъ состояніи. Другое дѣло постпліоценовые слои. Дѣйствіе моря, съ одной стороны, таяніе льда, заключеннаго въ нихъ, и мерзлоты—съ другой—быстро разрушаютъ такіе берега, которые какъ бы плывутъ въ море—очень медленно, но безостановочно и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ должны замѣтно мѣнять свою конфигурацію. Тонкій матеріалъ этихъ отложеній во взмученномъ видѣ можетъ сравнительно далеко относиться волнами и отлагаться въ видѣ отмелей, занимающихъ, напр., у мыса Карчыкъ и въ особенности къ сѣверу отъ острова Айонъ громадна пространства.

Кромѣ Колымы, на всемъ изслѣдованномъ нами побережьи крупныхъ рѣкъ нѣтъ, и большинство ихъ представляетъ горные потоки, длиною рѣдко, повидимому, болѣе 100 верстъ. Исключеніемъ являются, повидимому, р. Большая, Кейвеямъ и, вѣроятно, Омгувеямъ, но уже и изъ нихъ Большая рѣка легко переходима вбродъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ устья.

Геологическое строение «Чукотской земли» просто и однообразно. Остовъ страны—вся ея горная часть, со строениемъ которой мы могли познакомиться частью по ея выходящимъ къ Ледовитому океану отрогамъ, частью при обходѣ Чаунской губы, сложена мощной толщей кристаллическихъ, главнѣйше глинистыхъ сланцевъ, связанныхъ съ известковистыми, переходящими въ известняки, а также и съ песчаниковыми разностями. Толща эта, повидимому, болѣе въ общемъ однообразна въ западной части изслѣдованной мѣстности и разнообразнѣе въ восточной, хотя здѣсь наблюденія, по условіямъ, указаннымъ выше, велись значительно менѣе подробно и систематично. Въ настоящее время трудно еще пытаться подраздѣлить стратиграфически эту толщу или же утверждать, что она представляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Всѣ ея слои пока нѣмы палеонтологически, и сколько нибудь разобратся съ ними будетъ возможно лишь послѣ петрографическаго изученія отдѣльныхъ членовъ и детальнаго сравненія съ болѣе изученными и, повидимому, аналогичными образованіями Америки. Точно также и о возрастѣ ея трудно сказать что-либо определенное и лишь по соотношенію съ девонскими отложеніями, встрѣченными мною на Колымѣ, можно приписывать ей до-девонскій возрастъ. Вся эта толща сланцевъ прорѣзана штоками и жилами массивныхъ породъ. Характеръ береговъ, сложенныхъ по преимуществу сланцами, хорошо виденъ на рисункѣ 6 таблицы 9 и отчасти на рисункѣ 6 таблицы 7, гдѣ задняя плоская гора Большаго Баранова мыса сложена сланцами, тогда какъ ближняя гранитами, при вывѣтриваніи образующими на вершинѣ т. н. „кекуры“, болѣе крупно снятые на рисункѣ 4 той же таблицы. Проводникъ мой, едва замѣтный среди утесовъ, даетъ представленіе объ ихъ размѣрахъ. Главные штоки образованы гранитами и отчасти гранитъ-порфирами, жилы же порфирами, насколько можно судить въ полѣ, весьма разнообразнаго петрографическаго состава.

и принадлежащими, повидимому, по преимуществу, къ безкварцевой и, быть можетъ, щелочной группѣ. Возможно, что удастся отчасти разграничить изверженныя породы и по возрасту. Кромѣ указанныхъ породъ мѣстами наблюдаются также породы діабазовой группы. Характерныя морфологическія особенности берега, отмѣченныя выше, находятъ себѣ объясненіе, повидимому, въ распредѣленіи изверженныхъ породъ среди сланцевъ. Именно въ мысахъ и встрѣчаются всегда мощные штоки гранитовъ, и горы, сложенныя ими, оказывая болѣе сильное сопротивленіе размыванію, чѣмъ сплошные сланцевые массивы, выдаются на береговой линіи въ видѣ болѣе или менѣ крупныхъ выступовъ. За этими древними отложеніями идутъ девонскіе известняки, найденные мною на нижней Колымѣ и лежащіе выше ихъ тамъ же сланцевые песчаники неопредѣленнаго возраста. Можетъ быть, съ послѣдними возможно сопоставить указанные Норденшельдомъ верхнепалеозойскіе сланцы съ отпечатками растеній у ур. Рыркайпій, которые я не могъ отыскать на мѣстѣ изъ за снѣга. Послѣ этого въ геологическихъ памятникахъ наблюдается значительный перерывъ, и послѣдующія отложенія принадлежатъ уже къ новѣйшимъ постпліоценовымъ, развитымъ въ видѣ тундровыхъ слоевъ западнѣе Чаунской губы, по Колымѣ и ея притокамъ. Прибрежныя образованія въ восточной части побережья, въ виду ихъ весьма мощнаго развитія, могутъ быть до извѣстной степени параллелизованы съ тундровыми слоями, хотя отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что ихъ образованіе непосредственно и безъ перерывовъ связано съ образованіями настоящаго времени. Необходимо отмѣтить на Чукотскомъ побережьѣ, повидимому, отсутствіе морскихъ постпліоценовыхъ отложеній, такъ какъ тѣ глинисто-песчаные слои, гдѣ была собрана небольшая фауна, при ея ближайшемъ изученіи, могутъ оказаться образованіемъ внутренняго бассейна, такъ какъ фауна эта отличается

весьма значительной своеобразностью. Картина геологіи «Чукотской земли» будетъ, какъ она можетъ быть нарисована теперь, полна, если добавить, что ледниковыхъ образованій намъ, какъ и ранѣе Норденшельду, нигдѣ не пришлось встрѣтить, хотя въ то-же время я долженъ отмѣтить, что во многихъ мѣстахъ горныя цѣпи морфологически отвѣчаютъ т. н. альпійскому типу, т. е. рельефъ ихъ могъ быть выработанъ при участіи ледниковой эрозіи. Что касается тектоники мѣстности, то, какъ обычно для всѣхъ древне-сланцевыхъ областей, и рассматриваемая отличается сильно нарушеннымъ залеганіемъ, слои изогнуты, перемяты, поставлены на головы. Было бы, однако, преждевременно говорить теперь безъ подробной карты о тѣхъ или другихъ направленіяхъ складчатости,—о структурномъ планѣ всей этой части земной коры. Кромѣ пликативныхъ явленій, наблюдаются, однако, и явленія дизъюнктивной дислокаціи, и весьма возможно, что съ одной изъ такихъ линій разлома совпадаетъ по направленію Колючинская губа. Что касается полезныхъ ископаемыхъ, вопросъ о которыхъ тѣсно связанъ всегда съ геологическимъ изслѣдованіемъ страны, то на основаніи работъ экспедиціи можно лишь сказать, что тѣ полезныя ископаемыя (золото, графитъ, желѣзо), которыя найдены у м. Дежнева, можно ожидать встрѣтить по всему побережью до самой Колымы. Другой вопросъ о количествѣ этихъ богатствъ, на который геологъ не можетъ отвѣтить на основаніи своихъ изслѣдованій. Отвѣта на этотъ вопросъ общество и наука по отношенію къ золоту тщетно ждали отъ Восточно-Сибирской компаніи, десять лѣтъ владѣвшей на концессионныхъ началахъ Чукотскимъ полуостровомъ, но ничего тамъ не сдѣлавшей. Въ послѣднее время въ газетахъ появились рассказы о нефти на Чукотскомъ полуостровѣ, которые я слышалъ уже на Колымѣ и изъ одного и того же первоисточника. Намъ пришлось видѣть тотъ „вонючій

иль", о которомъ упоминалось въ старинной литературѣ и который теперь заподозрѣнъ на нефть, и убѣдиться, что съ нефтью онъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго.

Какъ однообразна эта страна по геологическому строенію, такъ однообразна она и по своей природѣ и климату. Все это характерная тундра, большею частью каменистая, иногда торфянистая, кочковатая, болотистая. Лѣсъ, какъ извѣстно, встрѣчается въ бассейнѣ Колымы и Анадыря. Ни одна изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, не доходитъ вершиной до лѣса, хотя, судя по характеру плавника, въ верховьяхъ Большой рѣки есть уже кустарники. Рѣдкіе лишь кустарники, не выше аршина—полутора, мы встрѣчали также вблизи м. Дежнева въ глухихъ, защищенныхъ отъ вѣтровъ лощинахъ, хотя м. Дежневъ лежитъ уже южнѣе полярнаго круга. Это, конечно, можно объяснить себѣ, только вспомнивъ слова Биллингса про „Чукотскую землю“, у которой — „климатъ самый не-носный“,—слова, подъ которыми подпишется каждый здѣсь путешествовавшій. Зимніе морозы здѣсь, повидимому, рѣдко превышаютъ— 40° С., чего, къ сожалѣнію, мы не могли измѣрить точно, но за все время нашего путешествія зимняя температура ни разу не опускалась настолько, чтобы слышенъ былъ шумъ отъ дыханія, что вообще довольно точно отвѣчаетъ температурѣ— 45° С. По словамъ чукчей дни, когда дыханіе шумитъ, у нихъ встрѣчаются очень рѣдко и не каждую зиму. Зато всю зиму свирѣпствуютъ сильные, дующіе иногда многіе дни, вѣтры. Главная, однако, причина суровости климата лежитъ, вѣроятно, въ короткомъ и холодномъ лѣтѣ съ часто дующими холодными вѣтрами, съ очень частыми и продолжительными туманами. Тундра населена своими обычными обитателями. Сѣверный олень, волкъ, песецъ, бурый медвѣдь, росомаха, бѣлая куропатка встрѣчаются всюду. На прибрежномъ льду попадаетъ зимою бѣлый медвѣдь, а въ горахъ къ этому населенію присоединяется

горный баранъ, встрѣчавшійся здѣсь ранѣе мѣстами, повидимому, въ изобиліи. Какъ будто, чтобы доказать положеніе, что тундра и степи являются родственными образованіями, здѣсь еще весьма нерѣдко встрѣчается сусликъ, прекрасно уживающійся въ мерзлой почвѣ. Мы встрѣчали его сами на м. Шелагскомъ, но, повидимому, онъ идетъ еще и далѣе къ востоку. Степь напоминали намъ также и не разъ встрѣчавшіеся журавли—птица, вообще, мало обычная въ сѣверной Сибири.

Господствующей народностью въ районѣ работъ экспедиціи являются чукчи. Русское населеніе живетъ только на Колымѣ, да маленькая русская колонія, состоявшая изъ доктора, довѣреннаго торговаго дома Чурина съ приказчикомъ и двухъ стражниковъ, встрѣтила экспедицію на м. Дежневѣ. По Колымѣ живутъ якуты и рядъ мелкихъ инородческихъ племенъ, частью почти вымершихъ,—юкагиры, чуванцы, ламуты и др. Изъ нихъ ламуты, вообще, болѣе многочисленныя, заходятъ на востокъ до Чауна, частью какъ самостоятельныя и даже богатые оленеводы, частью какъ пастухи у оленьихъ чукчей. Это все бѣдность въ томъ родѣ, какъ нанятые для насъ погонщики. Восточнѣе Шелагскаго мыса по всему побережью живутъ уже исключительно морскіе чукчи до мыса Дежнева, гдѣ къ нимъ присоединяется, кромѣ указанной русской колоніи и нѣсколькихъ американцевъ, еще довольно значительное племя эскимосовъ.

Чукчи по образу жизни подраздѣляются на кочевыхъ или оленныхъ и на сидячихъ, морскихъ или собачьихъ чукчей. Иногда этимъ двумъ группамъ противопоставляютъ третью—торговыхъ чукчей, живущихъ вблизи м. Дежнева и занимающихся торговлею съ американцами и своими сородичами. Эти подраздѣленія являются, конечно, чисто экономическими. Оленный чукча, потерявъ въ силу какихъ либо случайностей оленей, идетъ на берегъ моря и добываетъ здѣсь свое пропитаніе. Многіе

изъ морскихъ чукчей имѣютъ еще небольшіе табуны оленей—въ нѣсколько десятковъ штукъ, которые пасутся обыкновенно съ табунами болѣе богатаго чукчи, чаще родственника. Если такой табунъ увеличится въ числѣ, морской чукча охотно дѣлается оленнымъ, хотя, конечно, это труднѣе обратнаго превращенія. Во время лѣтняго перехода по побережью отъ Колымы до Шелагскаго мыса мы встрѣчали много оленныхъ чукчей, выходящихъ со своими табунами лѣтомъ на берегъ океана, какъ спасаясь отъ комаровъ, такъ идя на прекрасныя здѣсь, въ общемъ, пастбища, а равно и ради промысла рыбы, являющейся важнымъ пищевымъ подспорьемъ въ эту пору года. Зимой чукчи отходятъ отъ берега въ горы, гдѣ и стоятъ со своими табунами на моховищахъ. Въ это время вся эта часть побережья обращается въ совершенную пустыню, гдѣ на слѣды людей указываютъ лишь шалаши, построенные изъ плавника, лабазы, изрѣдка брошенныя лодки и т. п. Восточнѣе Шелагскаго мыса оленныхъ чукчей мы уже не встрѣтили, всѣ они откочевали ко времени нашего проѣзда вглубь страны. Но здѣсь по всему побережью круглый годъ сидятъ морскіе чукчи поселками, въ нѣсколько шалашей каждый, рѣже отдѣльными юртами. Разстоянія между такими поселками весьма различны и весьма часто равны хорошему дневному переходу. Только между ур. Эчуннинъ и ур. Этонникъ это разстояніе не менѣе 150 верстъ. Восточнѣе Колючинской губы поселки эти крупнѣе и расположены значительно чаще. Сидячіе чукчи въ качествѣ домашнихъ животныхъ держатъ собакъ, на которыхъ и совершаютъ свои зимнія, иногда весьма отдаленныя поѣздки. Кочевокъ эти чукчи не дѣлаютъ совершенно и только каждую осень и весну переставляютъ свои шалаши, перенося ихъ на нѣсколько десятковъ или сотенъ сажень.

Всѣ чукчи живутъ въ совершенно одинаковыхъ жилищахъ—обширныхъ, неправильно полушаровидныхъ

Фот. Толмачевъ.

1. Лагерь экспедиціи у р. Яирагайвеямъ $\frac{3}{4}$ х. На заднемъ планѣ возвышенности Шелагскаго мыса.

Фот. Толмачевъ.

2. На ур. Койвеямъ $\frac{7}{8}$ х. Приготовленія къ санной поѣздкѣ.

шалашахъ, состоящихъ изъ деревяннаго легкаго остова, обтянутаго оленьей замшей, или же—у сидячихъ чукчей—вблизи м. Дежнева—парусиной и т. п. тканью. Шалашъ этотъ представляетъ, собственно говоря, лишь какъ бы крытый дворъ. Самое же жилое помѣщеніе будетъ т. н. „пологъ“—глухая палатка, сшитая изъ оленьихъ шкуръ въ формѣ параллелепипедалянаго ящика, которая подвѣшивается въ упомянутомъ шалашѣ у стѣны, противоположной входу въ него. Размѣры полога зависятъ отъ числа членовъ семьи, но во всякомъ случаѣ таковы, что на одного взрослого человѣка приходится не болѣе половины кубической сажени воздуха, часто и менѣе. Такъ какъ пологъ обыкновенно закрытъ наглухо, или отъ него идетъ вытяжная труба, по формѣ и величинѣ напоминающая рукавъ мужского платья, а въ немъ постоянно горятъ лампы, наливаемая тюленьимъ жиромъ, рѣже (у богачей—оленеводовъ) костянымъ оленьимъ жиромъ, то въ немъ всегда тепло, даже жарко, такъ что всѣ сидящіе обыкновенно сбрасываютъ платье съ верхней части тѣла, а женщины раздѣваются совершенно, оставляя лишь узенькій поясъ стыдливости. Въ постановкѣ полога на зиму у сидячихъ и оленныхъ чукчей есть нѣкоторая разница. У первыхъ онъ ставится совершенно крѣпко и растягивается посредствомъ внутреннихъ перекладинъ. У оленныхъ же чукчей пологъ лишь подвѣшенъ и перевѣшивается каждый день. Совершенно одинакова у всѣхъ чукчей и одежда, сдѣланная изъ оленьихъ мѣховъ. Отъ американцевъ ввозится въ небольшомъ количествѣ бязь, тикъ и т. п., но всѣ эти ткани употребляются только на шитье верхнихъ балахоновъ, имѣющихъ цѣлью защитить мѣховую одежду отъ сырости, напр. мокраго снѣга. Пища тѣхъ и другихъ чукчей отличается, однако, уже весьма значительно. Оленные чукчи питаются преимущественно отъ своего табуна, морскіе—мясомъ морскихъ звѣрей—тюленя и моржа и лишь отчасти олениной, кото-

рая здѣсь является, пожалуй, уже болѣе лакомствомъ. Китовый промыселъ у чукчей теперь совсѣмъ упалъ, и только вблизи м. Дежнева ежегодно убивается чукчами одинъ—два кита, повидимому, рѣдко болѣе. Подспорьемъ для тѣхъ и другихъ чукчей является рыба, охота за дикими оленями, медвѣдями, дикими гусями и т. п., собираніе различныхъ кореньевъ и морскихъ водорослей. Неизмѣннымъ пищевымъ продуктомъ, потребляемымъ въ громадномъ количествѣ, разъ онъ есть, является кирпичный чай. Отъ американцевъ чукчи получаютъ муку-крупчатку, галеты и т. п., такъ что, чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ питаніе становится разнообразнѣе. Свое охотничье оружіе чукчи получаютъ преимущественно отъ американцевъ, и морскіе чукчи имѣютъ винтовки прекраснаго даже съ нашей точки зрѣнія качества. Къ западнымъ оленеводамъ тѣ же ружья попадаютъ уже изъ вторыхъ рукъ, болѣе старыхъ системъ и сильно поношенными. У послѣднихъ въ ходу и русскія берданки, которыхъ морскіе чукчи, можно сказать, не признаютъ совершенно—возможно изъ-за трудности ихъ полученія.

Чукчи не образуютъ какихъ-либо общинъ, не имѣютъ начальниковъ, и всѣ попытки русской администраціи создать такихъ старшинъ и старостъ, по крайней мѣрѣ, въ районѣ, съ которымъ пришлось ознакомиться намъ, кончались полной неудачей. Въ каждой семьѣ главой ея является отецъ, который, однако, какъ только подрастутъ сыновья или, за отсутствіемъ ихъ, племянники, уступаетъ имъ все хозяйство, оставляя себѣ такіе промыслы, какъ охота, домашнія дѣла и т. п. Онъ пользуется полнымъ почетомъ и уваженіемъ. Ему всегда первый и лучший кусокъ. Его мнѣніе имѣетъ большой вѣсъ и уговорить старика сдѣлать что-нибудь, подрядиться, продать—значитъ получить нужное. Съ другой стороны, старикъ ничего не сдѣлаетъ безъ согласія старшаго сына-хозяина, и если даже видитъ, что тотъ дѣлаетъ что-нибудь плохо,

долженъ быть очень остороженъ съ выраженіемъ своего неудовольствія, такъ какъ легко можетъ поплатиться за это и платится нерѣдко жизнью. Такія убійства случаются нерѣдко и по сіе время, и члены семьи, гдѣ они случились, на нихъ совершенно не реагируютъ. Тѣмъ болѣе это относится до другихъ постороннихъ семей. Наоборотъ, убійства или обиды между различными семьями всегда вызываютъ месть, хотя „око за око“ здѣсь легко замѣняется выкупомъ. Такимъ образомъ, въ основѣ чукотскаго соціальнаго устройства лежитъ семья, но семья, понимаемая довольно широко. Это уже указываетъ на родовое устройство, но въ зачаточной формѣ, когда родъ еще только формируется и представляетъ лишь огромную разросшуюся семью, члены которой еще легко могутъ установить взаимныя родственныя связи. Чукчи, вообще, широко считаютъ своихъ родственниковъ и часто говорятъ и помнятъ объ очень отдаленныхъ родственныхъ связяхъ. Одинъ изъ нашихъ переводчиковъ (Румянцевъ) былъ очень смѣшанной крови: юкагирь, чуванецъ и отчасти чукча, и при поѣздкѣ по побережью онъ безпрестанно встрѣчалъ „родственниковъ“, о существованіи которыхъ и не подозрѣвалъ. Только недоразумѣнія съ русскими заставляли и заставляютъ чукчей сплотиться временно, и не въ общину, а скорѣе въ военную дружину. Чукчи являются, такимъ образомъ, по своему соціальному устройству, пожалуй, болѣе примитивными, чѣмъ другіе инородцы Сибири, но это-же, повидимому, можно сказать и объ ихъ языкѣ, вѣрованіяхъ и вообще объ ихъ всемъ интеллектуальномъ развитіи, поражавшемъ часто своимъ низкимъ уровнемъ. Сравнивая описанія старинныхъ русскихъ путешественниковъ съ нашими наблюденіями, мы невольно приходили къ заключенію, что форма ихъ быта уже лѣтъ полтораста тому назадъ существенно не отличалась отъ настоящей, и что чукчи настоящаго времени, при всѣхъ измѣненіяхъ матеріаль-

ной культуры, очень мало отличаются отъ чукчей времени путешествія Биллингса. Можно думать, что быть этого народа окончательно сложился и застылъ въ этихъ формахъ еще далеко ранѣе, и чукчи, съ незапамятныхъ временъ жившіе вдалекѣ отъ всякихъ постороннихъ вліяній въ однообразныхъ суровыхъ условіяхъ жизни и сумѣвшіе великолѣпно приспособиться къ этимъ условіямъ и выработать себѣ большую жизненную стойкость, остановились на одномъ мѣстѣ въ своемъ развитіи и даже, быть можетъ, пошли назадъ. Насколько чукчи великолѣпно приспособились къ мѣстнымъ условіямъ, показываетъ то, что два встрѣченныхъ экспедиціей у чукчей американца, поселившись у нихъ, перешли совершенно на чукотскій образъ жизни. Нельзя, конечно, ожидать встрѣтить все въ совершенно одинаковой мѣрѣ у всѣхъ вообще чукчей. Чукчи восточной части побережья, часто видящіе американцевъ, ведущіе съ ними торговлю и даже бывающіе въ Америкѣ, съ нѣкоторыми изъ которыхъ я могъ даже говорить по англійски (по русски ни съ однимъ чукчей намъ столкнуться не пришлось ни разу), естественно восприняли отъ послѣднихъ извѣстную культуру и, нужно думать, будутъ прогрессировать въ этомъ направленіи и дальше. Напротивъ того, оленные чукчи западной части района работъ экспедиціи очень мало входятъ въ сношенія съ культурными людьми. Русское вліяніе здѣсь ничтожно, да и русскіе, по своей характерной національной особенности, входя въ соприкосновеніе съ чукчами, какъ вообще съ инородцами, быстро усваиваютъ ихъ языкъ и входятъ какъ бы въ ихъ жизнь. Кромѣ того, оленеводы мало вообще и нуждаются въ чемъ либо, такъ какъ олень даетъ ему большую часть необходимаго, а все остальное онъ смѣняетъ у своего же брата-чукчи и къ русскимъ ему идти не зачѣмъ. Возвращаясь на Колыму, я встрѣтилъ на ур. Этонникъ въ гостяхъ у морского чукчи богатаго оленнаго чукчу, который въ первый

разъ въ жизни видѣлъ русскаго человѣка. Немудрено, что всѣ обычаи старины сохранились у оленныхъ чукчей почти въ полной неприкосновенности, чего уже далеко нельзя сказать про морскихъ дальне-восточныхъ чукчей. Также не тронуты или мало тронуты морскіе чукчи вблизи Шелагскаго мыса—одинаково далекіе отъ русскаго и американскаго вліянія. Они, однако, потеряли уже патріархальность оленныхъ чукчей и не пріобрѣли американской культурности восточныхъ. Когда мы уѣзжали съ Колымы на востокъ, намъ много рассказывали о дикости „носовыхъ“ чукчей, т. е. живущихъ ближе къ м. Дежнева. Мы убѣдились, однако, что чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ лучше и лучше становились чукчи, и что наиболѣе дикими и непріятными являлись именно шелагскіе чукчи. Этого мнѣнія держались, повидимому, и восточно-морскіе чукчи, которые, по образному выраженію нашихъ переводчиковъ, шелагскихъ чукчей „считаютъ какъ за звѣрей“. Оленеводы Анадырскаго округа, встрѣчавшіеся намъ у Чауна и сравнительно близко соприкасающіеся съ русскими, также являются сравнительно культурными и выгодно отдѣлялись въ нашихъ глазахъ отъ мѣстныхъ чукчей. У нихъ, конечно, многое то, что у западныхъ чукчей является еще нынѣ дѣйствующимъ обычаемъ, будетъ уже рѣдкимъ исключеніемъ или просто преданіемъ. Возможно, что то-же самое можно сказать про чукчей, живущихъ у Колымы и въ особенности на „западной“ тундрѣ (къ западу отъ этой рѣки).

Чукчи, въ отличіе отъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, никогда не были окончательно покорены и обложены данью. Ясака поэтому они регулярно не платятъ. Такъ какъ это, повидимому, очень не нравилось администраціи, то былъ введенъ обычай собирать ясакъ, отдавая за принесенную пушнину. Анадырскіе чукчи платятъ, повидимому, ясакъ довольно охотно, и нѣсколько человѣкъ показывали мнѣ официальные росписки отъ

начальника Анадырскаго округа, въ которыхъ внесенный ясакъ—обыкновенно песецъ — называется «добровольнымъ». Морскіе же чукчи этого совершенно не дѣлаютъ. Вслѣдствіе того, что чукчи весьма безразличны къ отвлеченнымъ вопросамъ, миссіонеры никакого успѣха здѣсь не имѣли, и единственный крещеный чукча, встрѣченный нами, былъ съ Анадыря. Какъ уже говорилось выше, вліяніе русской администраціи на чукчей ничтожно, вѣрнѣе сказать, его нѣтъ вовсе, и чины администраціи принципиально отказывались и отказываются отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла чукчей. Немалую роль, можетъ быть, сыгралъ случай недавняго прошлаго, когда чукчи, озлобленные убійствомъ въ дракѣ съ русскими одного изъ своихъ сородичей во время знаменитой нѣкогда Анюйской ярмарки, такъ рѣшительно двинулись противъ Анюйской крѣпости, что исправникъ бѣжалъ изъ нея на Колыму въ первую же ночь, а также, конечно, вліяютъ и совершенно преувеличенные рассказы о дикости чукчей, съ которыми мы, въ общемъ, прекрасно ладили.

* Чукчи считаютъ себя совершенно независимыми, и мы во время экспедиціи всегда сознавали, что, путешествуя по Россіи, мы ѣдемъ по странѣ, принадлежащей Россіи только номинально. Не принадлежа фактически Россіи, „Чукотская Землица“ не подпадаетъ постепенно подъ вліяніе Америки, о чемъ въ свое время немало волновалась пресса, и остается такой же независимой, какъ и до казацкихъ походовъ. Зависимость отъ американцевъ чисто экономическая, какъ отъ поставщиковъ товаровъ, т. е. совершенно такая же, какъ раньше (въ блестящія времена Анюйской ярмарки) была отъ русскихъ. Казенный складъ, устроенный на мысѣ Дежнева, вмѣстѣ со складомъ золотопромышленной компаніи (правда, полуамериканской) имѣлъ уже немалое политическое значеніе, а складъ торговаго дома Чуриныхъ, устроенный тамъ въ 1909 г., и подавно, такъ какъ склады эти торговали въ такое

время, когда привоза новыхъ товаровъ нѣтъ, а есть только запасы ихъ у чукчей и у одного жившаго на м. Дежнева американца. Правильно и широко поставленное торговое дѣло здѣсь дастъ несомнѣнно барышъ предпринимателю и можетъ, если не уничтожить американскую торговлю, то аннулировать вполнѣ американское вліяніе. Только такимъ путемъ и возможно бороться съ этимъ послѣднимъ. Всякіе же шаги административнаго характера, правда, очень легкіе, вмѣсто пользы, могутъ принести лишь вредъ. Легко, на примѣръ, совершенно не пустить американскихъ торговцевъ и товаровъ на Чукотскій полуостровъ, но если этимъ прекратится вообще ввозъ товаровъ на полуостровъ, то населеніе, привыкшее уже къ извѣстнымъ вещамъ и продуктамъ, будетъ поставлено въ очень трагическое положеніе. Точно также замѣна всѣхъ американскихъ товаровъ русскими можетъ имѣть очень невыгодныя послѣдствія для населенія. На Чукотскій полуостровъ по приблизительной оцѣнкѣ упомянутаго выше американца Wall'a ежегодно ввозится до 1.000 винчестеровъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ патроновъ. Чукчи очень привыкли къ этому оружію, прекрасно справляются съ наиболѣе новыми моделями, и каждый имѣетъ по крайней мѣрѣ одно, а то два и три ружья, беря часто для стрѣльбы тюленей одно, для моржа и вообще крупнаго звѣря другое ружье. Мы совершенно не въ состояніи дать чукчамъ какое либо иное ружье вмѣсто винчестера, съ новыми системами котораго можетъ конкурировать только трехлинейка, между тѣмъ прекратить ввозъ хорошаго огнестрѣльнаго оружія—значить совершенно обездолить край. То же можно сказать и про американскую крупчатку, которая и во Владивостокѣ конкурируетъ успѣшно съ русской. Другое дѣло, на примѣръ, сильно спрашиваемые чукчами американскія галеты, которыя могутъ быть вполнѣ замѣнены и вытѣснены простыми русскими сухарями. Стальные американскія издѣлія также,

конечно, удержать рынокъ, но высокія качества русскаго сахара, китайскаго чая, русскаго табаку, русской мѣдной и фаянсовой посуды, отчасти нѣкоторыхъ сортовъ мануфактуры хорошо извѣстны чукчамъ. Конечно, ввозъ товаровъ американцами, а также, понятно, и русскими долженъ вестись подъ строгимъ контролемъ и охраною, чтобы воспрепятствовать эксплоатаціи населенія при помощи водки. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что устройство поста на мысѣ Дежнева сразу во много разъ сократило ввозъ спиртныхъ напитковъ, ввозившихся не такъ давно въ такихъ количествахъ, что они проникали даже на Колыму, а у чукчей мы все еще встрѣчали боченки, привезенные съ водкою, такъ что такой контроль и въ будущемъ особой трудности не представитъ.

Теперь, когда на весь этотъ край обратили вниманіе, когда недалеко, повидимому, осуществленіе торговыхъ рейсовъ между Владивостокомъ и Колымою, есть всѣ данныя не для усиленія, а для возстановленія русскаго вліянія и пріобщенія этого далекаго края къ культурной жизни. Въ чукотской жизни въ обычномъ правѣ есть много такого, чего ни одна страна, считающая себя культурной, не можетъ допустить въ своихъ предѣлахъ, и въ этомъ отношеніи вліяніе на чукчей будетъ много легче, чѣмъ, напримѣръ, борьба съ кровавой местию и ножевиной на Кавказѣ. Съ другой стороны, было бы очень неосмотрительно начать коренную ломку всей чукотской жизни,—ломку, на которую отдаленные новаторы нерѣдко бываютъ способны. Въ теченіе многихъ столѣтій чукчи выработали себѣ извѣстный образъ жизни, великолѣпно приспособленный къ мѣстнымъ условіямъ. Требовать отъ некультурнаго народа гибкости—быстрой приспособляемости къ новымъ условіямъ,—нельзя. Съ трудомъ управляясь и теперь съ тяжелыми жизненными условіями, чукчи, въ случаѣ новыхъ вліяній, не сумѣли бы къ нимъ приспособиться и отвѣтили бы, конечно, тѣмъ,

чѣмъ отвѣтили десятки дикихъ племенъ земного шара — вымираніемъ, котораго въ настоящее время у нихъ не наблюдается, или же выселеніемъ въ Америку, которая ихъ къ себѣ съ удовольствіемъ пустить. И то и другое, прежде всего, плохо для самой Россіи. Безъ чукчей все побережье Ледовитаго океана на занимающемъ насъ пространствѣ было бы самой печальной пустыней. Даже въ случаѣ развитія здѣсь горнаго (золотого) промысла, оживились бы лишь отдѣльные пункты во время рабочаго сезона. Безъ мѣстнаго населенія этимъ пунктамъ будетъ очень не легко, особенно въ зимнее время, хотя бы вслѣдствіе очень затрудненнаго сообщенія, а такимъ населеніемъ могутъ быть только чукчи. Поэтому какое бы будущее ни получилъ Чукотскій полуостровъ, чтобы его ни ждало, чукчей необходимо беречь, и къ этому сбереженію ихъ и должны быть направлены всѣ мѣропріятія. Беречь ихъ необходимо не изъ одного чувства гуманности, совершенно естественнаго по отношенію къ народу, заработавшему себѣ полное сочувствіе многолѣтнею борьбою съ исключительно тяжелыми географическими условіями, но даже просто изъ утилитарныхъ соображеній, чтобы сохранить на далекой окраинѣ населеніе и не дать ей обратиться въ пустыню, съ которой всегда мудрено что нибудь сдѣлать. Единственнымъ способомъ поддержки этого населенія является только устройство правильныхъ морскихъ плаваній вдоль побережья и доставка товаровъ не только на мысъ Дежнева, но и много западнѣе, какъ въ устьѣ Колымы, такъ и въ какіе-либо промежуточные пункты. Устройство такихъ рейсовъ одинаково важно и для русскаго населенія по Колымѣ и вообще для всего населенія Колымскаго округа, также сильно страдающаго отъ экономическихъ причинъ, вызванныхъ страшной отрѣзанностью отъ южной Сибири. Устранить эту отрѣзанность, улучшить сухопутные пути сообщенія почти невозможно въ странѣ, гдѣ на одного

жителя приходится чуть не по сто квадратных верстъ, если, конечно, не считаться съ такими фантастическими проектами, какъ желѣзная дорога черезъ Беринговъ проливъ. Единственный и естественный путь—Ледовитый океанъ, плаваніе по которому при извѣстной организации дѣла едва ли встрѣтитъ какія либо значительныя трудности.

Когда говорятъ объ извѣстныхъ въ литературѣ плаваніяхъ вдоль Чукотскаго побережья, всегда цитируютъ плаваніе Веги, прошедшей изъ Европы до восточной окраины Колючинской губы и здѣсь захваченной зимою только потому, что, занимаясь научными наблюденіями во время своего плаванія, Вега неизбежно потеряла много времени и запоздала къ Берингову проливу. Плаваніе это въ неоспоримой формѣ доказало возможность прохода Ледовитымъ океаномъ вдоль береговъ Сибири, но въ то же время какъ бы заставило забыть о другихъ плаваніяхъ, благодаря чему иногда высказывается мнѣніе, что путешествіе Веги было совершенно исключительнымъ, счастливой случайностью, рѣдкой удачей и, какъ таковое, не можетъ служить основаніемъ для рѣшенія вопроса о плаваніи по Ледовитому океану въ общей формѣ. Вега была, конечно, единственнымъ кораблемъ, прошедшимъ сѣверо-восточнымъ проходомъ, но плаванія вдоль отдѣльныхъ участковъ Сибирскаго побережья далеко не являются одиночными. И въ частности, вдоль Чукотскаго побережья эти плаванія извѣстны съ древнѣйшихъ временъ и шли какъ съ запада, изъ устья Колымы, такъ и съ востока, изъ Берингова пролива.

Наша экспедиція вышла на берегъ Ледовитаго океана 24-го іюня 1909 года у устья Колымы. Море отсюда до мыса Летяткина было почти совершенно свободно отъ льдовъ, такъ какъ изрѣдка виднѣвшіяся отдѣльныя и небольшія льдины препятствій плаванію представить не могли. У названнаго мыса эти льдины встрѣчались чаще,

а еще восточнѣе, мѣстами, вблизи берега стоялъ уже сплошной, хотя и разбитый ледъ, что зависѣло отъ дувшихъ тогда NW вѣтровъ, такъ что мѣстами экспедиція была свидѣтельницею постепеннаго накопленія льдовъ у берега. Чаунская губа была свободна ото льда, котораго, однако, немало было у береговъ Шелагскаго мыса. Тѣмъ не менѣе, чукчи съ этого мыса, съ острова Раутанъ и съ урочища Койвеямъ, беспрепятственно прошли на байдаряхъ на р. Чаунъ, а астрономъ экспедиціи обогнулъ на байдарѣ же Шелагскій мысъ, хотя и пробиваясь черезъ льды, что для кожаныхъ байдаръ далеко не безопасно. Чукчи, пришедшіе въ байдаряхъ съ Шелагскаго мыса на временный лагерь экспедиціи (19 в. южнѣе), были вслѣдствіе внезапно усилившагося вѣтра затерты тамъ льдомъ, и нѣкоторые изъ нихъ должны были оставить здѣсь на зиму свои байдары, но по Чаунской губѣ плаваніе продолжалось еще и позднѣе. Когда море замерзло, съ горъ Шелагскаго мыса можно было видѣть, что тороса окаймляютъ сплошной полосой берега мыса, а далѣе море замерзло гладко на бóльшей части поверхности. Къ востоку отъ Шелагскаго мыса экспедиція двигалась уже по замерзшему морю, хотя, начиная отъ мыса Рыркайпій, встрѣчалось еще очень много полыней, иногда громадныхъ размѣровъ, какъ у м. Оньманъ, а мѣстами (за м. Сердце-Камень) море еще было не вполнѣ замерзшимъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ и у мыса Дежнева. Но во всякомъ случаѣ и тамъ, гдѣ зимою экспедиція шла по льду, это былъ разбитый ледъ, спаенный вновь образовавшимся ровнымъ, общее количество котораго нужно было признать преобладающимъ, такъ что свободная водная поверхность осенью была довольно велика. Общее впечатлѣніе отъ этихъ наблюденій таково, что Ледовитый океанъ лѣтомъ у береговъ отнюдь не можетъ быть названъ забитымъ льдами. Количество ихъ сравнительно невелико, и ледъ у береговъ представляетъ скопленія

вслѣдствіе вѣтровъ, дующихъ на берегъ. При измѣненіи вѣтра прибрежная полоса болѣе или менѣе ото льда очищается. Старого нетронувшагося съ прошлаго года льда экспедиція не наблюдала. Значительная часть торосовъ представляетъ образованіе того же года и образуется изъ первоначально гладко замерзшаго льда, взломаѣннаго потомъ вѣтрами, что особенно наблюдается у высокихъ скалистыхъ береговъ и мысовъ.

То или другое состояніе льдовъ имѣетъ большое значеніе для чукчей, такъ какъ имъ обуславливается болѣшая или меньшая удачливость лѣтняго промысла, главнымъ образомъ, моржевой охоты. Чукчи поэтому внимательно слѣдятъ за состояніемъ льдовъ и могутъ сообщить подробныя данныя. По словамъ чукчей, сидящихъ у Шелагскаго мыса, въ состояніи льдовъ здѣсь наблюдается извѣстная періодичность: каждые четыре (по другому сообщенію, пять лѣтъ) льды приваливаютъ къ берегу, а затѣмъ наступаетъ періодъ, когда льды отходятъ отъ берега. 1909 годъ былъ исключительнымъ, такъ какъ по этому правилу льды должны были стоять далеко отъ берега, а они, наоборотъ, привалили къ берегу, и моржевой промыселъ въ этомъ году былъ очень скуднымъ. Одинъ изъ Шелагскихъ чукчей всю осень собирался плыть на ур. Яканъ, но не могъ дождаться, когда льды дадутъ этому нѣкоторую возможность. О плаваніяхъ вдоль побережья въ восточной части Чукотскаго побережья чукчи говорили какъ о чемъ-то совершенно обычномъ, считая главнымъ препятствіемъ противные вѣтры, а не льды. Многіе чукчи, живущіе восточнѣе Шелагскаго мыса, плавали отсюда на восточную окраину полуострова или возвращались оттуда въ байдарахъ. Чукчи же, живущіе у Колючинской губы и восточнѣе, бывали на своихъ байдарахъ и въ Америкѣ. Восточнѣе ур. Этонникъ моржевой промыселъ былъ въ общемъ довольно хорошъ и въ этомъ году, слѣдовательно, море было въ значительной степени от-

крытымъ. Этимъ же лѣтомъ чукотская семья, вышедшая въ количествѣ 8 человекъ на байдарѣ на моржевый промыселъ съ ур. Этонникъ, приблизительно, въ концѣ августа, была подхвачена вѣтрами и послѣ продолжительнаго плаванія обмерзла въ покрывшемся льдомъ морѣ гдѣ-то за урочищемъ Ванкаремъ, откуда уже по льду благополучно спаслась на берегъ. Чукотское побережье отличается на всемъ сѣверѣ Сибири именно тѣмъ, что жители умѣютъ и отваживаются выходить въ море. Чукотскія байдары являются безусловно лучшими сибирскими лодками для морского плаванія. Чукчи прекрасно умѣютъ обращаться съ парусомъ и знаютъ употребленіе руля. Экспедиціи приходилось видѣть ихъ маневрированіе, весьма умѣлое и увѣреное, вызывавшее удивленіе въ нашихъ Колымчанахъ, парусовъ не знающихъ и совершенно безпомощныхъ на морѣ. Къ сожалѣнію, самое устройство кожаной байдары исключаетъ киль, что при ея легкости позволяетъ ходить только при попутныхъ и отчасти боковыхъ вѣтрахъ, и противъ встрѣчныхъ вѣтровъ чукчи совершенно безсильны, что, конечно, мѣшаетъ расширенію плаваній и сокращенію потребнаго для этого времени. Насколько велико вліяніе американцевъ въ умѣньи чукчей обращаться съ парусами, сказать трудно. Повидимому, вся конструкція чукотской байдары и ея паруса есть мѣстное изобрѣтеніе, лишь усовершенствованное позднѣе. Система прикрѣпленія веселъ, напр., весьма остроумна, своеобразна и совершенно отличается отъ извѣстныхъ мнѣ образцовъ культурныхъ странъ.

Такимъ образомъ, вдоль всего побережья восточнѣе Шелагскаго мыса существуетъ уже теперь въ лѣтнее время водное сообщеніе жителей другъ съ другомъ, причемъ это сообщеніе нерѣдко принимаетъ характеръ отдаленныхъ плаваній. Западнѣе Шелагскаго мыса такого общенія нѣтъ только потому, что тамъ нѣтъ и осѣдлыхъ морскихъ чукчей. Всѣ эти плаванія дѣлаются въ неболь-

шихъ судахъ—шлюпкахъ, но единственная причина этого, что болѣе крупныхъ судовъ взять неоткуда и построить не изъ чего, а также и то, что съ ними не справиться, да и нужды въ нихъ для чукчей нѣтъ. Впрочемъ, и байдары достигаютъ значительныхъ размѣровъ, и наиболѣе крупныя изъ нихъ поднимаютъ при полномъ экипажѣ, число котораго доходитъ иногда до десяти человѣкъ, по нѣсколько сотъ пудовъ грузу, или, какъ опредѣляютъ чукчи, до восьми убитыхъ моржей, изъ которыхъ вырѣзаны кости. Только для русскихъ Ледовитый океанъ какъ бы недоступенъ, и ни одна лодка не рѣшается выйти въ море изъ устья Колымы, хотя раньше, когда у Большой рѣки существовалъ поселокъ, между нимъ и Колымой было лодочное сообщеніе, по крайней мѣрѣ, намъ рассказывали, что миссіонеръ, выѣхавшій въ этотъ поселокъ, на Колыму возвратился на карбасѣ моремъ.

На основаніи чукотскихъ плаваній нельзя, конечно, составить представленіе о глубинѣ моря. Плаваніе Веги, во всякомъ случаѣ, показало, что даже для относительно крупнаго судна здѣсь есть фарватеръ и что, хотя большихъ глубинъ здѣсь не наблюдается, берегъ все-таки можетъ быть названъ приглубымъ. Значительныя отмели встрѣчаются, повидимому, у тѣхъ частей побережья, гдѣ выступаютъ новѣйшія отложенія, какъ, напр., западнѣе р. Большой, къ сѣверу отъ о. Айонъ и т. п. Восточнѣе мыса Шелагскаго такія мѣста болѣе рѣдки. Берегъ въ общемъ долженъ быть названъ негостепріимнымъ, но все таки, въ случаѣ надобности, суда могутъ хорошо и удобно укрыться въ Колючинской губѣ, въ восточной части Чаунской и въ устьѣ Колымы. Проходъ въ Колыму съ устья, а равно и въ Колючинскую губу извѣстенъ уже давно, а о глубинахъ при входѣ въ Чаунскую губу экспедиція могла судить по крупнымъ, безпрепятственно проносимымъ въ нее льдинамъ. Кромѣ того, восточная часть берега изобилуетъ лагунами, иногда огромныхъ размѣровъ,

среди которыхъ могутъ найтись хорошія гавани, хотя бы для небольшихъ судовъ.

Экспедиція старалась узнать отъ чукчей, не имѣлось ли вообще какихъ либо плаваній въ послѣднее время вдоль побережья—разспросы, съ которыми приходится быть очень осторожнымъ, такъ какъ обычно сообщаются утвердительныя данныя о плаваніи далеко къ западу, а потомъ, путемъ перекрестныхъ разспросовъ, удается установить, что все это относится къ Берингову морю, къ американскимъ шкунамъ и китобоямъ, ежегодно приходящимъ къ м. Дежнева и на западъ доходящимъ до острова Колючина и иногда до ур. Ванкаремъ.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ только одинъ. Плаваніе отъ Берингова пролива до устья Колымы вполне возможно, и когда фарватеръ и вообще условія плаванія будутъ изучены подробнѣе, оно не представитъ, вѣроятно, особыхъ затрудненій и опасностей. Теперь же плаваніе можетъ идти при соблюденіи ряда предосторожностей, необходимыхъ во всякомъ неизвѣстномъ, а въ особенности такомъ удаленномъ, пустынномъ и притомъ замерзающемъ морѣ. Время для плаванія вообще коротко и пока его возможно принять около полутора мѣсяцевъ—срокъ достаточный вполне для одного рейса изъ Берингова пролива до Колымы и обратно, считая отъ 1 августа до 15 сентября. При этихъ условіяхъ судно обогнетъ Шелагскій мысъ, являющійся какъ самая сѣверная точка всего побережья, наиболѣе опаснымъ пунктомъ, обходъ котораго въ ту или другую сторону до извѣстной степени уже предсказываетъ благополучный исходъ плаванія, въ концѣ августа, т. е. въ наиболѣе благоприятное время. Въ Беринговъ проливъ суда могутъ проходить иногда и раньше этого срока и уходить позже, но примѣръ Веги показываетъ на нѣкоторую опасность подвергнуться зимовкѣ, запоздавъ возвращеніемъ. Судно для такого плаванія, конечно, паровое, должно быть по возможности

небольшого водоизмѣщенія и осадки, съ крѣпкимъ корпусомъ, и имѣть большой запасъ угля. Экипажъ долженъ имѣть хорошее помѣщеніе, а судно должно быть приспособлено на случай нечаянной зимовки, т. е. имѣть хорошо согрѣваемые помѣщенія, а также запасы теплаго платья и годовой запасъ провіанта, хорошо подобранного. Впоследствии, когда плаванія настроятся, эти предосторожности будутъ лишними, но вначалѣ онѣ необходимы, хотя бы для того, чтобы дать экипажу полную увѣренность въ своей безопасности *).

Выше я уже говорилъ, насколько благодѣтельно будетъ для этой далекой окраины устройство пароходнаго сообщенія, которое приблизитъ ее значительно къ тѣмъ центрамъ, откуда она получаетъ все необходимое и отъ которыхъ отдѣлена многими тысячами верстъ бездорожья. Другой вопросъ въ томъ, имѣется ли здѣсь настолько большой спросъ, чтобы оправдалась посылка морского судна, и выгодна ли такая посылка для предпринимателя. Относительно восточной части интересующаго насъ района отвѣтъ даютъ американскія шкуны, находящія для себя выгоднымъ ежегодно приходить съ товарами на м. Дежнева. Американцы серьезно подумывали и о торговлѣ съ Колымскимъ округомъ, но предприниматели, хлопотавшіе объ этомъ, повидимому, не имѣли достаточно средствъ сами и не успѣли привлечь къ себѣ капиталы, такъ что дѣло это не осуществилось. По указанію Якутской админи-

*) Выводы экспедиціи относительно возможности плаваній вдоль Чукотскаго побережья за время печатанія этого предварительнаго отчета подверглись опытной проверкѣ, такъ какъ Добровольному Флоту было поручено отправить лѣтомъ 1911 года товарный пароходъ къ устью Колымы черезъ Беринговъ проливъ. Какъ извѣстно, пароходъ «Колыма», купленный для этого рейса, благополучно прошелъ на устье Колымы, сгрузилъ свои товары и также благополучно возвратился въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Тихій океанъ, чѣмъ, конечно, вполне доказывается правильность выводовъ экспедиціи по вопросу о плаваніи вдоль Чукотскаго побережья, возможность котораго, по возвращеніи изъ экспедиціи, я доказывалъ въ рядѣ докладовъ и сообщеній.

1. Мыс Рыкайпий, Утесъ Кожевникова.

Фот. Толмачевъ.

2. Мыс Дежнева отъ поста Дежнева 25/х.

Фот. Толмачевъ.

страціи въ Якутскую область ввозится ежегодно до 180.000 пудовъ товаровъ, частью черезъ южную Сибирь, частью черезъ Охотское море. Какъ ни дешевъ морской фрахтъ, товары, привозимые моремъ въ Колыму, не могутъ вытѣснить весь ввозъ въ Якутскую область съ юга, и осторожнѣе поэтому считается не со всей этой цифрой, а съ частью ея, ограничивъ, напр., сферу вліянія предполагаемаго рейса только Колымскимъ округомъ, что скорѣе будетъ уменьшеніемъ этого вліянія, чѣмъ его излишнимъ увеличеніемъ. По имѣющимся официальнымъ даннымъ, населеніе Колымскаго округа равно, примѣрно, $\frac{1}{12}$ населенія всей Якутской области. Если принять, что ввозъ распредѣляется пропорціонально населенію, то на Колымскій округъ придется не много болѣе 4.000 пудовъ (4.285). Цифра эта, однако, несомнѣнно меньше дѣйствительности, такъ какъ въ Колымскій округъ ввозится между прочимъ и хлѣбъ, который южные округа производятъ сами. Кромѣ того, имѣющійся ввозъ совершенно не обезпечиваетъ потребности населенія, гдѣ голодъ въ той или иной формѣ почти обычное явленіе. Какъ общее правило, на Колымѣ передъ новымъ привозомъ товаровъ обнаруживается всегда недостача того или другого—самаго необходимаго для жизни. Насколько малъ ввозъ и запасы, видно, напр., изъ того, что проѣздъ экспедиціи, закупившей для себя сахару, масла и т. п. замѣтно сказался въ Средне-Колымскѣ. Промышленное охотничье населеніе не обезпечено свинцомъ и ружьями и готово, на примѣръ, почти за всякую цѣну купить берданку и патроны, но всѣ привозимыя ружья моментально расхватываются. То же самое съ волосомъ и мутаузомъ для сѣтей и т. п. Кромѣ того, вслѣдствіе часто полной невозможности получить тотъ или другой продуктъ, потребители прямо должны отказываться отъ нихъ, разительнымъ примѣромъ чего является тотъ фактъ, что среди большинства колымчанъ, особенно въ низовьяхъ рѣки, главнымъ пищевымъ продуктомъ

является рыба, а безъ хлѣба часто обходятся совершенно. Имѣть достаточные запасы хлѣба оказалось не подѣ силу даже правительству, которое, за невозможностью завезти нужное количество хлѣба, давно уже начало выдавать колымскимъ казакамъ часть ихъ пайка деньгами. Въ то же время покупная способность жителей очень велика и у любого колымчанина выше, чѣмъ у средняго жителя Европейской Россіи. Все это показываетъ, что фактическая цифра ввоза, выведенная выше, значительно меньше требуемой дѣйствительными потребностями, которая врядъ ли будетъ менѣе 100—150 тоннъ. Проведя круглый годъ среди чукчей, экспедиція убѣдилась, что и ихъ потребности далеко не удовлетворяются тѣми товарами, которые проникаютъ къ нимъ. Экспедиція за все платила товарами и только благодаря этому могла работать. Чукчи съ удовольствіемъ брали чай, табакъ, сахаръ, а въ сухаряхъ имъ приходилось даже отказывать. Часть чукчей оленеводовъ прикочевала спеціально къ складу на Чаунѣ, предполагая, что здѣсь будетъ что-то въ родѣ ярмарки. Другіе, по слухамъ, намѣревались пріѣхать издалека. Будь этотъ складъ въ нѣсколько разъ больше, и производись здѣсь обычная торговля, весь онъ разошелся бы безъ остатка. Между тѣмъ, многіе изъ чукчей, встрѣченныхъ у Чауна, ходятъ уже на Анадырь, откуда забираютъ необходимые имъ товары по сравнительно дешевой цѣнѣ. Морскіе чукчи получаютъ почти все нужное отъ американцевъ и своихъ соплеменниковъ торговцевъ, но и здѣсь всѣ ихъ потребности далеко не удовлетворяются. Экспедиція, пріѣхавъ на мысъ Дежнева въ ноябрѣ, на обратномъ пути уже могла констатировать замѣтное оскудѣніе запасенныхъ съ осени привозныхъ припасовъ. Черезъ морскихъ чукчей американскіе товары проникаютъ къ оленнымъ и даже отчасти къ русскимъ на Колымѣ. Напротивъ того, распространеніе русскихъ товаровъ съ Колымы съ каждымъ годомъ все суживается, такъ какъ,

благодаря громадному, лежащему на нихъ фрахту, они даже у Шелагскаго мыса не могутъ конкурировать съ американскими, доставка которыхъ сюда также уже очень затруднена. Вдоль всего побережья во всякомъ случаѣ идетъ оживленный, хотя въ общемъ и небольшой товарооборотъ, причемъ наиболѣе цѣннымъ товаромъ съ русской стороны являются собаки, распространяющіяся по всему побережью, а съ Чукотской—ружья (винчестера), черезъ рядъ посредниковъ проникающіе въ Колымскій округъ, гдѣ на Колымѣ иногда можно слышать выраженіе „настоящій чукотскій винчестеръ“. Менѣе же цѣнные товары, какъ, напр., кирпичный чай, посуда, мука съ трудомъ выносятся большой переѣздъ, и населеніе побережья терпитъ въ нихъ хроническій недостатокъ. Удешевленіе этихъ продуктовъ и улучшеніе способовъ ихъ доставки, что будетъ первымъ слѣдствіемъ устройства морского сообщенія, несомнѣнно, немедленно же увеличитъ спросъ на всѣ эти продукты.

Какъ великъ ввозъ на Чукотскій полуостровъ, сказать почти невозможно, тѣмъ болѣе, что до послѣдняго года этимъ ввозомъ занимались почти исключительно американцы. Въ прежнія времена, когда чукчи почти все необходимое имъ закупаютъ у русскихъ, Анюйская ярмарка дѣлала обороты на многія тысячи рублей. Теперь эти обороты перенесены на Чукотскій полуостровъ Анадырь и лишь въ малой части удержались на Колымѣ. Такъ какъ предполагать уменьшеніе числа чукчей нѣтъ основаній, то можно думать, что «Чукотская Землица» представляетъ рынокъ даже болѣе крупный, чѣмъ Колымскій округъ, такъ какъ покупная способность населенія здѣсь, возможно, даже выше, чѣмъ тамъ. Выше упоминалось уже, что, по словамъ американцевъ, однихъ винчестеровъ ввозится ими ежегодно до 1000 штукъ. Въ 1909 году на посту Дежнева открылъ торговлю торговый домъ Чуриныхъ, завезшій туда товаровъ на 30.000 рублей. Несмо-

тря на не вполне удачный подборъ товаровъ, необычный для чукчей способъ торговли, въ февралѣ 1910 г. главные запасы уже были распроданы и, по словамъ завѣдывающаго складомъ, годовой оборотъ на этомъ пунктѣ легко могъ бы быть доведенъ до 100.000 рублей. Эти факты, хотя и отрывочные, вполне подтверждаютъ сдѣланный выше выводъ, что ввозная потребность Чукотскаго населенія не ниже Колымскаго округа и что ежегодная доставка сюда 300—400 тоннъ товаровъ только-только удовлетворитъ самыя насущнѣйшія нужды русскаго и чукотскаго населенія.

Въ пору навигаціи Чукотское побережье значительно болѣе населено, чѣмъ зимою, такъ какъ въ это время по нему стоятъ оленеводы, зимою отходящіе въ горы. Справедливо, чтобы эти инородцы на побережьи и могли дѣлать себѣ нужные запасы на долгую зиму, съ удобствомъ обмѣнивая ихъ на запасенную за зиму пушнину и другіе продукты. Конечно, во время перехода пароходъ не можетъ останавливаться для отдѣльныхъ торговыхъ операцій съ инородцами, и для этого необходимо устройство въ будущемъ нѣсколькихъ торговыхъ складовъ или же развозъ товаровъ вдоль побережья при помощи мелкихъ судовъ. Мѣстами для складовъ можно намѣтить м. Дежнева, о. Колючинъ, м. Шелагскій, р. Колыма—все пункты, являющіеся центрами для своихъ районовъ. Торговля здѣсь исключительно мѣновая, и отдѣльные склады могли бы очень выгодно распродавать получаемые продукты, пересылая ихъ въ другіе соотвѣтствующіе склады. Можно указать, напр., что моржевые ремни (необходимы для собачьей упряжи) въ Колымѣ стоятъ въ 10 разъ дороже, чѣмъ на мысѣ Дежнева. Дороже значительно тамъ и шкуры тюленей. Наоборотъ, продукты оленеводства въ Колымскомъ округѣ значительно дешевле, чѣмъ на восточной части Чукотскаго полуострова, а тѣмъ болѣе въ Америкѣ, гдѣ на шкуры оленей, необходимыя для одежды въ большихъ

количествахъ, всегда хорошій спросъ. Въ настоящее время трудно рассчитывать на значительный вывозъ изъ Колымскаго края, откуда въ Якутскъ идетъ только дорогая пушнина и немного мамонтовой кости. Въ будущемъ можно ожидать увеличенія добычи послѣдняго продукта, а также вывоза такихъ дешевыхъ мѣховъ какъ олени, равно оленьяго мяса и рыбы. Съ Чукотскаго побережья, кромѣ пушнины, вывозится большое количество моржевыхъ зубовъ, китовый усъ и шкуры морскихъ звѣрей, въ количествѣ, достаточномъ для баланса со ввозимыми товарами. Нѣсколько мѣстные жители внимательно относятся къ возможному въ будущемъ пароходству видно изъ того, что Чукотская экспедиція, возвращаясь въ февралѣ 1910 г. черезъ Якутскъ, высказывала свои соображенія о возможности торговаго плаванія вдоль Чукотскаго побережья въ устье Колымы и о надеждахъ на осуществленіе такого плаванія. 15-го же апрѣля, т. е. черезъ полтора мѣсяца послѣ этого, нѣсколько молодыхъ коммерсантовъ въ Якутскѣ учредили уже торговое товарищество подъ фирмой «Колымско-Чукотское Товарищество» непосредственно подъ вліяніемъ выводовъ Чукотской экспедиціи о возможности торговаго мореплаванія вдоль Чукотскаго побережья.

С.-Петербургъ.
Апрѣль 1911 года.

4324

ГПБ Русский фонд

38.12.9.37a